

Т

№1

Январь 2012

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С НОВЫМ ГОДОМ И
РОЖДЕСТВОМ!

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки,
Нина Зардалишвили

Дизайн и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга

№1⁽⁷⁵⁾
Январь 2012

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПРОФЕССИОНАЛ	6
ЮБИЛЕЙ	ЛЕВ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	12
ЗНАЙ НАШИХ!	КАК БУСИНКИ НА НИТОЧКУ	16
БАЛЕТОМАН	Я СТАЛА СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ	18
РУССКИЙ МИР	МАГЕЛЛАН, ПЕРЕПЛЫВШИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК	20
ТРАДИЦИЯ	НАУЧИТЬ ПЕТЬ «ОДУ К РАДОСТИ»	22
О, СПОРТ!	ВОРОТА НА ЗАМКЕ	24
ЛЕНТА ПАМЯТИ	НАРОДНЫЙ АРТИСТ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	27
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»	30
ПАЛИТРА	НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ТЕТРАДИ	34
АРХИВ	ОДЕССКИЕ КАНИКУЛЫ АРКАДИЯ ПАЛЫЧА	39
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ТОЛЬКО МУЗЫКА ВЕЧНА	44
ПРАЗДНИК	ПИРОСМАНИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	47
ИСТОРИЯ	«ГРАММАТИКА ЛЮБВИ»	50
НАМ ПИШУТ	ЧИТАТЕЛИ О ЖУРНАЛЕ	52
ВЕРНИСАЖ	ДАЛЕКАЯ, НО ТАКАЯ БЛИЗКАЯ	54

На обложке: участники Рождественского шествия «Алило»

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетушхуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанонидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полжанина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

В ПОИСКАХ ПРЕЦЕДЕНТА

8 января 1980 года председатель Президиума ВС СССР Л.И.Брежнев и секретарь того же Президиума, бессменный М.П.Георгадзе подписали указ № 100 «О лишении Сахарова А.Д. государственных наград СССР». А было их у Сахарова много – одних звезд Героя Труда аж три, лишь немногим меньше, чем у самого Леонида Ильича. И все, заметьте, за дело – за водородную бомбу там и прочие физические полезности для родимой Страны Советов. Провинился опальный академик очень серьезно – разонравилась ему народная власть, и захотелось прослыть на весь мир «крутым правозащитником». А это уже форменное безобразия. Решено было его примерно наказать, чтобы и другим неповадно было – оставить без орденов и медалей, и вообще, лишить пожизненного звания академика. Позвонили президенту Академии наук, а тот мямлит – дескать, звание пожизненное, и прецедентов лишения еще не было. Решить одному такое никак невозможно, нужен Президиум. Тут же велели созвать Президиум и «кровь из носу» найти прецедент.

Академики по этому поводу собрались неохотно и явно всячески саботировали решение партии и поиски пресловутого прецедента. Положение спас выдающийся физик Петр Леонидович Капица, нобелевский лауреат, между прочим. Он восторженно закричал с места, что

был прецедент, был! Академия фашистской Германии, мол, в начале тридцатых лишила звания академика самого Альберта Эйнштейна. В зале раздались ехидные смешки. А представитель ЦК партии, надзирающий над учеными мужами, сквозь зубы прошипел: «Этот прецедент не подойдет». Так академик Сахаров остался академиком.

ХОЛОП ТВОЙ ИВАШКА ЧЕЛОМ БЬЕТ

А в 1702 году суровым петровским указом было запрещено подписываться уменьшительными именами вроде «нерадивый холоп твой Ивашка (Афонька, Митрофанка) челом бьет». А также падать перед царем на колени. От этой привычки русскому человеку отвыкнуть было трудно, но, забывшись, можно было схлопотать и царского пинка – ибо герр Питер мягким нравом и какой-то особенной выдержанностью не отличался. А был напротив вспыльчив. Еще и головные уборы снимать перед царским дворцом Петр Алексеевич тоже запретил: «Будет тебе шапку ломать, уши застудишь» - и это было самое мягкое, что мог в таком случае сказать венценосный реформатор.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПОЖЕЛАЛ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ

Ровно 300 лет назад появилась первое русское напечатанное стихотворение. Это не значит, что до того на Руси не писали стихов - их просто не публиковали. И было это первое стихотворение, конечно же, посвящено Государю Петру Алексеевичу. Оно было столь медоточивым, столь приторно льстивым, что автор пожелал остаться неизвест-

ным, ибо царь Петр лизоблюдов не жаловал. Но все тайное когда-нибудь становится явным – автором сего верноподданнического послания оказался директор типографии Михаил Петрович Аврамов. Можно считать его первым официальным русским поэтом.

ТЯЖЕЛА И НЕКАЗИСТА ЖИЗНЬ... ЛОНДОНСКОГО МОДЕЛЬЕРА

315 лет назад, 15 января 1797 года лондонский модельер-галантейщик Джон Этерингтон нарушил общественный порядок. Он вышел на улицу, надев на голову свое изобретение – цилиндр. За столь безнравственное поведение он был оштрафован городскими властями на умопомрачительную сумму в пятьдесят фунтов стерлингов. Когда эту новость напечатали газеты в соседней Франции, она вызвала недоумение: французы решили, что такой огромный штраф эти ненормальные островитяне могли назначить человеку, только если он вышел на улицу, скажем, в одном головном уборе и не в чем более... Между прочим, в России, где в то время правил тоже немощно сумасбродный император Павел I, за прогулку в цилиндре могла грозить и Сибирь, а это похуже, чем полсотни фунтов. К слову сказать, через год все лондонские модники уже щеголяли в цилиндрах.

ПАСТУХ С ФРАНЦУЗСКИМ РОМАНОМ ПОД МЫШКОЙ

20 января 1848 года родился замечательный грузинский писатель Александр Казбеги. Это был

уникальный человек. Рожденный в княжеской семье, он получил прекрасное образование и даже учился в московской академии сельскохозяйственным наукам, чтобы стать успешным владельцем доходных поместий. Но его отца постигло банкротство. Для грузинской культуры это оказалось благом, ибо изнеженный княжич стал подлинно народным писателем. Казбеги вернулся из столиц в родные горы и ... стал пастухом. Он пас свои стада, как простой горный чабан и общался с такими же, как и он сам тружениками. Даже внешне он от них не отличался, только забавно было видеть у заросшего густой бородой пастуха с посохом, в другой руке томик с романом по-французски. Все свои произведения Казбеги написал за шесть лет. В них он описывал жизнь горцев. Одной из его главных тем был конфликт человека и окружающей действительности. А прожил этот замечательный человек, ставший вскорости писателем-классиком, всего 45 лет. Как гласит народная мудрость: как жаль, что жизнь одна и такая короткая.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ

Ровно 40 лет назад, 24 января 1972 года в девственном тропическом лесу на острове Гуам обнаружили странного заросшего робинзона, много лет не видевшего ни одной живой души. Это был японский солдат императорской армии Соичи Якои. Он двадцать восемь лет назад во время войны спрятался в лесу, чтоб не попасть в плен к американцам, и, представьте себе, все эти годы считал, что война продолжается. История попала в газеты и вызвала большой ажиотаж в японском обществе. Якои вмиг стал национальным героем, у него появилось много поклонников. Одна незадача, его невозможно было «выкурить» из непроходимых зарослей, а стрелял старый солдат по-прежнему метко. Местным властям потребовалось немало времени и усилий, чтобы убедить этого непримиримого воина сложить оружие. Помогло только личное послание императора, где он объявил свою волю верному солдату, сообщив, что за свою преданность тот будет удостоен медали и вознагражден военной пенсией за все годы «партизанства».

образом которого был знаменитый Нечаев, не на ровном месте, ибо еще за 150 лет до «Бесов» Петр I ввел «Табель о рангах». Там все чиновники разделены на 14 рангов – от самого высшего – канцлера и действительного тайного советника первого класса – до самого низшего – коллежского регистратора. Петр Алексеевич также ввел обращения: высокопревосходительство для высших рангов, превосходительство – для генеральских чинов, высококордие и высокоблагородие – для средних, и просто благородие – для всех прочих. В более поздние времена чинам еще и соответствовал определенный мундир. «Табель о рангах» действовала до революции 1917 года.

ДАТА РОЖДЕНИЯ ЛАДО АСАТИАНИ

14 января 1917 года, в год великих исторических и революционных потрясений родился этот вдохновенный грузинский стихотворец – один из самых пронзительных и трогательных поэтов благословенной и богатой талантами страны Сакартвело. За свою короткую двадцатипятилетнюю жизнь, Ладос испытал много горестей, гибель привычной мирной жизни, арест матери, отчуждение родных, невостребованность, безработицу и нужду. Поэт чувствовал свое родство с другим бесприютным национальным гением – художником Нико Пиросмани, которому он посвятил несколько стихотворений. Асатиани умер с сигнальным экземпляром своего первого поэтического сборника в руках. Тогдашние власти решили эту книгу не печатать, потому что шла война и народу «нужны были другие песни». Они были неправы – эти стихи были любимы людьми, и слава поэта росла год от года. Позднее Ладос Асатиани был перезахоронен в Пантеоне в Дидубе, а его поэзия признана потомками образцовой классикой.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

Как известно, на Руси королей не было. Кроме одного случая в середине XIII века, когда князю Даниилу Галицкому прислали от Римского Папы королевский венец. Это европейское новшество не прижилось. Русские властители предпочитали именовать себя Великими Князьями – Московскими, Киевскими, Тверскими... До 16 января 1547 года. Именно в этот день 465 лет назад появилось русское слово «царь». Этим титулом венчался князь Московский Иван IV. Так, начиная с этого грозного самодержца и до Петра I, русские монархи именовались царями. А Петр I себя назвал уже императором – совершил своеобразный апгрейт, как говорит современная компьютерная молодежь.

С ПЕРВОГО ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Как говорил один из героев романа Достоевского «Бесы» Петруша Верховенский, «русскому человеку нужен мундир». Оно и понятно – природную русскую вольницу может обуздать только жесткая социально-общественная конструкция. И додумался до этой нехитрой мысли ниспровергатель устоев, про-

Роб АВАДЯЕВ

ПРОФЕССИОНАЛ

Юрий Ряшенцев – поэт, переводчик, прозаик, эссеист, сценарист. Родился 16 июня 1931 года в Ленинграде. Окончил филологический факультет Московского педагогического института. С 1962 до середины 90-х гг. работал в отделе поэзии журнала «Юность» сначала в качестве литературного сотрудника, а затем – члена редколлегии. Начиная с 1973 года постоянно работает в театре и кино. Автор текстов песен к спектаклям Ленинградского БДТ «Бедная Лиза», «История лошади» и многим другим театральным постановкам, к кинофильмам «Д'Артаньян и три мушкетера», «Гардемарины, вперед!», «Забытая мелодия для флейты», «Рецепт ее молодости», «Веселая хроника опасного путешествия» («Аргонавты»), «Остров погибших кораблей», поэтических сборников «Високосный год», «Дождливый четверг», «Иверская сторона», «Прощание с империей» и др. В 2003 году Ю.Ряшенцеву присуждена Президентская премия имени Булата Окуджавы. Член СП СССР (1970), Русского ПЕН-центра.

К сожалению, кто-то, быть может, не знает лирических стихов Юрия Ряшенцева. Но песни на его стихи знают все. И этих песен у него – десятки. Значит - не случайно, не просто повезло. Он, как никто, умеет попадать «в десятку». Как это ему удается?

Нет, мне не понять, как работает Ряшенцев. А вот почему он работает именно так, а не иначе, я, пожалуй, понимаю.

Юрий Ряшенцев увлеченно и всерьез занимался спортом – играл в волейбол. А спортивный характер – это, поверьте, совершенно особое дело.

Хороший спортсмен – великодушен и снисходителен. Он никогда не ударит первым. Иной раз и не ответит на удар. Но спуску никогда не даст.

Он честен, потому что в этом деле иначе нельзя. В спорте счет не может быть не гамбургским. Мастер знает, что ему не надо умасливать начальство и задаривать бюрократа для того, чтобы быть признанным. Всегда ясно – кто есть кто. Просто надо быть профессионалом.

Ряшенцев никогда не бегал за славой. Он честолюбив, но не тщеславен. Так что если славе необходимо, пусть сама побеждает за ним.

Он не учит и не дает советов. Кому, как не ему, знать, что поэзия – это не школа для трудновоспитуемых. Хорошей поэзии не научишь, плохого поэта не перевоспитаешь. Ряшенцев и не воспитывает. «Начни с себя» – это не только спортивный принцип, но и естественный образ жизни умного и интеллигентного человека. Ряшенцев так и живет. У него нет долгов, и счета он предъявляет только себе. Но это уже его личное дело.

Он продолжает писать. Читай, удивляйся. Учись, если хочешь...

Мы встретились с Юрием Евгеньевичем во время Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Беседовали на батумском пляже. Ряшенцев уплывал далеко в море, возвращался, мы продолжали разговор. А потом он снова уплывал...

- Я никогда раньше не был в Батуми, хотя объездил всю Грузию. Я знал Батуми по фильму Ираклия Квирикадзе «Пловец». Тот Батуми походил на грузинские города, которые я знал. Но то, что я увидел сейчас, – сплошное очарование. Я могу сравнить с лучшими южными городами – итальянскими или испанскими.

- Неужели?

- Ну, посмотрите вокруг. Вы проходите мимо этой рощи и не видите ее. А для меня она – абсолютная экзотика. А этот воздух, этот аромат!..

- Вы объездили Грузию по любви или по делам?

- По любви, конечно. Дела у меня были в Тбилиси – и переводческие, и театральные. Сандро Товстоногов ставил нашу с Марком Розовским пьесу «Три мушкетера» в Грибоедовском театре. Это был веселый удачный спектакль, который Сандро предварительно поставил в Москве с Владимиром Качаном в роли д'Артаньяна задолго до Миши Боярского. О, это был прекрасный д'Артаньян! Совершенно нестандартный - современный молодой человек.

- А ведь д'Артаньян был большим карьеристом.

- Конечно, он карьерист. Я вообще отношусь к мушкетерам без всякого надуманного восхищения. Алкоголик Атос, альфонс Портос, Арамис с его сомнительным богонравием. Но у них была одна святыня – дружба.

- Абсолютно. Другое дело, что мы должны трезво соотносить чувства с окружающей жизнью. Но в наших отношениях не было ни одного случая не то что предательства, но даже сомнительного поступка.

- Сколько же лет вы дружите?

- С 1944 года. Это, конечно, добавляет волнения, страхов, потому что и любовь, и дружба – это вечный страх потери.

- Афоризм...

- Да, у меня так где-то в стихах сказано.

- У вас и о славе замечательно сказано.

- Что именно?

- «Мимоходом лишь подумаем о славе, а ни пальцем для нее не шевельнем»...

- Так и есть.

- Это, простите, не кокетство?

- Да какое кокетство? Тоже жизнью доказано. Было бы кокетством, если бы я в стихах на этом и остановился. Но дальше в тексте говорится о том, что у нас есть другие ценности, которые выше славы.

- Слава не может быть критерием для творческого человека?

- Может. Я знал таких людей. Например, шестидесятники – это слава, прежде всего слава, известность. Они были наши товарищи, мы их любили, понимали, не осуждали. А они любили нас, знали, что мы умеем многое из того, что, может быть, не каждый из них умел. Я вообще горжусь своим поколением.

- Особенно, наверное, выходцами из Педагогического?

- Ну, это особый разговор. Петр Фоменко, Юлий Ким, Юрий Визбор, Юрий Коваль... Это гордость страны.

С супругой Галиной Полиди

Общество этим похвастаться не могло.

- А преданность королю?

- В нашей интерпретации все решала не преданность королю, а дружба. Когда д'Артаньян зовет друзей в опасное путешествие, они спрашивают: «Это нужно королеве или вам?» - «Это нужно мне» - «Так в чем же дело!» Дружба решает вопрос.

- Подобная дружба – реальная вещь?

- Такая святыня есть. И жизнь мне это доказала. У меня друзья с пятого класса школы.

- Действительно святые отношения?

Из воспоминаний Ю.Ряшенцева «А песня-то была веселая...»: «Грузия была нашим праздником. И он всегда был с нами, потому что мы или занимались переводами, или гуляли с авторами в Сакартвело. Для нас, невыездных или маловыездных, Тбилиси был Италией, Южной Францией, не знаю, чем еще – только не официальной советской столицей. Сама архитектура старого города возражала новоделам, с трудом их терпела, и они предпочитали там не возникать. Синие деревянные балконы – вот что определяло для меня облик города. Не то чтобы их в городе было больше, чем каменных фасадов, но они были повсюду, именно из распахнутых за ними окон доносился Шопен, или многоголосое пение, или какая-нибудь другая хорошая музыка. Именно под ними возникал внезапно вечерний женский силуэт, абсолютно парижского (в нашем представлении) облика и в облаке дорогих духов отправлялся по узенькой вертикальной улочке к проспекту Руставели. Именно на таком балконе возникали толстые усатые дядьки, иногда с рогом в руке, от полноты жизни желающие выпить это хорошее вино с кем-либо из приезжих, бродящих по Харпухи или Авлабару или какому-нибудь другому старому району. Именно на голубых резных перилах такого балкона висели алые, пылающие гроздья перца, принося в даиси, эти особенные синие тбилисские сумерки, новую яркую краску».

Из воспоминаний Ю.Ряшенцева «А песня-то была веселая...»: «Грузия была нашим праздником. И он всегда был с нами, потому что мы или занимались переводами, или гуляли с авторами в Сакартвело. Для нас, невыездных или маловыездных, Тбилиси был Италией, Южной Францией, не знаю, чем еще – только не официальной советской столицей. Сама архитектура старого города возражала новоделам, с трудом их терпела, и они предпочитали там не возникать. Синие деревянные балконы – вот что определяло для меня облик города. Не то чтобы их в городе было больше, чем каменных фасадов, но они были повсюду, именно из распахнутых за ними окон доносился Шопен, или многоголосое пение, или какая-нибудь другая хорошая музыка. Именно под ними возникал внезапно вечерний женский силуэт, абсолютно парижского (в нашем представлении) облика и в облаке дорогих духов отправлялся по узенькой вертикальной улочке к проспекту Руставели. Именно на таком балконе возникали толстые усатые дядьки, иногда с рогом в руке, от полноты жизни желающие выпить это хорошее вино с кем-либо из приезжих, бродящих по Харпухи или Авлабару или какому-нибудь другому старому району. Именно на голубых резных перилах такого балкона висели алые, пылающие гроздья перца, принося в даиси, эти особенные синие тбилисские сумерки, новую яркую краску».

- Я влюбился в Грузию сразу. Я ее знал по стихам, рассказам. Но то, что я увидел, превзошло все. Здесь

было то тепло, которого больше нигде в империи нельзя было отыскать. Я говорю не о тепле физическом – о человеческом. Дружба, которая возникала здесь, сохранялась на долгие годы... Первый раз я приехал в Грузию в семью Тициана Табидзе. Нита Табидзе стала большим моим другом. Я дружил с семьей Гудиашвили, с Чукой. Как она сейчас?.. Вспоминаю, как мы с Верико Анджапаридзе стояли на Мтацминде, наверху. Ей было уже очень много лет. Она была в кожаном жакете – парижский такой костюм. Нас познакомили, отошли в сторону, и мы остались вдвоем. Она мне сказала: «У вас довольно неглупые глаза. Что вы такой веселый? Что человеку с неглупыми глазами может нравиться?» Я говорю: «Калбатано Верико, это мой любимый город, любимое место в городе, любимые люди вокруг...» Она отвечает: «Мне жаль вас. Вы не знали этого города, когда по улицам ходили Тициан и Паоло, ездили фазтоны...» А потом эта Грузия вдруг кончилась, и мне показалось, что кончилась навсегда. К счастью, это было наивное представление, основанное, с одной стороны, на моем опыте общения с государством – суровым, несентиментальным, которое плевать хотело на человеческие отношения, а с другой стороны, на какой-то недостаточной уверенности в том, что такие друзья остаются навсегда. Сейчас я это почувствовал снова, хотя никого уже почти не осталось в живых. Но Грузия примерно та же. Она другая по другим показателям, но по-человечески – та же.

- У русских поэтов отношение к Грузии всегда было особенным. Мы избалованы хорошим отношением к себе, и не задумываемся, а почему оно было таким?

- «Быть может, за хребтом Кавказа укроюсь от твоих пашей».

- Но ведь за хребтом Кавказа не только Грузия.

- Грузия – христианское государство, и из всех стран Кавказа – наиболее близкое. Вы знаете, у меня вообще свое представление о том, чем Россия замечательна. Я не думаю, что мы – страна великих полководцев, дипломатов, государственных деятелей. Я думаю, Россия – страна художников и философов. Русские художники всегда были опровержением всего официального. Но это ведь и грузинское качество. Грузины – это, конечно, народ художников в широком смысле слова – поэтов, певцов, артистов. Хотя это народ, который проявлял и смелость,

и дерзость, и сплоченность во всяких войнах, но главное у грузин, я считаю, – талант. Достаточно послушать, как поют в любой грузинской деревне. Я помню, мы как-то ехали в направлении к Вардзия, с нами была преподавательница из ВГИКа, которую мы впервые привезли в Грузию. И в каждой деревне нас встречало такое пение! Она потом спросила: «Вы возите этот хор с собой?» Она не могла представить, что так поют в

любой деревне.

- У вас, по-моему, были и родственные отношения с Грузией?

- Моя дочь, Маша, была замужем за грузином. Они расстались, потому что оба не созданы для брака, но и сейчас дружны. (Мария до сих пор носит фамилию Шенгелая – Н.З.). Потом Маша вышла замуж за сына Миши Козакова, Кирилла. Тоже неудачный брак, и тоже остались друзьями.

- То есть вы и Михаил Козаков – два наших именитых тестя...

- Ну да, я связан с Грузией и таким образом.

- Вы – автор и лирических стихов, и зонгов. Когда Людмила Гурченко, восхищенная вашей работой, сказала: «Юра, ты гений!», вы ответили: «Я профессионал».

- Да, такое было.

- Как в поэте уживаются гений и профессионал?

- Видите ли, вообще, если ты не профессионал, то как может выразиться твоя талантливость? В жестях, что ли? Ваш вопрос о том, что такое поэзия. Профессия или состояние? Я думаю, что поэзия – это профессия, которая позволяет тебе выразить твое состояние.

- Этой профессии можно обучиться?

- Нет. Если не дано, то обучиться нельзя. Если дано, можно развить. А если не развить, останешься просто талантливым человеком.

- Получается, есть поэты, которым дано писать на заданную тему, и те, которые этого таланта лишены?

- Писать на заданную тему – это не профессия поэта, это профессия паролъе. Я паролъе. Я зарабатываю тем, что пишу на заданную тему. Но это совсем не моя главная страсть. Главная и одинокая страсть – это, конечно, лирические стихи. Когда я их пишу, я не знаю, что будет в конце. Если знаешь, чем все кончится, зачем писать? Иначе это изложение, а не сочинение. Поэтому так часто лирические стихи не понятны слушателям. Как только поэту стало понятно, он поставил точку. А читающий тебя еще не дошел до этого...

- Поэт и паролъе легко уживаются в вас?

- Это вообще не у всех уживается. Ту работу, которую я делаю как автор стихов для кино или театра, пробовали делать некоторые серьезные лирические поэты. А потом звонили мне и говорили: «Слушай, ничего не получается. Помогите». То есть они чужды именно этому качеству. Поэту вообще необходим артистизм. Но если у лирического поэта он опосредованный, то у паролъе – прямой. И если ты не можешь превратиться в кардинала, д'Артаньяна, миледи, то бросай эту профессию.

- Есть высшая лига мастеров этого дела – Ряшенцев, Ким, Окуджава...

- И Юра Энтин.

- Высоцкий тоже много писал для кино, иногда его песни «не садились» в фильм. Может быть, он не владел ремеслом паролъе?

- Нет, ну что вы! Высоцкий владел всем. Он как лирический поэт работал в разных формах и всегда им соответствовал. Когда вышла его первая книжка «Нерв», мне сперва показалось, что без музыки тексты вроде бы не звучат. Но потом я внимательно читал, отслеживал – у него, конечно, замечательные вещи есть в текстах. Вообще, Высоцкий – особое явление. Он многоборец. Таких было всего несколько человек. Галич, например, по специальным поэтическим качествам едва ли не чемпион среди этих людей. У него была изысканность стихосложения. А вот Окуджава как сугубо лирический поэт существует и без музыки. Читаешь его и сплошь да рядом думаешь – ах, как здорово сделано! «Господи мой боже,

зеленоглазый мой»...

- *Какое у вас счастливое качество – умение восторгаться коллегами...*

- У меня есть друг – композитор Эдуард Артемьев, мы с ним сделали оперу «Преступление и наказание». Он всегда удивляет меня тем, что совершенно лишен чувства зависти. Стоит только упомянуть при нем кого бы ни было – Минкова, Дунаевского, Лебедева, как он тут же начинает восторгаться: «Ах, какой талантливый человек!» Ему некому завидовать. Он умеет, что он умеет. А если кто-то умеет то, чего он не умеет, это его не слишком трогает. И правильно.

- *Мастеру чужда зависть?*

- Нет, очень многие мастера завистливы.

- *А кому же она не присуща?*

- Человеку, который уверен в себе.

- *Как вы?*

- Я профессионально уверен в себе. Хотя мне уверенности вообще хватает, у меня была хорошая уличная школа.

- *Но ведь это жестокая школа?*

- Жестокая. Я вырос в Москве на Усачевке. В домах фабрики «Красная роза» и завода «Каучук» интеллигенции не было совсем. Люди были, в основном, из деревни, горожане в первом поколении. Во дворе бегали поросята и петухи кричали.

- *На каком русском языке разговаривали?*

- Это был русский язык, который хорошо копировал Зошенко. Я вырос на стыке двух культур. Одна культура, настоящая, когда сестры-филологини читали дома Мандельштама и Гумилева, а другая – субкультура двора, «Лева из Могилева, имел четыре дома», «гоп со смыком это буду я»... Когда я выходил во двор, должен был держать оборону. Если бы во дворе я процитировал Ахматову, меня бы не поняли, надо было разговаривать на языке двора.

- *Вы были сыном репрессированного...*

- Я не знал отца. Совсем. Отчим тоже был репрессирован, получил пять лет.

- *Это влияло на отношение к вам сверстников?*

- Никак не влияло. Но это влияло на отношение ко мне начальства. Меня не взяли в Педагогический институт, я пробивался через Министерство культуры и свои спортивные показатели – прилично играл в волейбол.

- *«А помнишь, друг, команду с нашего двора, послевоенный над веревкой волейбол»...*

- Это Юра Визбор написал. Я научился с ним как с волейболистом. Он трусил на площадке. Визбор – человек, которого сделали стихи. Помните, у Тициана: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня...» Это Юра. Он себя сделал. Стихи воспитали из него такого хемингуэвского героя. Он такой и был в конце. А в начале – розовый, легко краснеющий блондин...

- *А ваши стихи вас сделали?*

- Мне трудно сказать. Если человек живет погруженным в эту стихию, то она волей-неволей его воспитывает. Многих вещей я бы не сделал, если бы о них не написал. Во-первых, кое-что сбывается. Во-вторых, ты что-то утверждаешь в стихах, даже если ты не декларативен, например, если поклялся кому-то в любви и дружбе.

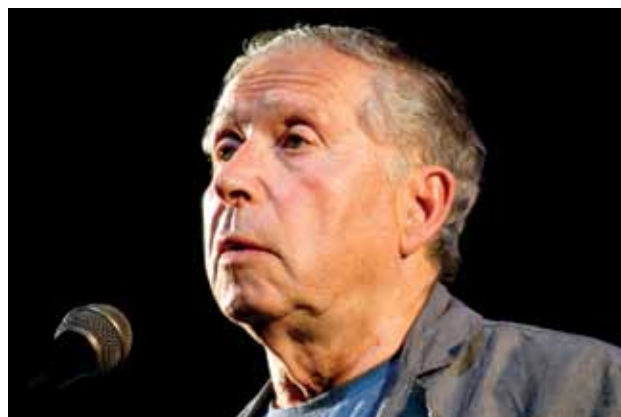
- *Noblesse oblige? Стихи обязывают?*

- Ну конечно. А как иначе? Если нет совести, можешь писать, как писали все советские поэты – я умру за нашу родину! А когда приходила повестка из военкомата – в кусты... Я был бы идеальным, если бы всегда соответствовал своим стихам. Иногда расходился, конечно. Предавал слово в какой-то мере... Ведь чего-то ты сты-

дишься? Проявил слабость. Явную. Ты это помнишь. И это дает оттенок стихотворению.

- *У Пушкина есть фраза: «Зависть – сестра соревнования, следовательно, хорошего роду».*

- Это правда. Понимаете, смотря какая зависть? Как

ни странно, я больше всего завидовал спортсменам. Ну, я не знаю, например, играю в команде, а кто-то прыгает на две головы выше меня. Черт побери, я не хотел его подсидеть. Но я не умел, как он, не мог физически. Это не вело к пожеланиям – чтоб тебе провалиться и чтоб тебе по колена ноги отняли. Во мне была хорошая белая зависть. Вообще, вы знаете, Олег Чухонцев, Витя Сухарев, я – мы пережили славу наших товарищей-шестидесятников до чрезвычайности спокойно и доброжелательно.

- *С иронией?*

- Да, конечно, иногда с иронией. Потому что мы понимали – лучше бы этого ты, дорогой, не писал, потому что плохо срифмовано и так далее. У нас не было претензий по мастерству к Белле, но к Жене Евтушенко, а он очень много писал, конечно, были. И шутили, и иронизировали, и злое слово выходило... Но, знаете, если его трогали, мы все кидались на защиту.

- *У Довлатова есть забавная запись о том, как Вознесенский, поджидая иностранных корреспондентов, сидел в чулане своей дачи, в дубленке на голое тело, чтобы, как они появятся, выскочить нагишом и начать обтираться снегом – «русский медведь купается в снегу». Могло быть такое?*

- *(Смеется).* Могло быть. Но это слабость, присущая любому. У меня таких случаев не было, но, черт его знает, может, я сделал бы так же. Возможность показаться не таким, какой ты в быту, – довольно нормальное желание для человека. Для публичного – особенно.

- *Вам тоже это присуще?*

- Да, думаю, присуще в каких-то мелочах. Хотя я настолько ленивый человек, что мне очень трудно пойти на какой-то компромисс со своим состоянием лени. Но я же заставляю себя бриться, когда не хочу. И бреюсь.

- *Вы умеете радоваться жизни – девушки, волейбол, стихи...*

- Стихи в последнюю очередь.

- *А что сегодня вас радует?*

- Да примерно то же самое.

- *Тогда я задам, наверное, изрядно поднадоевший вам вопрос. Кое-какие секреты вашей отличной формы я уже поняла: заниматься любимым делом, не завидовать. Есть еще?*

- Галка (Галина Полиди – супруга поэта – Н.З.) очень много мне дает в жизни. Не только как молодая спутни-

ца жизни. Она ведь мой соавтор. Мюзикл «Метро» мы делали вместе. Картину для Шифрина – вместе. Оперу «Царица» Тухманова, которая сейчас идет с триумфом, - тоже вместе. Она человек необычных решений и предложений. Иногда она что-то предлагает, а я говорю ей – да перестань, да замолчи! Но проходит минута-другая, и понимаешь – а ведь это решение! Она очень способный человек. Я научил ее играть в теннис, водить машину, и она сейчас это делает легко и свободно.

- В браке важно, чтобы супруг учил супругу чему-то?

- Хорошо бы!

- А если наоборот?

- Когда жена тебя учит профессиональным вещам, это как-то... Мне бы было некомфортно. Как правило, муж старше, и если он за то время, что прожил, не умеет ничего сделать лучше, чем жена, то это плохой показатель.

- А если он все делает лучше, за что он уважает свою жену?

- Это вопрос того, что ты ценишь в женщине. Я больше всего ценю женственность. Просто женственность. Если она есть, то красота уже не важна. Женственная женщина не может быть некрасива, какой бы она ни была. Понимаешь, что черты ее лица не соответствуют канонам, но забываешь об этом через минуту. Я учился в пединституте, где девушек было пять тысяч, а ребят – триста-четыреста. Мы имели возможность понять, что такое женская красота. И до сих пор многие

В крепости Гонио. Грузия, 2011

мои сверстницы мне кажутся очень женственными.

- Вы много и успешно переводили грузинскую поэзию. В чем, на ваш взгляд, мастерство переводчика? И каким должен быть перевод?

- Нас всегда пытались поспорить с Беллой. Говорили, что ее переводы – это стихи только Ахмадулиной, и никаких грузинских поэтов в ее переводе нет. А вот Ряшенцев переводит хорошо и точно. На самом деле Белле надо сказать спасибо за то, что она создала целый ряд прекрасных стихов – пусть по мотивам, но все-таки это не только Ахмадулина. А мне было бы неинтересно переводить неточно. Я пробую переводить как можно ближе – профессионально я так воспитан.

- А как вы переводите – по подстрочнику или вам важно и звучание, ритм?

- Я обязательно должен послушать, как стихотворение звучит. И транскрипция для меня обязательна.

Что такое перевести стихи? Это значит – вызвать у русского читателя по возможности то впечатление, которое у грузинского читателя вызывает грузинский вариант. Здесь есть тысячи подводных камней. Например, что это такое – «та-та-та та-та, та-та-та та-та»? (*отстукивает ритм*). Это обычный популярный грузинский размер. Как это сделать по-русски? Это же былинный ритм – «Ой ты, гой-еси, трактор-батюшка». Но если в грузинском подлиннике это декадентские стихи? Тогда бери на русском пятистопный ямб. Такие вещи надо помнить и знать.

- С какой стороны к вам не подойди, все равно в итоге упираемся в вопросы профессионализма.

- Конечно. Потому что я ничего другого не умею делать, и хочется делать это хорошо. Хотя у меня довольно мрачное представление о том, что я со своими стихами в этом мире значу. Спокойное, но мрачное. Потому что поэзия мало кому нужна. Но от этого она не хуже.

- Поэзия ведь вообще не массовое явление?

- Да.

- А слава бардов – это исключение?

- Меня бог уберег от того, чтобы стать бардом. У меня очень хороший слух, и мечта мамы была, чтобы я играл на гитаре. У мамы был дивный голос, и она понимала, что я музыкальный человек. У меня получилось бы, убежден. Но я рад, что не стал этим заниматься. Может быть, потому, что их аудитория меня устраивает гораздо меньше, чем моя, которая что-то понимает в стихах. Хотя есть исключения. У Юлия Кима – стихи поэта. А Булат обладал секретом, которого я не знал...

- Значит, помимо профессионализма, нужен еще и секрет?

- А профессионализм и есть секрет. Если профессионал не обладает секретом, то он ремесленник. И когда я говорю о профессионале, я говорю о мастере.

- В одном из интервью вы сказали, что в свое время не уехали из СССР потому, что у вас кошачья привязанность к месту.

- Я не мог уехать не то что за границу... Вот у нас стоит вопрос о сломе нашего дома. Мне говорят – ну что ты, тебя далеко не переселят, переедешь на Арбат. Но я не хочу на Арбат. Я житель Усачевки. Для меня переехать из моего дома на три дома в сторону – трагедия. Когда в 1934 году меня, трехлетнего, привезли в Москву, я поразил мою няньку. Она меня повела гулять. Я спрашиваю: «Какая это улица?» - «Большая Пироговская». Я тяжело вздохнул и сказал: «А у нас там Большая Пушкинская». Она с ужасом рассказала это маме. Понимаете, это уже был лирический герой. Я никогда не писал о будущем. Оно мне просто неинтересно. Более того, я всю жизнь мучительно пытаюсь писать о настоящем. Иногда у меня получается. Но через огромные труды. Должно пройти пять или десять лет, чтобы по воспоминаниям возникли какие-то картинки, которые я опишу.

- Впечатления этого лета тоже должны отстояться?

- Конечно.

- Давайте договоримся о встрече через пять лет на этом же месте? Если получится раньше – тем лучше.

- Давайте попробуем. Хотя трудно сказать. Галка, давай напишем через пять лет стихи об этом лете.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

На краю вечерней красной воды,
на самом ее краю,
будто снова слышу «аллаверды!»,
словно с полным рогом стою.

Этот шорох камешков от волны,
обращающийся в слова,
возникает рядом из тишины:
Морис, Морис, Шалва, Шалва...

Как сливается с воздухом плоть куста,
плоть скалы. Деревя. Дома.
Это просто вечерняя темнота.
Темнота, темнота. Не тьма.

Все я принял, и даже уход друзей.
Но проклятую эту тьму
я при всем всемысле ее, при всей
очевидности не приму.

Это вечер, когда первобытный хвощ
сосет реликтовый ствол.
И свободный вздох мандариновых роц
вновь творит с душой произвол.

Если это простой поэтизм – «душа»,
то кому же тогда слышна
эта влага, шепчущая, шурша,
незабвенные имена.

Ничего не видя и не слыша,
лягу у инжирного куста.
Между мной и Богом только крыша
из худого ржавого листа.
Я из-под навеса на дороге
не гляжу – там та же мельтешня.
Есть сегодня, что сказать мне Богу.
Только он все знает без меня.
Пусть. И мой рассказ Ему не лишний.

Потому ль, что он Ему знаком,
так спокойно Он молчит, Всевышний,
над железным утлым козырьком.
Иверская, добрая икона,
значит, остается мне опять
уповать без всякого резона,
безо всяких жалоб уповать.

ДРУЗЬЯМ

Слава богу, что из нас никто не вправе
обозвать немалый век свой черным днем.
Мимоходом лишь подумаем о славе,
а ни пальцем для нее не шевельнем.

Так судьба на повороте разлетелась,
так повеет от прелестных чьих-то рук!
И не то чтоб славы вовсе не хотелось,
а захочется порой, да – недосуг.

Ибо требует она большой погони,
редко балуя одно лишь мастерство.
Так не лучше ли с друзьями на балконе
посидим да потолкуем про него.

Не согрем, что, дескать, слава – это бремя.
Что болтать, коль нам неведом этот бес?
Нет – вздохнем: ах, кабы силу бы да время!
Сила есть, да только времени – в обрез.

Будь же славен тот, кому его хватило,
ну а нам других страстей не побороть,
и мгновения беспомощная сила
упоительно смущает дух и плоть.

И когда, кладя перо, вдыхаешь травы
и любишься девической рукой –
оторвешься ли не то что ради славы –
ради девушки, прекрасной, но – другой...

ЛЕВ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Великому трагику, кумиру публики (он обладатель престижной театральной премии «Кумир») Отару Мегвинетухуцеси исполняется 80 лет. Как писала критик, литературовед Инна Вишневская, такой «трагический дар днем с огнем не сыщешь».

Накануне юбилея мы беседуем с супругой Отара Мегвинетухуцеси – народной артисткой Грузии Гурандой Габуния.

Дата Туташхиа из фильма «Берега»

- Гуранда, вспомните, пожалуйста, как вы с Отаром познакомились?

- Я тогда училась на первом курсе, и однажды начинающий режиссер Нугзар Гачава обратил мое внимание на молодого человека: «Посмотри, Гуранда, вот стоит актер. Запомни, его ждет большое будущее!» Я рассмеялась: «Приятно слышать! Ну и что?» - «Давай я тебя познакомлю с ним!» Познакомились... И вдруг неожиданно предложил проводить меня домой. Конечно, всю дорогу я выпендривалась, чтобы показать, какая я умная и начитанная. А потом увидела спектакль «Изгнанник» Важа Пшавела, поставленный Арчилом Чхартишвили. Это была потрясающая постановка! Отар сыграл первую свою большую роль – Чонты. Кроме него, в спектакле были заняты звезды: Верико Анджaparидзе, Медея Джапаридзе, Додо Чичинадзе, Яков Трипольский, Елена Кипшидзе... Это был настоящий грузинский спектакль, буквально пронизанный национальным духом. И Отар был просто замечательный. Мне навсегда запомнилась очень сильная сцена, когда Чонту убивают, и мать оплакивает его – мужественного, неслышимого хевсура. Отар в тот период начал много сниматься и по этой причине часто опаздывал на свидания. Хорошо помню 8 марта. Я так ждала Отара с цветами! А увидела его сначала без цветов. Но Отар вдруг вынул из-под пиджака букет фиалок, который бережно прятал в нагрудном кармане. Правда, они уже немного завяли. Ну и что? Главное – он принес цветы! Вскоре мы расписались в ЗАГСе, который был недалеко от моего дома... Иногда меня спрашивают о самом счастливом дне. Да, для актрисы очень важен первый ее спектакль, имевший успех. Но все же мой самый счастливый день – когда у нас с Отаром родилась дочка Мариам. Она необыкновенная дочь и безумно любит своего отца. У них абсолютное взаимопонимание. И внуков он любит. Такого дедушки нет в мире!

- Расскажите, как складываются отношения Отара с режиссерами.

- Ему всегда везло в этом отношении. Первую свою роль он сыграл у Вахтанга Таблиашвили. Со всеми режиссерами Отару работалось легко – с Гигой Лордкипанидзе, Темуром Чхеидзе, Медеей Кучухидзе. В Марджановском театре ему пришлось встретиться с такими большими мастерами, как Арчил Чхартишвили, Василий Кушиташвили, Лили Иоселиани. И все же я считаю, что работа в Руставском театре, с Гигой Лордкипанидзе, была важнейшим для Отара периодом.

- Таким же значимым было это время для Гиги Лордкипанидзе, о чем он сказал в своем интервью: «Вся моя жизнь связана с Отаром Мегвинетухуцеси. Этот интеллигент, мыслящий, образованный актер умеет проникнуть в душу персонажа. В моей картине «Дата Туташхиа» Отар создал замечательный образ мудрого человека, настоящего мужчины, который борется за свободу личности. Актер этой ролью оставил неизгладимый след в душах людей. Я считаю Мегвинетухуцеси выдающимся актером. Я очень любил его роли, сыгранные в моих спектаклях: это Сирано де Бержерак, Николай I из пьесы В. Коростылева «Шаги Командора»... Это был мой актер, я был бы рад, если бы и я был его режиссером».

- Да, многолетнее сотворчество с Гигой Лордкипанидзе, начавшееся в 1969 году, оказалось на редкость плодотворным. Хотя еще до этого Отар сыграл у Гиги в спектакле «Нашествие». И уже потом была эпопея Руставского театра – начиная со спектакля «Сирано де Бержерак» и дальше: «Через сто лет в березовой роще», «Здравствуйте все» - про Пиросмани, «Человек из Ламанчи»... А позднее, в Тбилиси Гига поставил «Царя Эдипа». На мой взгляд, встреча с этим режиссером – большое актерское везение. Отар, конечно, очень талантливый человек, но есть немало талантливых актеров, мимо которых проходят режиссеры, и они так и остаются нереализованными. Я очень благодарна Гиге за то, что он взял Отара на роль Даты Туташхиа. Он прямо сказал тогда: «Без Отара я не буду снимать

фильм!» Кстати, Отар очень любит работать. Когда он репетировал Пиросмани, то не выходил из музеев. Его все время что-то волновало, тревожило, он постоянно был в поиске новых фактов, нового материала. Отар – поразительно работоспособный человек.

- Одна из безусловных удач Отара – *Отелло* в спектакле Темура Чхеидзе. Знаменитый литературовед, шекспиролог Александр Аникст написал: «Настоящий триумф постановки – *Отелло* в исполнении Отара Мегвинетухцеси». Хотя, говорят, Отар не сразу согласился сыграть эту роль?

- Да, это так. Но Темур вновь и вновь возвращался к этой теме. И в конце концов убедил его. Это зрело не один год.

- Вы не пытались повлиять на его решение?

- Я никогда не вмешиваюсь. Иногда просто выражаю свое мнение. *Отелло* играл Акакий Хорава. А Лоруренс Оливье? Это было гениально! Новаторство! Но и Отар работал интересно, хотя и по-другому. Он играл не ревнивого мавра – его герой был белым. *Отелло* Отара Мегвинетухцеси – очень умный, глубокий человек, которого злые люди постепенно довели до определенного состояния... Я играла в спектакле Эмилию и наблюдала внутренний процесс, который происходил в *Отелло* Отара. В Москве у нас был триумф.

- «Такой откровенной трагедии аристократа, интел-

С супругой Гурандой Габуния и дочерью Мариам

лигента, личности талантливой и слепой в оценке реальной действительности еще не знала отечественная сценическая история пьесы. Игра артиста была остроремленной, демократичной и человеческой – без котурнов, без форсированных нот. Это было настоящее театральное чудо...» - так написала в газете «Культура» Наталья Каминская об *Отелло* – Отаре Мегвинетухцеси.

- Где мы только не были с этим спектаклем! И везде нам сопутствовал успех – в Эдинбурге, Глазго, а также в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше, Германии. Директор Эдинбургского фестиваля Вильям Бардем Куц называл Отара «Мой лев!» А Миша Ульянов сравнивал его со всеми высокими горами, восклицал: «Эль-

брус, Казбек! Выше того, что ты сейчас сделал, не бывает!» Отар очень смеялся. Он очень любил Мишу Ульянова, ценил его огромный талант... Потрясающий успех был у «*Отелло*» в Веймаре, где проходил симпозиум, посвященный Шекспиру. Шекспирологи восторженно приняли белого *Отелло*. После первого действия в зале на несколько секунд воцарилась тишина, буквально взорванная шквалом аплодисментов. А когда спектакль закончился, овации не смолкали в течение пятнадцати минут. Помню, как наш заведующий постановочной частью смотрел на часы, и по его лицу текли слезы.

- Вы часто работаете в партнерстве с Отаром. И каково это?

- Оттого что я его жена, ему всегда хочется, чтобы я с первого раза делала то, что требует режиссер. Но ведь это невозможно! Ты должен еще что-то найти, приспособить к себе. А для этого необходимо время. Тем не менее, Отар садился в партер и делал мне замечания. Однажды я не выдержала и попросила его: «Ты мне очень мешаешь. Сиди молча и записывай свои замечания. Скажешь их дома, и мне будет легче». Отару поначалу не просто было выполнить мою просьбу, но потом он к этому сумел приспособиться. Думаю, что такого замечательного партнера, как Отар, просто не существует. Во всяком случае, для меня и для всех актеров, с кем он выходил на сцену, это так. К примеру, Медея Джапаридзе просто обожала работать с ним. Для их друга Резо Табукашвили написал когда-то сценарий фильма «Теплое осеннее солнце». А я очень часто была партнершей Отара – к примеру, в спектакле «*Пиросмани*» я сыграла Маргариту, в «*Короле Лире*» - Гонерилью... Играла мы вместе и в комедии.

- А в жизни Отар – человек с юмором?

- Как вам сказать. Отар предпочитает одиночество, целыми днями может быть один, любит читать. Часто вновь возвращается к прочитанному. Для Отара это, прежде всего, работа. И он получает от этого процесса удовольствие. Помню, когда мы только познакомились, Отар спросил меня: «Что вы любите читать?» - «Ильфа и Петрова. Очень смешно!» - «А что там смешного?» - удивился Отар. «Как что? Все! Хотя бы это: «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции». Я буквально падала от хохота. А на каком языке вы читали?» - «На грузинском», - ответил Отар. И я поняла: разве может быть смешно, если читаешь Ильфа и Петрова в переводе?

- С кем из российских деятелей культуры вы дружили, дружите?

- С Олегом Табаковым, Станиславом Любшиным. Близкие отношения нас связывали с Михаилом Ульяновым. Когда Отар сыграл Дату Туташиа, ему подарили около двадцати бурок. Я их все раздарила. Одну отдала Михаилу Ульянову. Из Москвы он нам позвонил: «Благодаря вам в этот мороз я накинул бурку и отправился, как маршал Жуков, домой». Жена Ульянова Алла Парфаньяк рассказывала: «Гуранда, он этой буркой укрывается, когда днем ложится спать!» Он очень любил Отара, и это было взаимно. Мы очень подружились и с Иннокентием Смоктуновским. Отар наблюдал за тем, как играл Кеша. Они часто общались. Вспоминаю такой случай. Отар и Кеша должны были пройти кинопробу в одной картине. Отар пришел раньше Кеша, сделал пробный грим, и тут к нему подходит ассистент режиссера и начинает говорить странные вещи: «Почему вас все-таки пробуют? Все удивлены! У нас что, нет своих актеров?» Возмущенный Отар снял грим, костюм, переделался и сказал: «Моей ноги здесь больше не будет!»

Отар Мегвинетуцеси в ролях

Ушел. Тут появился Кеша. Одел костюм, сделал грим и поинтересовался у съемочной группы: «А где Отар?» - «Отар снял костюм, грим и сказал, что его ноги здесь больше не будет!» - рассказали ему. «Как странно! – удивился Смоктуновский. - На Отара совсем не похоже. Не мог этот человек поступить таким образом без серьезных причин». Снял грим, костюм и сказал: «Моей ноги здесь тоже не будет!» Этот поступок, правда, дорогого стоит.

- *Отара не раздражает, что его отождествляют прежде всего с Датой Туташхиа?*

- *Что вы! Он гордится этим.* После «Даты Туташхиа» он получил огромное количество писем. Помню, как я сидела всю ночь у Гиги Лордкипанидзе и читала эти письма. Мы плакали и смеялись – писем было около тридцати мешков! Помню одно письмо, которое написала тяжелобольная, долгие годы прикованная к постели женщина. Зрительница писала, что когда фильм начали показывать каждый вечер по телевидению, она встала – Дата поднял ее силой своей игры! Еще одно письмо поразило меня. Его написала девочка из детского дома, родители которой разошлись. Я начала посылать ей посылки – чурчхелы, другие грузинские сладости. Но девочка умоляла этого не делать: посылки все равно отбирали и еще обвиняли ее в том, что она шлет нам и жалуется на голод. Потом эта девочка снова написала Отару и попросила у него совета: «Как мне быть? Отец зовет к себе». Отар посоветовал ей жить с отцом. Авторы писем не раз приглашали в гости – на Байкал, еще куда-нибудь... Многие умоляли не заканчивать сериал. Дескать, нельзя, чтобы Дата Туташхиа не приходил к нам в дом еще и еще!.. И каждый фантазировал продолжение фильма... Получили письмо даже от министра внутренних дел Николая Щелокова. Он писал о том, что в течение семи дней, пока шел сериал, в Москве не было ни одного случая ограбления, хулиганства. Люди бежали домой, чтобы успеть на очередную серию. «Спасибо вам огромное за это!» - благодарил министр. Я считаю, что для Отара и Тенгиза Арчвадзе сыграть в этом фильме было огромным счастьем. Как и для всех, кто был занят в нем.

- *А позднее Отар поразил зрителей в роли еврея Мотла в фильме Дмитрия Астрахана «Изыди!»*

- Да, он получил за эту роль приз международного кинофестиваля «Созвездие» и приз за лучшую мужскую роль на кинофестивале в Токио. Замечательно написал об этой работе киновед Винницкий в журнале «Искусство и жизнь»: «Образ Мотла, созданный выразительной пластикой и психологическими красками, достойно завершается актерски. Он даже не был похож на обыч-

новенного еврея, скорее, на героя эпохи Моссаса. А в апофеозе схватки, когда он хватается за топор, в Рабиновиче пробуждается благородный рыцарь. И внезапно меня осенило – это мужество! Тогда я понял, что еврея Мотла сыграл замечательный грузинский актер Отар Мегвинетуцеси»...

- *Гуранда, что Отара волнует сегодня? Говорят, актеры все переживают острее, чем простые смертные.*

- Да, это так. Переживания были всегда. Отар потерял на войне брата – без вести пропал. Всю жизнь он надеялся на то, что брат вернется... К тому же Отар всегда очень тяжело переносил театральные дрязги, никогда ни во что не вмешивался. Один раз он попал в неприятную, тяжелую ситуацию, и это тоже на него подействовало. В продолжение долгого времени он нес эту тяжесть, эту боль. Впрочем, я никогда не встречала вполне счастливых людей, живущих как у Христа за пазухой. К сожалению... Отар – очень закрытый человек. А я очень общительная, люблю много людей вокруг – и тогда я расцветаю!.. Да, мы очень разные. Но, тем не менее, прожили вместе 54 года.

- *Мне кажется, вы счастливо дополняете друг друга.*

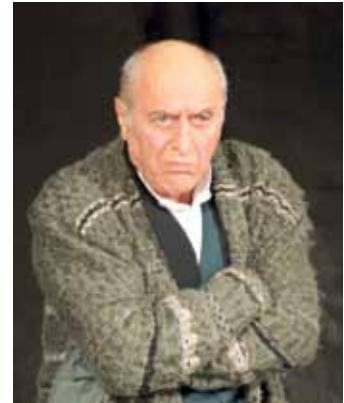
- *Может быть.*

- *Говорят, Отар очень эмоциональный, вспыльчивый человек.*

- Да, это правда. Расскажу один смешной случай. Это было еще в руставский период. После премьеры «Сирано де Бержерака» Отару подарили замечательную саблю. И вот ранним утром, почти ночью, к нам кто-то постучался: неожиданно пожаловал актер – комик Резо Хобуа. Мы с Отаром, полусонные и удивленные, молча ждали объяснения причин столь раннего визита. А Резо, явно валяя дурака, попросил показать ему... саблю, подаренную Отару. Оценил ее остроту и сказал о необходимости немного притупить оружие... дескать, опасно такую острую саблю доверить Отару – убьет! И главной опасности в этом случае подвергаюсь я. Все знают взрывной темперамент Отара.

- *А вы когда-нибудь ревновали его?*

- Никогда. Ни разу. Он не тот человек, чтобы дать повод для ревности. Отар по природе очень чистый человек. Он таким был и остался. Даже если бы рядом с ним была не я, а любая другая женщина. Отар, видимо,

Креон из спектакля «Антигона»
театра Марджанишвили

однолюб.

- Долгое время Отар не играл ничего нового на сцене театра имени Марджанишвили. И вот – Нурадин-Фридон из спектакля «Книга» по пьесе Аки Морчиладзе в постановке Давида Сакварелидзе. Отару понравился материал?

- Нурадин-Фридон из спектакля «Книга» - первая роль Отара после шестилетней паузы. Я поражена, какой Ака Морчиладзе изумительный писатель! Когда я слушаю эту пьесу, то испытываю удовольствие от текста. Режиссер поставил эту историю такой, какой написал Морчиладзе. Он не сделал из нее инсценировку, ни одного слова не изменил. Отар всю свою роль построил на том, чтобы опровергнуть легенду, которую создал Шота Руставели в своей бессмертной поэме. Когда Таризел и Автандил спасают Нестан-Дареджан, то рассказывают, будто с ними был Нурадин-Фридон. А он утверждает, что его там не было. «Я не мог пойти с ними, потому что считал, что из-за женщины убивать нельзя. За нее можно заплатить золотом, серебром, отдать жилище, но не убивать людей!»... Тем не менее легенда оказалась сильнее правды и стала причиной страданий и смерти героя. Его попытка опровергнуть ее не увенчалась успехом. Это версия Аки Морчиладзе. Отар полностью доверился режиссеру. Не спорил с ним, не стал настаивать на инсценировке. В этой простоте, лапидарности, отсутствии режиссерской выдумки он нашел какой-то трагизм. И получился, на мой взгляд, очень интересный спектакль.

- В дни юбилея Отар будет вновь играть Креона – свою звездную роль, овеянную легендами! Одна из

рецензентов написала об этой работе актера: «Мегвинетухцеси буквально гипнотизирует зал, и его работа больше напоминает коллективный сеанс психоанализа, а не драматический спектакль». Лучше, по-моему, не скажешь.

- Когда идет «Антигона», актер театра Марджанишвили Никуша Тавадзе, играющий сына Креона, стоит в кулисах весь спектакль и смотрит, как работает Отар. А партнерша Отара Нато Мурванидзе, исполняющая роль Антигоны, на сцене чутко улавливает, что поменял Отар, и меняется вместе с ним. Они прекрасно работают вдвоем – мне очень нравится. У него были замечательные партнерши – та же Медея Джапаридзе.

- Отар воплощал на сцене личностей, людей с большой буквы – Илию Чавчавадзе, Давида Агмашенебели.

- Натела Урушадзе написала о работе Отара в спектакле «Я Илия!»: «Чтобы сыграть на сцене Илию, ты должен иметь на это право. Это право только прожитая жизнь дает актеру – личности, гражданину, а не только человеку искусства. На сцене театра Марджанишвили, лицом к лицу с нами, зрителями, стоит достойный потомок великого Ильи». О доверии и уважении к Отару грузинского народа говорит и то, что именно ему было поручено представлять Давида Агмашенебели во время праздника, посвященного грузинскому царю. Это отметил Борис Поюровский в своей статье «Мужчине идет быть мужчиной».

- Хорошо сказано. Скажите, пожалуйста, что сегодня читает Отар?

- Все, кроме чтива. Только что закончил читать роман «Меня зовут красный» турецкого писателя Орхана Памука, обладателя Нобелевской премии. Ему очень понравился, а мне – нет. У нас все-таки разные вкусы.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Ариадна Шенгелая

КАК БУСИНКИ НА НИТОЧКУ

Из рецензии: «Женское начало во всех его проявлениях – эта та многокрасочная палитра, на которой она находит свои актерские краски. Актриса смешивает их, и рождаются неповторимые образы». В канун старого Нового года отмечает свой юбилей народная артистка Грузии и России Ариадна Шенгелая.

Тонкая аристократическая красота и древнегреческое имя Ариадна сыграли свою роль в судьбе красавицы: все наперебой пророчили девушке театральное поприще, она и сама со школьных лет мечтала стать актрисой.

Ариадна Шенгелая родилась в Ташкенте. Через несколько месяцев после ее рождения семья переехала в Москву. Там она окончила среднюю школу и поступила на актерский факультет ВГИКа, в мастерскую Владимира Белокурова.

В кино Ариадна Всеволодовна дебютировала в 1957 году будучи третьекурсницей, в роли Ирины в художественном фильме «Екатерина Воронина». Первый успех пришел, когда она, также студенткой, сыграла роль Татьяны Лариной в фильме-опере «Евгений Онегин» режиссера Романа Тихомирова. За эту работу ее наградили первой премией Всесоюзного кинофестиваля в Киеве. Дипломной ее работой стала роль Евгении Гранде в одноименной экранизации романа Оноре де Бальзака.

Потом, как бусинки на ниточку, стали нанизываться интересные работы с такими режиссерами, как Иван Пырьев («Белые ночи»), Георгий Данелия («Не горюй!»), Надежда Кошеверова («Осторожно, бабушка»), Феликс Миронер («Увольнение на берег»), Исидор Анненский («Таланты и поклонники»), Абраам Роом («Гранатовый браслет»), Наум Трахтенберг («Выстрел»), Эльдар Шенгелая («Чудаки»).

И везде она была разной. С одинаковой легкостью удавались и «костюмные роли», в которых актриса, кажется, оживляла саму эпоху. Однако репертуар киноработ Ариадны Шенгелая не исчерпывался исполнением классических персонажей. Роли современниц, целеустремленных и нежных, удавались ей также прекрасно.

Ариадна Шенгелая стала одной из самых популярных актрис советского кино. Ей довелось играть с Фаиной Раневской, Михаилом Козаковым, Михаилом Ульяновым, Донатосом Банионисом и многими замечательными мастерами. За свою творческую карьеру Ариадна Шенгелая снялась в 60 фильмах.

В 1961 году Шенгелая была принята в штат на киностудию «Грузия-фильм». Здесь она сыграла одни из самых интересных своих ролей. Жизнерадостная княгиня Вахвари в искрящейся задором картине Георгия Данелия «Не горюй!», в которой блистали Евгений Леонов, Софико Чиаурели, Анастасия Вертинская, Серго Закариадзе. Вольнолюбивая рыбка в киноповести «Белый караван» и прекрасная Маргалита, жена Трифона, в трагикомической притче «Чудаки» Эльдара Шенгелая.

В 1980 году ее пригласили на киностудию имени Горького.

Перечислить все ее роли, сыгранные в Москве, просто невозможно. Вот только некоторые, самые известные.

Немного наивная, но не по годам серьезная Лена – главная роль в партнерстве с великой Фаиной Раневской в трагикомедии «Осторожно, бабушка» о строительстве нового Дома культуры, о бюрократах, равнодушных пенсионерах, их детях и внуках, решающих проблемы любви и лидерства.

Евгения Ефремова – главная героиня, работница почты, потерявшая 300 рублей, девушка, которая будет ждать возвращения полюбившегося ей Николая, первая роль в кино Льва Прыгунова, в лирической киноповести «Увольнение на берег».

В историко-биографической киноленте, посвященной творчеству венгерского композитора Ференца Листа, «Ференц Лист. Грезы любви» Шенгелая сыграла главную роль княгини Каролины Витгенштейн, с которой композитор познакомился во время концертной деятельности в России, с ней связан самый плодотворный веймарский период его творчества, ей он посвятил свои знаменитые «Грезы любви». Потом была одна из самых удачных ролей актрисы – Кассандра, жена Дмитрия Кантемира в

С Алисой Фрейдлих и Верико Анджапаридзе

Ариадна Шенгелая
на сцене и в кино

киноленте «Дмитрий Кантемир».

Роли второго плана в ее исполнении превращались в настоящие жемчужины. Это словоохотливая Эмма Константиновна в картине «Перед ужином», роковая Хосефа в «Гойе, или Тяжком пути познания», Малика в «Черном принце Аджуба», Мария в сказке Бориса Рыцерева «Ученик лекаря», властная Анна Самборская в приключенческом фильме Юрия Мастюгина «Голова Горгоны», эффектная Ведунья в киноработе Геннадия Васильева и Чжан Шиу в сказке по мотивам русских и китайских преданий «Волшебный проект».

Безусловно, одна из самых известных ролей актрисы – княгиня Вера Шеина в «Гранатовом браслете» режиссера Абраама Роома. «Гранатовый браслет» - это фильм о безответной любви. О счастье любви, которая очищает человека, которая выше окружающей среды и светских предрассудков. Роль княгини Веры была психологически сложной, так как именно к Вере в картине обращена безнадежная, трогательная и самоотверженная любовь скромного телеграфного чиновника Желткова.

«Лирическое дарование и незаурядное поэтическое обаяние актрисы в полной мере раскрылись в ее лучшей роли в любовной драме «Гранатовый браслет» по одноименному рассказу Куприна», – писали восторженные критики.

После «Гранатового браслета» у актрисы началась вереница «титлованных» женских ролей. Повысили в чине, шутила сама Ариадна Всеволодовна. Графиня Маша в драме по одноименной повести Пушкина из цикла «Повести Белкина», где ее партнерами стали Михаил Козаков, Юрий Яковлев и Олег Табаков.

Талант Ариадны Всеволодовны блистал и на театральных подмостках. После окончания ВГИКа молодая актриса была принята в труппу Тбилисского государственного русского драматического театра им.А.С.Грибоедова. На

его сцене она сыграла не одну блистательную роль. Это Анна Франк («Дневник Анны Франк», реж. М. Кучухидзе), Лариса («Бесприданница», реж. Г. Портер), Клеопатра («Цезарь и Клеопатра», реж. А. Гинзбург), Констанция Бонасье («Три мушкетера», реж. А. Товстоногов), Фон Цанг («Физики», реж. А. Товстоногов), Якобина фон Мюнхгаузен («Полет жареной утки», реж. А. Товстоногов).

А вот на московской сцене ей довелось сыграть лишь однажды в начале 70-х годов, – роль Кэтрин Баркли в спектакле «Ленкома» «Прощай, оружие!» по Эрнесту Хемингуэю.

«Тон игры Ариадны Шенгелая – сдержанный, негромкий, лиричный. Это всегда исповедь сердца и мысли», - писали после выхода на экраны «Евгения Онегина» о начинающей тогда актрисе строгие советские кинокритики.

Ариадна Всеволодовна Шенгелая – одна из ярких актрис своего поколения. За ее плечами роли в десятках фильмах, вошедших в золотой фонд отечественного кинематографа. Ее красота и талант украсили не один фильм.

Уже несколько лет актриса живет и работает в Тбилиси. Здесь Ариадна Всеволодовна занялась педагогикой, передавая молодежи накопленный актерский и жизненный опыт, прививая студентам серьезное отношение к многотрудной профессии. Как руководитель выпустила актерский курс для Тбилисского государственного русского драматического театра им.А.С.Грибоедова, а сейчас продолжает работать в качестве преподавателя актерского мастерства.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

Коллектив журнала «Русский клуб» от всей души поздравляет Ариадну Всеволодовну с юбилеем и желает ей крепкого здоровья и больших творческих успехов в работе с начинающими актерами.

Я СТАЛА СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Ее имя известно не только в Грузии, но и далеко за пределами страны. Звезда мирового балета, народная артистка России и Грузии, обладательница Государственной премии имени Шота Руставели, с 2004 года – художественный руководитель Тбилисского театра оперы и балета им. З.Палиашвили и хореографического училища им. Вахтанга Чабукиани. Впрочем, можно было и не перечислять все награды этой грузинской балерины. Ее имя говорит само за себя. Нино Ананишвили – человек редкой душевной красоты, яркий образец трудолюбия и порядочности. Достичь вершин мировой славы и остаться простым в общении с окружающими – на это способны лишь единицы. В ней нет ни капли «звездности», зато есть море обаяния и доброжелательности. В этой хрупкой на вид молодой женщине качества, присущие строгому, но справедливому руководителю, удивительным образом сочетаются с искренностью и духовностью.

Известная грузинская балерина делится сокровенным с читателями журнала «Русский клуб».

- Когда вы как артист ощущали себя лучше – прежде или сейчас?

- Трудный вопрос. Знаете, я рада, что попала в такой период, когда узнала, что значит для артиста закрытость и строгость. Теперь я знаю, что такое свобода и могу сравнить, что лучше – первое или второе. Тогда многое было невозможно получить. Госконцерт не разрешал выезжать, зачастую вообще не сообщая, что меня кто-то приглашает. Сегодня я свободно выезжаю всюду, куда меня приглашают. Наверное, я была первой балериной, получившей такого рода свободу. И все благодаря второму паспорту, взять который помог мой супруг. С другой стороны, в советское время выказывалось внимание и уважение к профессии. Имя арти-

Нино Ананишвили

сту практически делало государство. Работать в балете было престижно. Возможность выезжать на гастроли, освобождение от службы в армии, хорошая зарплата, комфортабельные квартиры, которыми обеспечивали знаменитых артистов. Учитывая эти и другие привилегии, родители стремились отдать детей на балет. Я же попала в то время, когда квартиру мне не давали. Поначалу. Потом все же дали, но однокомнатную. Двухкомнатную я получить не могла – по разным причинам. Но по мне – лучше зарабатывать деньги и иметь возможность самой купить себе дом, какой твоей душе угодно. Уже потом я смогла сама, своим трудом, потом и кровью заработать на такую квартиру, какую мне хотелось. А в то время танцоры не зарабатывали больших денег. Раньше балеринам на гастролях давали мизерные суточные. Жить на них было невозможно, а некоторые еще умудрялись сэкономить и привезти сувениры. Я тоже это испытала, когда танцевала ведущие партии, а получала за спектакль 25 долларов суточных. Но я была счастлива. Танцевать в Большом театре – большая школа. За то время я выучила большой репертуар. Я очень благодарна своим педагогам. Но была и масса проблем. Например, я не так много танцевала, как хотелось бы. Потому что была молодой балериной и все время стояла в очереди. Выскакивала, в основном, когда кто-то болел. Хорошо еще, что была готова. Все знали: если что – Ананишвили заменит. И вдруг – перестройка. В 90-е годы иностранные театры стали выводить персонально на меня. Балетный мир очень маленький. Стоило одному узнать, что у меня появилась возможность выезжать, как информация тут же передалась по цепочке. Я стала свободным человеком, получив возможность выезжать на гастроли вне состава Большого. При этом я не ушла из театра. Мой случай – своеобразный переворот в балетном мире. Я

одна из первых смогла ездить всюду, оставаясь при этом балериной Большого.

- Как успевали?

- Легко, потому что в Большом я танцевала очень мало. Поэтому соглашалась всегда, когда меня приглашали. Если в Москве у меня было за сезон 6-8 спектаклей, то за границей я давала 80.

- Получается, очень важно не быть привязанным к одному театру...

- Нет, это как раз очень важно. Надо иметь «дом», в который каждый раз возвращаешься. Знаю много примеров, когда танцоры, следуя моему примеру, разъезжали по гастролем и бросали при этом театр. Все они быстро закончились в профессии. Никто не смог выдержать этот ритм. Очень трудно работать в режиме нон-стоп. В моем поколении было трое, которые выдержали такой сумасшедший график – это Сильви Гиллем, Хулио Бокка и я. В таких условиях сложно держать себя в форме. Кроме того, должна быть гарантия, что ты везде нужна. Может, сегодня тебя приглашают, а следующие три месяца – ни одного приглашения. А в нашей профессии тренироваться дома невозможно, нужна каждодневная работа в зале. Получается, что без театра ты висишь в воздухе. С другой же стороны, я подала пример многим танцорам, что можно совмещать постоянную работу в театре и не отказываться в то же время от приглашений из-за рубежа.

- Вы уже семь лет на посту художественного руководителя театра. Где чувствуете себя комфортнее – на сцене или в кресле руководителя?

- На сцене, конечно. Когда танцую, принадлежу сама себе. Но, знаете, сейчас вспоминаю, что внимание на мелочи обращала всегда, даже когда танцевала в Большом. Мне хотелось, чтоб все было безукориз-

Лебедь в исполнении Нино Ананишвили

ненно. Как называет меня мой друг, я прирожденный завхоз (смеется).

- Лучше сказать – хороший хозяйственник...

- Да, я с детства была такой. Всегда любила, чтоб у меня на сцене все было в порядке. Даже свою гримборную в Большом театре я привела в порядок сама. Мне хотелось, чтобы в ней было все, как положено, хотя комната была не только моя. У меня была очень известная гримборная. Когда-то ею пользовались Майя Плисецкая и Раиса Стручкова, позже Надя Павлова и я. Вначале там было не очень красиво, но я принарядила комнату – повесила занавески, отциклевала пол, покрыла его лаком. Некоторые возмутились – почему Ананишвили сделали ремонт, а нам нет? А им отвечали – она все сделала сама. Кто-то последовал

моему примеру, других это раздражало, но я же никому ничего не портила. Так же я отношусь к своим костюмам и в целом к тому, как выгляжу на сцене. Например, я не могу надеть чужой костюм или головной убор. А, между тем, у нас в Большом были девочки, которые страшно не любили шить себе костюмы, потому что им лень было стоять часами во время примерки. А я наоборот. Если у меня премьера, я не ленилась, примеряла в день по семь костюмов, только потому, что знала – мне нужно выйти на сцену и выглядеть «на все сто». Сегодня меня волнует только одно – нехватка времени. Удивляюсь, когда вижу, как некоторые постоянно мелькают на экране телевизора. Откуда они берут столько времени? Когда успевают работать? Я занимаюсь только собой, своей работой и семьей, и то часто отказываюсь от интервью. Мне водитель говорит: «Калбатано Нино, сколько же вы бегаєте?» А я чувствую, что если один день сижу без дела, мне уже плохо становится – а не забыла ли я чего-нибудь.

- Вы воспитаны на русской школе, но много танцевали в Европе и Америке. Чем, на ваш взгляд, русская школа балета отличается от западной?

- Да, разница есть. Я – приверженец русской балетной школы. Считаю, что наша система образования очень хорошая и правильная. Я благодарна своим педагогам за то, что они так меня воспитали. Но у западной школы тоже свои плюсы. Там другое отношение к балету – более свободное, и, как результат, более разнообразный репертуар. Поэтому я пытаюсь соединить эти две методики преподавания. То, чему я сегодня учу – это вагановская школа вперемешку с некоторыми элементами из датской школы, в которой мне тоже кое-что понравилось. Конечно, можно провести профессиональный анализ русской и западной балетных школ с целью сравнить их. Но, думаю, такой научный подход будет неинтересен и непонятен читателю. Если коротко, то одним из главных различий является отношение к дисциплине. На Западе очень строгий график, все расписано по минутам. Сегодня и мы стали работать в таком же ритме, что и западные. А раньше все было по-другому. В Большом можно было растянуть репетиции на полгода. На Западе с этим строго. Запланировано 10 репетиций – значит, будет 10. Соответственно, другой стиль работы. Многим нашим звездам тяжело освоить такой темп и напряжение. Не все выдерживают. Мы были в некотором роде избалованы. К примеру, если раньше ведущая балерина Большого театра сама составляла себе расписание таким образом, как устраивает ее, то на Западе тебя никто не спрашивает. У нас было не так много спектаклей, поэтому могли не спешить, долго готовиться. Сегодня работали, завтра отдыхали, послезавтра по каким-то причинам отменяли репетиции. А на Западе – раз-другой отменишь, на третий с тобой разорвут контракт.

- Вы родились в Тбилиси. Что для вас означает наш город?

- Очень люблю Тбилиси. Он – необычный. Я видела много разных и красивых городов, но есть что-то в нашем городе, чего нет ни в каком другом. Он красивый от Бога, нужно только за ним ухаживать. Всегда приезжала сюда, заряжалась здесь энергией, особой атмосферой, духовностью и снова уезжала в Москву. Мне хватало этого на год. Потом – опять каникулы в Тбилиси. Особенно яркое воспоминание детства – вид с Метехского моста. По этой дорожке я каждый год уезжала из Тбилиси и каждый раз, проезжая по мосту, плакала. В памяти и теперь, когда попадаю на Метехский мост, всплывают те детские переживания. Я вижу, как за последние годы Тбилиси становится еще более красивым. Я радуюсь, когда вижу, как он меняется, растет, развивается.

Яна ИСРАЕЛЯН

МАГЕЛЛАН, ПЕРЕПЛЫВШИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Владимир Даль

«Ваше собрание не простая затея, не увлечение. Это совершенно новое у нас дело. Вам можно позавидовать – у Вас есть цель. Годами копить сокровища и вдруг открыть сундуки перед изумленными современниками и потомками!» Это строки из письма Пушкина его другу Владимиру Далю, создателю «Толкового словаря живого великорусского языка».

Владимир Иванович писал очерки, сказки, рассказы, сказки. Подготовил к печати сборник «Пословицы русского народа». Но главное детище Даля, конечно, Толковый словарь, над которым он работал 47 лет. Четыре тома уникального словаря, куда вошли 200 тысяч слов, в том числе 82 тысячи, ранее неизвестных лексикографам.

Как ни странно, пользуясь словарем Даля, мы мало знаем о самом авторе. А ведь Даль был интереснейшим человеком и неординарной личностью даже в ряду знаменитых своих современников.

В 40-е годы XIX века, когда уже ушли из жизни Пушкин и Лермонтов, на петербургских знаменитых «четвергах» Даля появлялись Гоголь, Герцен, Панаев, Сологуб, Майков, Тургенев. Знаменитый хирург Николай Пирогов, натуралист Карл Бэр, мореплаватели и географы Федор Литке и Фердинанд Врангель, артисты, писатели, художники, музыканты, друзья и единомышленники. Именно здесь, на одном из четвергов, возникла мысль создать Русское Географическое Общество.

Белинский писал о Дале: «После Гоголя это решительно первый талант в русской литературе». Около девяти лет, вплоть до июля 1849 года, этот талант обитал в Петербурге, работая начальником особой канцелярии министерства внутренних дел России.

Государственная служба, литература, наука – жизнь расходилось интенсивно и на редкость плодотворно. Кроме повестей и сказок на русском языке, выходят сказки и на украинском. Работает над учебниками «Зоология» и «Ботаника» для высших учебных заведений.

Главной его заботой продолжает оставаться сбор материалов и подготовка к изданию Толкового словаря. Высокая должность давала ему возможность получать словарные материалы из всех российских губерний. Десятки тысяч слов готовы были занять место в уникальном собрании.

Даль был человек выдающийся и уникальный во всех отношениях. Его блестящие способности, владение про-

фессиями врача, моряка, инженера, писателя, лексикографа, автора учебников по ботанике и зоологии, собирателя кулинарных рецептов русской национальной кухни, музыканта восхищали его современников. Трудно поверить, что все это могло совмещаться в одном человеке.

Честность, правдивость, бескомпромиссность были в роду Даля семейными качествами.

Отец Владимира Даля, Иоганн Христиан Даль, был датским ученым, приглашенным в Россию Екатериной II в качестве придворного библиотекаря. Вместе с русским подданством и принятием православия отец получил и русское имя – Иван Матвеевич, но в должности библиотекаря прослужил недолго – должность была хотя и почетная, но содержать семью при окладе библиотекаря было очень сложно. Он уехал в Германию, окончил медицинский факультет университета в Иене и вернулся в Россию уже врачом. На воспитание мальчика очень повлияла мать, Юлия Христофоровна Фрейтаг, свободно говорившая на пяти языках, любившая и хорошо знавшая литературу. Родным языком он считал русский и был глубоко убежден, что родины становится та страна, на языке которой говоришь и думаешь. «Я думаю по-русски, - писал Даль, - и поэтому считаю себя русским человеком». Закончив Петербургский морской кадетский корпус, мичман Даль прибыл для прохождения службы в Николаев на фрегат «Флора» Черноморского флота, а потом переводится на Балтийское море. Отслужив пять лет на флоте, по состоянию здоровья Даль подает в отставку и, следуя примеру отца, поступает на медицинский факультет Дерптского университета, зарабатывая на жизнь уроками русского языка.

Говорят, только единицы способны начать с нуля. Сильный характер Даля помог ему изменить ход жизни, открыв в ней новую страницу. В Дерпте он обрел новых друзей – поэтов Николая Языкова и Василия Жуковского, а также будущего основателя полевой хирургии Николая Пирогова.

Защитивший докторскую диссертацию Даль направляется врачом в действующую армию в Турцию, участвует в польской кампании 1831 года, оперирует раненых в палаточных госпиталях и на полях сражений.

Одна из первых опубликованных статей, подписан-

ная псевдонимом Казак Луганский, называлась «Слово медика к больным и здоровым». Основное внимание в ней обращается на необходимость правильного образа жизни. Это наблюдение, наверное, и сегодня стоит каждому из нас взять на заметку: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособиях врачей». Писательство, исследование языка все больше увлекало неуемного Владимира Ивановича. Николай Пирогов очень сожалел, что Даль «переседлал из лекарей в литераторы». Но видимо, разносторонность натуры Даля требовала широкого поля приложения его способностей.

Издание в Петербурге в 1832 году «Русских сказок Казака Луганского» и ... арест. Недоброжелатели написали донос в Третье отделение, о том, что в сказках, написанных для низших классов, содержались насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдат и т.д. От больших неприятностей его спас поэт Жуковский, наставник великого князя Александра. Он напомнил царю Николаю, что «злоумышленник» - герой двух войн. «Русские сказки» изъяли из книжных лавок, но Даля освободили. Вскоре после освобождения он, взяв один из сохранившихся экземпляров, отправился к Пушкину. Александр Сергеевич с удовольствием принял подарок, вручив в ответ рукописный вариант своей новой сказки «О попе и работнике его Балде» с дарственной надписью. С этого обмена запрещенными трудами (пушкинская сказка увидела свет лишь после смерти поэта) и началась их дружба.

Нижегородская икона
Космы и Дамиана

Судьбы двух литературных исполинов переплелись так тесно, что даже последние слова Пушкина были обращены к Далю.

Встреч было много. Но три из них, «каменищи», как называл их Владимир Иванович, навсегда остались и в его сердце, и в истории. Первая из них состоялась в Петербурге в 1832 году.

Вторая произошла в Оренбурге, куда Пушкин приезжал осенью 1833 года собирать материалы для «Истории Пугачевского бунта». Даль уже несколько месяцев служил чиновником по

особым поручениям при оренбургском военном губернаторе и успел настолько освоиться с прошлым Яицкого края, что лучшего сопровождающего Пушкину нельзя было и пожелать.. Они ездили в историческую Бердскую слободу, где была ставка Пугачева и его знаменитые «золотые палаты» - деревянная изба, стены которой были оклеены тонкой золотистой бумагой. В Бердах они нашли старуху-казачку, которая помнила Пугачева. Пушкин слушал ее «с большим жаром», вспоминал Даль, и от души хохотал над забавными деталями, всплывавшими в памяти рассказчицы. Больше всего Далю запомнился рассказ старухи о том, как она вместе с другими пряталась в церкви, когда туда пришел Пугачев, выдававший себя за императора Петра III. Старуха рассказала, что Пугачев сел на церковный престол, перепутав его с царским тронem, и громко сказал: «Как я давно не сидел на престоле!»

Третья встреча друзей была трагической – прощанием навсегда. Узнав о дуэли, Даль приехал в дом умирающего поэта и потом уже неотлучно дежурил у его постели. В какой-то момент Александру Сергеевичу стало легче. «Я ухватился, как утопленник за соломинку, - вспоминал Даль, - и, обманув и себя и друзей, робким голосом возгласил надежду. Пушкин заметил, что я стал бодрее, взял

меня за руку и сказал: «Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру?» - «Мы за тебя надеемся еще, право, надемся!» Он пожал мне руку. Но, по-видимому, он однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни после этого он ей не верил...» Может быть, именно в этот день, 29 января 1837 года, словарь Даля пополнился еще одним словом, толкование которого он записал тут же, в квартире Пушкина, на отдельном листке бумаги: «Бессмертие – непричастность смерти, свойство, качество неумирающего, вечно сущего, живущего; жизнь духовная, бесконечная, независимая от плоти. Всегдашняя или продолжительная память о человеке на земле, по заслугам или делам его. Незабвенный, вечнопамятный».

Осенью 1859 года Даль ушел с государственной службы в отставку и, переехав с семьей в Москву, поселился в доме на Большой Грузинской улице. В этом счастливом доме, как впоследствии назовет его Владимир Иванович, он воплотил мечту своей жизни: «пустил корабль на воду» – в 1861 году издал «Толковый словарь живого великорусского языка», сделавший имя автора бессмертным. В том же году вышло в свет собрание его сочинений в восьми томах.

За свой словарь Даль был удостоен звания почетного академика Петербургской Академии наук (1863) с вручением Ломоносовской премии. А Географическое общество наградило его золотой медалью. Владимир Иванович продолжал работу над словарем и после его выхода в свет, постепенно увеличив объем издания почти в полтора раза.

Осенью 1871-го с ним случился первый легкий апоплексический удар, после чего он пригласил православного священника для приобщения к Русской Православной Церкви и дарования таинства святого причащения по православному обряду. Так незадолго до кончины Даль перешел из лютеранства в православие. В нижегородской церкви Космы и Дамиана хранится икона, написанная вскоре после смерти Даля. В обликах святых Дамиана и Космы на иконе изображены «убиенный Пушкин и почивший в бозе Даль».

«Жизнь дана на радость, но ее надо уметь отстоять, поэтому истинное назначение человека – борьба за правду и справедливость, борьба со всем, что лишает людской радости. Всякая несправедливость казалась мне дневным разбоем, и я всячески выступал против нее». Эти слова Даля актуальны и сегодня.

Пушкин был пророчески прав, говоря, что труды Даля будут по достоинству оценены потомками. Действительно, и сегодня каждый образованный человек не понаслышке знаком с этим знаменитым словарем. Андрей Битов назвал Даля «Магелланом, переплывшим русский язык от А до Я».

В наши дни, когда вопрос сохранения русского языка, бережного отношения к нему стал вопросом государственной важности, не случайно возрождение внимания современников к словарю Даля. Почему именно Даль, пережив не одно столетие, так естественно воспринимается нашим современником? Наиболее убедительно это определил Владимир Бухромеев, под редакцией которого в 2005 году издательством «Белый город» был выпущен «Дополнительный иллюстрированный том» словаря Даля. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, - пишет Бухромеев, - занимает особое место не только в русской словесности, но и в истории человека как такового, человека разумного, небессловесного. Черты лица человека и язык – вот результат бытия всякого народа на этой земле. Мир человека в конечном счете заключен в слове, в сумме слов, которые он создал, которыми он наименовал все доступное его разуму – от атома до галактик, от понятия «Бог» до площадного ругательства, от местоимения «Я» до суммы имен, фамилий и прозвищ людей, рожденных этим народом за полтора-два тысячелетия. Словарь В.И. Даля и есть та сумма слов, та часть вселенной, которой этот разум смог овладеть посредством этих слов».

Виктория ПОПОВА

Ляля Баланчивадзе и ее воспитанники

НАУЧИТЬ ПЕТЬ «ОДУ К РАДОСТИ»

Тяжелые 90-е годы, особенно их начало, были одинаково тяжелыми для всех нас.

Что вспоминается о том времени?

Долгие вечера без тепла и света. Костры во дворах. Выстрелы. Очереди за хлебом, которые занимали с ночи. Очереди за гуманитарной помощью – чечевицей и сухим молоком. Голодно.

Ответим откровенно, чем были озабочены любые родители в те годы? Чем накормить и как обогреть своего ребенка. В выборе, что купить – хлеб или книгу, конечно, побеждал хлеб.

Но я точно знаю, что сегодня в Тбилиси найдется, по крайней мере, не меньше ста человек, кому сейчас уже за двадцать и кто вспоминает начало 90-х только светло, только радостно. И не потому, что тогда они были детьми, а дети, слава богу, по своей природе склонны радоваться. А потому, что нашелся человек, который сам взялся заполнить их жизнь радостью, теплом и светом, - Валентина Сергеевна Баланчивадзе.

Валентина Сергеевна – заслуженный педагог Грузии, лауреат Государственной премии РФ, кавалер Ордена Чести Грузии, ректор Тбилисской Детской благотворительной интеллектуальной академии имени Елены Ахвледиани «Мир искусства – детям».

Академия возникла 18 лет назад, когда вместо того, чтобы думать, как выжить самой, Ляля придумала, как в это темное время помочь детям жить светлее, интереснее, со смыслом.

Все начиналось с бесед-посиделок. Двадцать пять соседских детишек сидели при свечах и керосиновой лампе, на полу (приобрести столько стульев сразу было не по средствам). Для тепла окна занавешивали одеялами.

Дети с удовольствием уплетали блинчики, которыми их подкармливала тетя Ляля, и заворожено слушали ее уроки. А родители по очереди добывали керосин, который тогда стал, по существу, единственным источником энергии. Это и было платой за учебу...

18 лет работы – не юбилей. Это стаж, который говорит сам за себя. О Ляле Баланчивадзе писали много, хорошо, хвалебно. Мы не можем стать исключением, поскольку труд этого педагога заслуживает исключительного уважения. 18 лет – это возраст совершеннолетия. А значит, есть повод кое-что вспомнить, подвести некоторые итоги, рассказать о дне сегодняшнем и о планах на день завтрашний.

Сегодня в академии Баланчивадзе занимается около 200 учеников. Среди них есть уже и представители династий. В некоторых семьях – по три-четыре поколения Лялиных учеников. Она никогда не давала объявлений о приеме в академию и никого не приглашала на занятия специально. Люди приходили и приходят сами. Мир тесен, а самая лучшая реклама – та, которая звучит из уст очевидца. Подсчитайте, сколько их, таких очевидцев, если каждый год в академию приходит около пятидесяти новых учеников.

- У меня, как и у всех, были какие-то свои жизненные проблемы, - рассказывает Валентина Сергеевна, - я болела, лежала, как Даная, то на одном боку, то на другом. Но все проблемы отошли на второй план, как только я начала работать с детьми, потому что мои ученики стали для меня главным в жизни. И за 18 лет я не пропустила ни одного урока – я не знаю, что такое бюллетень... Мои питомцы разлетаются по всему миру – учатся в Америке, в Европе. Например, мой ученик Тамаз, внук коллеги и единомышленницы Тамилы Тевдордзе (заведующей Домом-музеем Елены Ахвледиани – Н.Ш.) с отличием закончил Гарвард. Они просвещенные люди, и я точно знаю, что они уже не могут жить иначе. Я им открываю зеленую улицу в мир познания, по которой они будут идти всю жизнь.

- То есть главной задачей вашей академии является просвещение в самом широком смысле слова?

- Именно. Вы не можете себе представить, как они много знают. Как мои дети разбираются в живописи!

Знают наизусть картины, школы, все направления голландской, итальянской, испанской, французской, другой живописи. Как понимают музыку, сколько знают стихов! Как они поют Бетховена на оду Шиллера «К радости»!

У меня это авторский метод. Я никогда не говорю о чем-то одном. Каждый урок – это познание и творчество. И обязательное – повторение. Закончив какую-нибудь тему, мы возвращаемся к ней вновь и вновь. Мои уроки – не мертвый учебник, который можно перелистать и забыть. Они – живая книга, то есть творческая беседа, познавательный разговор и устные упражнения. Дети у меня занимаются по субботам и воскресеньям, занятия длятся полтора часа, но в этих полутора часах нет ни одной потерянной минуты, уроки проходят на одном дыхании и настолько насыщены, что я никогда не задаю домашних заданий. После наших занятий дети открывают книги, заглядывают в интернет, то есть продолжают учиться. Помимо занятий на дому, мы обязательно вместе выбираемся и в музеи, и в театры, и на выставки.

- Ваша академия заполняет пустоты в современном образовании детей. Как вы думаете, почему появляются эти пустоты?

- Образование в школах, к сожалению, сегодня находится на низком уровне... Но необходимо помнить, что в первую очередь, все-таки, образование и воспитание ребенку дают не школы и не академии, а дом и семья. А дети сейчас все-таки другие...

Позволим себе не согласиться. Наверное, дети всегда одинаковые. И Валентина Сергеевна, сама о том не задумываясь, доказывает это на примере своей деятельности. Глядя, как дружно и увлеченно работают ученики на ее уроках, невольно убеждаешься, что ребенок изначально прекрасен – он готов учиться, радуясь, и радоваться, учась. Главное – каков учитель.

Мы пришли в академию Баланчивадзе на показательный урок. Здесь и в самом деле есть что показать и на что посмотреть. В группе занималось около тридцати учеников разного возраста – Ляля группирует учащихся не по возрасту, который колеблется от пяти до семнадцати лет, а по уровню знаний. Вскоре мы с изумлением убедились, что большинство учащихся составляют грузиноязычные дети. (Вот это действительно ноу-хау Баланчивадзе – приобщение грузиноязычных учеников к мировой культуре посредством русского языка). А потом пошла – как бы поточнее выразиться? – пулеметная очередь вопросов и ответов. История, литература, география, живопись, музыка, поэтическая классика наизусть... Ни секунды просто. Поразителен был даже не диапазон знаний, который продемонстрировали ученики (а он и в самом деле очень широк), а то, что за полтора часа работы – без одной перемены, без передышки – не было никаких провисов во внимании, дети все время находились в состоянии восприятия, живо и адекватно реагировали на вопросы и замечания, не уставая. Как это удается сделать педагогу, я не знаю, но она это делает, и мы это видели своими глазами.

И все же, если попытаться найти объяснение феномену Ляли Баланчивадзе (умение удерживать полтора часа внимание тридцати детей, для которых учиться – это удовольствие, иначе как феноменом я назвать не могу), то, наверное, объяснение будет таким – на уроке Ляля очень тратится сама. Мы не видим и не должны видеть, какая огромная подготовительная работа стоит за легкостью и яркостью изложения, какая серьезная подготовка сопровождает каждое слово, каждый жест. Ляля начинает занятия, удивительно собранная и наполненная – интеллектуально, душевно, эмоционально. И во время уроков между учителем и учениками вспыхивает та самая вольтова дуга азарта и взаимопонимания, без которого любое общение, а уж обучение тем более, просто не имеет смысла.

У Валентины Сергеевны под окном – небольшой цветочный газон, который она сама справедливо называет

садом. Ляля не просто поливает и удобряет свои прекрасные цветы, она еще и разговаривает с ними, хвалит, уговаривает, просит поскорее расцвести. И цветы, послушные теплым словам и правильному уходу, цветут как по заказу. Мне кажется, у нее и к детям такое же отношение. Поэтому ученики в ее академии действительно расцветают, обнаруживая в себе те силы и способности, о которых, может быть, ни они сами, ни их родители даже и не подозревали.

- Я люблю это дело, я живу этим, - говорит Ляля. - В знания моих учеников вложены душа, сердце, любовь и ответственность. Я так живу. Конечно, невозможно передать всем ученикам все-все знания. Но я прививаю им вкус к знаниям, к учебе, к процессу познания. Это главное. Бывает, ученики перестают заниматься, а потом все равно возвращаются ко мне – чувствуют, что образования не хватает, а по-другому, без новых знаний, они уже не могут жить.

Детство Валентины Сергеевны было послевоенным, голодным. Отец Ляли погиб на фронте. Во время войны немцы сожгли дом Лялиных родителей - одной из самых зажиточных семей Кременчуга, и семья из пяти человек ютилась на семи квадратных метрах. Девочка Ляля мечтала, что когда-нибудь к ней с неба упадет мешок пряников... Но никогда не сетовала. И никому не рассказывала, что спит на полу. Спустя годы ее мама вышла замуж, семья переехала в Грузию.

Может быть, еще и потому что Ляля слишком хорошо знает, что такое нужда, она и по сей день старается помочь тому, кому трудно. Например, воспитанникам детского дома в Коджори. Или той значительной части учеников, которые занимаются у нее бесплатно (хотя, говоря по совести, плата и так в академии символическая). Или тому соседу, кому сегодня голодно, – стол в доме Ляли всегда накрыт на несколько человек, она привыкла подкармливать других, и просто не может есть в одиночестве.

Грузия стала для Валентины Сергеевны пристанью, родиной, судьбой. Здесь она с отличием окончила музыкальное училище, затем – музыкальное отделение Тбилисской консерватории и в течение 33 лет преподавала в 10-й музыкальной школе. Здесь вышла замуж за Амирана Баланчивадзе, сына известного грузинского композитора Андрея Баланчивадзе. Первый муж оставил в жизни Ляли самые теплые воспоминания и самую яркую характеристику своей супруги, которую и сейчас она цитирует со смехом: «Ляля из ничего может сделать пирог, борщ и скандал». Вторым мужем стал Арчил Кацарава, первая скрипка оркестра радио и телевидения Грузии и Камерного оркестра Грузии. Дочь Ляли и Арчила пианистка, профессор Парижской консерватории Лела Кацарава продолжила музыкальную династию, тем более что по отцовской линии она – правнучка знаменитого грузинского скрипача и композитора Андрея Карашвили, автора позывных грузинского телевидения «Самшобло».

- Я живу в этой стране, - говорит Валентина Сергеевна, - я люблю эту страну, какой бы она ни была. Это моя страна, которая дала мне блестящее образование, и сегодня я отдаю ей долги – делюсь тем, что знаю с моими учениками.

- Я даже не хочу задавать вопрос, что такое в вашем понимании патриотизм. То, что вы делаете, это и есть патриотизм. А что вы считаете своим самым большим достижением?

- Это мои ученики. И мечтаю я только об одном – чтобы до конца дней в моем доме звучали детские голоса.

Ляля почти не строит планов на будущее. Она вся – настоящая и в настоящем. Она живет по библейскому правилу – не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо он сам позаботится о себе. И завтрашний день Валентины Сергеевны Баланчивадзе будет светлым. Этот свет, как всегда, для всех.

Нина ШАДУРИ

ВОРОТА НА ЗАМКЕ

Перед встречей с аргентинцами Лери Гоголадзе слегка температурил, но решил на это внимания не обращать. Соперники были не из ватерпольных грандов.

Визит Лери к врачу, однако, заметили.

Тренер Николай Иванович Малин говорит: «Почему скрываешь, что не здоров? Под удар хочешь поставить команду? А еще комсорг».

Очень обиделся тогда страж ворот тбилисского «Динамо». Ребята вышли на разминку, а он стоит у бортика бассейна, переживает. Старший тренер сборной Виталий Ушаков в последний момент говорит: «Ладно, полезай в воду».

Вот так, без разминки, Гоголадзе вступил в игру и, надо же, пропустил легкий мяч с угла штрафной площадки, что случалось с ним крайне редко. Ту предварительную игру в подгруппе они выиграли – 7:4. На разборе Малин все же упрекнул: «Я же предупреждал».

Словом, посадили Лери Гоголадзе на скамейку запасных на три игры. Основного вратаря сборной, который семь лет до Римской олимпиады и после шесть раз Федерацией водного поло СССР признавался первым в стране и только однажды – вторым. В списке «21 лучших».

Не в этом ли бездумном отлучении от игры первого номера советской сборной – одно из объяснений незавоеванной победы на Олимпиаде?

Ехали в Рим с твердой верой в наивысший успех,

на какой могла рассчитывать лучшая за все времена национальная команда.

Ничто не предвещало беды. Две игры наши олимпийцы выиграли – у Бразилии с разницей в шесть мячей (8:2) и первый полуфинальный матч с Румынией, четвертый за семь дней, со счетом 3:2.

Встреча с итальянцами – командой из «большой четверки» - расценивалась по существу как первый матч финала.

Ей предшествовали удивительные события. На тренерском совете решили играть с двумя нападающими вместо трех. На привычное место в защите отправили Виктора Агеева. И тут первая неожиданность. Виталий Ушаков выступил с неожиданным для многих предложением. «Думаю, нам нужно заменить вратаря», - сказал старший тренер. – Гойхман играл пока хорошо, но я чувствую: это его предел. Он устал, хотя сам, как мне кажется, этого пока не особенно сознает. Горит, рвется в бой. И все же было бы разумным заменить его на Гоголадзе».

Здесь уместно вспомнить, что именно Ушаков, этот опытнейший наставник, в очередной раз попросил Бориса Гойхмана вернуться в сборную, зачислил его в олимпийскую команду. Гойхмана, который все три предолимпийских года жил и работал другими ритмами, заботами, и даже не играл за свой клуб ЦСКА, предпочитал тренировать детскую команду.

К сожалению, на совете тогда не учли мудрого предостережения старшего тренера. Так, 41-летний

Гойхман занял место в воротах, а ведь в сборной был вратарь, который на двадцать лет моложе Бориса, уже постаревшего.

Гоголадзе вспоминает: «Ушаков мне потом сказал: я за тебя голосовал обеими руками, но вышло по-другому. С хозяевами Римской олимпиады до этого мы встречались трижды. И обычно побеждали с разницей в шесть-семь мячей. Чувствовали, что могли бы забить и больше, если было нужно. Но, выступая в родных стенах, итальянцы показали себя совершенно иной командой – хорошо организованной, техничной, откровенно нацеленной на победу в матче со своими извечными обидчиками».

В самом деле, события в «Бассейне Роз» в тот день напоминали страшный сон. В закипавший от страстей бассейн «масла в огонь» подлил своим судейством арбитр из Бельгии Боуэнс, который не давал возможности нашим бомбардирам Юрию Григоровскому и Петру Мшвениерадзе добиваться успеха, пресекая малейшую попытку играть на одном месте у ворот.

Гоголадзе с трибуны следит за игрой, а вмешаться не может. Замены вратарей в водном поло правилами не разрешаются.

И вот роковая восьмая минута. Знаменитый защитник Эральдо Пиццо, находясь в семи-восьми метрах от ворот, несильно бросил. И Гойхман, великий Гойхман, пропустил этот легкий мяч. Трибуны стадиона замерли после такого неожиданного подарка, а потом взорвались ревом 25 тысяч глоток итальянских «тиффози». Пиццо, ставший в один миг героем матча, похоже, тоже не поверил вначале собственному счастью.

Наша сборная, наконец, понявшая, что в воде перед ними уже совсем иная команда, а не мальчики

– забивают тебе. Команда, не щадящая сил в атаках чужих ворот, пропускает гол в собственные. Это д'Альтруи (снова защитник!), не обращая внимания на Карташева и Куренного, перекрывавших, казалось бы, ему путь к нашим воротам, бросил с шести метров в ближний верхний угол, и заставил во второй раз всколыхнуться сетку – 2:0.

Вот когда многим вспомнилось заседание тренерского совета и предложение Ушакова заменить подуставшего ветерана Гойхмана.

Так советская сборная открыла хозяевам Олимпийских игр путь к золотым медалям. Теперь ей оставалось побороться только за «серебро», на которое претендовали также венгры и югославы, которые как и итальянцы, пока шли без поражений. И тут следует еще одна сенсация олимпийского турнира. Югославы побеждают венгров – 2:1.

На финальный матч с венграми, олимпийскими чемпионами Мельбурна, в ворота стал Гоголадзе. Как и на ответственный период в предолимпийский период – со сборными Италии, ФРГ, Голландии. И снова выручает в казалось бы безнадежных ситуациях. В итоге ничья – 3:3.

Встречу с югославами, серебряными призерами Игр-56, наша команда выиграла – 4:3. Рязвязка наступила на седьмой минуте второго тайма. Динамовец из Тбилиси Гиви Чикваная прорвался к воротам и, использовав передачу Куренного, забил победный мяч. Отобрав таким образом три очка у главных конкурентов – итальянцев, советская сборная вышла в серебряные призеры.

В январе 1960 года Бела Райки, президент Европейской лиги плавания и старший тренер сборной Венгрии, особо выделил в советской сборной Лери Гоголадзе: «Это большой талант и, несомненно, в ближайшее время станет одним из сильнейших в мире».

Ближайшее время настало для него именно в Риме. Оценивая игру динамовца из Тбилиси, газета «Унита» писала: «Замечательный советский вратарь разоружил сербов». Ей вторила «Мессаджери»: «Поразительный вратарь, забить которому труднее трудного».

На заседании президиума Федерации водного поло СССР выступлению советских олимпийцев дали высокую оценку. Пять равных команд-кандидатов претендовали на «золото», поэтому серебряные медали римской чеканки посчитали большим прогрессом после Хельсинки. Как водится, объявили благодарность тренерам и спортсменам, в числе других олимпийцев за выдающиеся спортивные достижения удостоили правительственных наград.

Свой высокий класс Гоголадзе очень скоро подтвердил на родине водного поло – в Венгрии, где этот вид спорта не уступает в популярности (и силе игроков!) футболу. Венгры чаще других фаворитов становились олимпийскими чемпионами.

23 сентября 1960 года сборная Грузии, целиком составленная из ватерполистов тбилисского «Динамо», прибыла в Будапешт. Первый матч с командой «Дожа» из города Солнока, которую тбилисцы летом обыграли дома. И на этот раз не изменили этому пра-

Лери Гоголадзе

для битья, спешит наладить свою игру. Хозяева воды надолго прижаты к воротам. С полной нагрузкой трудится Росси в воротах, которые расстреливают в упор Гиви Чикваная, Анатолий Карташев, Вячеслав Куренной, капитан команды Петр Мшвениерадзе. А результата все нет – ворота итальянцев остаются «сухими». Это Росси поймал кураж! Да и прицел у бомбардиров явно сбился.

И снова злая гримаса судьбы. Срабатывает извечный закон в большом спорте: не забиваешь ты

Петр Мшвениерадзе с сыном Нугзаром (будущим вице-чемпионом мира), Георгием Харебов, Владимир Гоишвили. 1954

вилу. Из четырех матчей с сильнейшими венгерскими клубами, за которые выступали недавние участники олимпийского турнира в Риме, тбилисцы победили в трех при одном проигрыше. Уже в первой встрече Гоголадзе сумел взять несколько «мертвых» мячей. Венгерские газеты особо отмечали, что в грузинской команде, многократном призере чемпионатов Советского Союза, выступают три участника олимпийской сборной – Нодар Гвахария, Лери Гоголадзе и Гиви Чикваная.

Любопытна аттестация нашего стража ворот, данная ему бронзовым призером Мельбурнской олимпиады, лидером и бомбардиром Нодаром Гвахария: «Л.Гоголадзе в настоящее время – сильнейший вратарь в Советском Союзе. При росте 184 сантиметра хорошо выпрыгивает из воды, не теряется, когда соперники выходят один на один с ним».

«В составе нашей олимпийской сборной удачно сочетались молодые игроки и ветераны, - рассказывает Лери Давыдович. – Физические кондиции их были самыми высокими и сам я чувствовал себя, как никогда, сильным. На Олимпиаде в Токио команда представляла бы грозную силу. Шутка сказать – четыре года играли вместе».

На Игры в Токио их не пустили. В конце июля 1964 года в газете «Комсомольская правда» появилась погромная статья бывшего участника сборной, в свое время из нее выдворенного. В статье в одну кучу были свалены все факты, по мнению автора, порочащие тех, «кто разменивает честь на зарубежные тряпки».

Вся эта нечистоплотная возня со «стяжателями» на таможне обернулась против тех, кто недавно были героями, став тяжелым ударом по отечественному водному поло. Команду-звезду расформировали. На Олимпийские игры отправилась наспех собранная «сборная», ставшая только третьей.

Лери Гоголадзе – «серебряный» вратарь Римской олимпиады, чемпионата Европы-62, Всемирной Универсиады-63, Кубка Италии, Кубка Ташмайдана, се-

ребряный (1960, 1962) и бронзовый (1958, 1964, 1966) призер чемпионатов СССР, серебряный призер Спартакиады народов СССР 1959 в составе сборной Грузии, шесть лет отдавший сборной, выросший в родном динамовском коллективе Тбилиси в мастера спорта международного класса, в 1972 году окончательно уходит из большого спорта в науку, в математику, которая с каждым годом все настойчивее звала его.

Победитель школьных олимпиад (именно на тот период приходится его первое знакомство с плаванием и водным поло в знаменитой «купальне» на набережной, дружба на всю жизнь с Владимиром Гоишвили, у которого брал первые уроки вратарского мастерства, и другими выдающимися воспитанниками Луки Александровича Иоакимиди), студент-отличник механико-математического факультета Тбилисского государственного университета и будущий аспирант, стал видным ученым, доктором физико-математических наук, профессором и заведующим кафедрой общей математики ТГУ.

Уже в 1972-м он в составе грузинской

Нодар Гвахария

команды (ребята часто потом просили сыграть, а он не мог им отказать), находился в Мостаре.

Красивый югославский город. Сидят в кафе за чашечкой кофе. За соседним столиком двое местных парней. Разговорились. Земляки олимпийских чемпионов Мехико узнали, что перед ними ватерполисты.

«Из Грузии? – переспросили они. – Как же, помним ваших Гоголадзе и Чикваная по играм советской сборной».

И первое время не могли понять, отчего развеселились их собеседники – Гоголадзе и Чикваная сидели рядом в кафе.

Вот такая неожиданная встреча через годы и расстояния.

Арсен ЕРЕМЯН

Бартолуc. «Испанский священник»

НАРОДНЫЙ АРТИСТ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Киквидзе. «Песня о соколе»

Как больно вспоминать о Котэ Махарадзе в прошедшем времени. Народный артист исчезнувшей цивилизации – так в последнее время он себя называл. Он даже не предполагал, насколько провидческими окажутся эти слова. Махарадзе – это яркая, многогранная личность и абсолютно неординарная. Его отличали артистизм, легкость, неиссякаемый юмор, море обаяния. При этом он был человеком широчайшего образования и энциклопедических знаний. Своими первыми друзьями он всегда считал книги.

Котэ – из породы счастливицков, коих природа щедро одарила разнообразными талантами. Для одних он – великолепный артист, публицист и историк, для друзей – душа компании, вдохновенный тамада, веселый рассказчик, для приверженцев спорта – незабываемый спортивный комментатор, чей голос знали все на просторах СССР. Любой его репортаж превращался в азартный моноспектакль, насыщенный действием, эмоциями, событиями и самыми неожиданными ассоциациями.

У Махарадзе была феноменальная память, сегодня его сравнили бы с компьютером. В своих спортивных репортажах Махарадзе работал без шпаргалок, безошибочно сыпал цифрами, именами, датами. Для театра его память была «скорой помощью»: за два-три часа до начала спектакля он мог выучить самый громоздкий текст и заменить заболевшего актера.

«Слуга двух господ» - шутил о себе Котэ Махарадзе, и так назвал свою книгу воспоминаний на грузинском языке. В этой книге театр и спорт неразделимы, как и в жизни.

О его былом увлечении балетом – он был надеждой балетной студии оперного театра – вздыхали те, кто ви-

дел в 1936 году дебют Махарадзе на сцене этого театра в партии Щелкунчика. Первая роль свалилась на него в десять лет. Спектакль шел в великолепных декорациях Солико Вирсаладзе, а дирижировал выдающийся Евгений Микеладзе. Это было самое сильное детское впечатление Котэ. А Гиви Берикашвили и Кахи Кавсадзе на юбилейном вечере Котэ в 2001 году вспоминали, как он в свое время преподавал им хореографию в театральном институте. Берикашвили подтвердил это, исполнив в свои шестьдесят с гаком лет танец умирающего лебедя. Кстати, юмористическая викторина того вечера приоткрыла завесу в личной жизни юбиляра. Одним из ее вопросов был такой: «Что связывает троих известных деятелей из четырех – Сталина, Черчилля, Чаплина, Махарадзе?» С ответом юбиляр быстро нашелся: «Все, кроме Сталина, имели три жены».

НАЧАЛО НАЧАЛ

Началось все с первой школы, бывшей классической гимназии, что на проспекте Руставели. Вместе с ним учились Бадри Кобахидзе, Мераб Табукашвили, Нодар Андгуладзе, Зураб Анджапаридзе, Авксентий Гамсахурдия. Все, кто вспоминали свои школьные годы, неизменно возвращались к матери Махарадзе – тете Варе, работавшей школьным библиотекарем. Мимо библиотеки тогда не мог пройти ни один ученик. Свободно ориентировавшаяся в море названий, авторов, эпох и произведений, она притягивала в мир литературы каждого. А для сына библиотека была вторым домом, он оставался там до вечера, до конца рабочего дня.

Кроме того, как и все мальчишки, Котэ увлекался

В гостеприимном доме Котэ и Софики

спортом, в детстве он был одержим скачками, а рядом с манежем был стадион, и после скачек они с отцом шли на футбол, в эту игру он влюбился с первого матча. Котэ был мастером спорта по баскетболу и капитаном юношеской сборной в составе «Динамо».

А еще заботливая мама отдала сына и дочь в хореографическую студию при театре оперы и балета, и они закончили ее. После дебюта в «Щелкунчике», казалось бы, от балета Махарадзе ничто не могло спасти. Но лет в 15-16 он зашел в театр Руставели. Увидел там Акакия Хорава в «Отелло» и обомлел.

Так судьбой Котэ Махарадзе стал драматический театр. Он поступил в театральный институт и на отлично закончил его на курсе Додо Алексидзе, который и позже считал Махарадзе своим верным учеником.

Легкий в общении, живой, эрудированный, бесконечно изобретательный в шутках и розыгрышах, Котэ еще со студенческих лет был в центре внимания. В театральном институте он вечно выпускал какие-то стенгазеты, «молнии», организовывал вечера юмора, был капитаном баскетбольной команды, за которую болел весь институт. Театралы запомнили его еще со студенческой роли Керубино в «Женитьбе Фигаро». Мальчикуноша, хрупкий, пластичный, восторженно-влюбленный, говорят, он был легок как стих Бомарше и изящен, как сама французская комедия.

После театрального он был принят в театр имени Ш.Руставели и оказался в гуще театральной борьбы, сотрясавшей театр. Он был одним из самых активных в содружестве актеров «Швидкаца», объединившихся вокруг легендарного режиссера-новатора Михаила Туманишвили. Тогда спектакли с участием молодой когорты гремели в Тбилиси. В своей книге «Режиссер уходит из театра» Михаил Иванович писал о Махарадзе: «Умный, темпераментный, расчетливый в работе, больше других любящий книгу, влюбленный в Маяковского, сочиняющий футуристические стихи, остроумный Котэ Махарадзе. По амплу скорее всего герой».

В первом же спектакле Махарадзе оправдал это амплу «швидкаца», он сыграл пламенного Юлиуса Фучика («Люди, будьте бдительны!»). Зато в другом спектакле его ждала уже острохарактерная роль, несколько не похожая на предыдущую. В искрящемся праздничной театральностью «Испанском священнике» он сыграл скупого стряпчего Бартолуса, сыграл старика, будучи юнцом – вот где пригодились ирония, природный юмор, обостренное чувство пластики и внешнего рисунка роли. В поисках характера своих героев Махарадзе, виртуозно владеющий своим телом, ощущающий его как послушный инструмент, часто шел от пластики.

В «Швидкаца» блистала Медея Чахава, она и стала женой Махарадзе. У них появилось двое детей – дочь

Мака Махарадзе, будущая знаменитая прима-балерина, и сын Ивикко – актер и спортивный комментатор. А старшим из детей в этой семье был сын Медеи Чахава от первого брака Темур Чхеидзе, в будущем главный режиссер театра имени Марджанишвили и Петербургского БДТ. Темур всегда вспоминает, что основным багажом из зарубежных поездок спортивного комментатора Махарадзе, были книги, о которых в СССР могли слышать краем уха, а говорить только шепотом.

Кстати, спортивным комментатором Махарадзе стал случайно. Он был уже заслуженным артистом, когда его однажды попросили комментировать по радио игру баскетболистов, тогда в Грузию приехала американская команда. Он попробовал, а дальше пошло-поехало – баскетбол, потом футбол, сначала на грузинском, позже и на русском. Но он никогда не забывал о театре. Николай Озеров вспоминал, что в Испании, на чемпионате мира по футболу, Котэ в свободное время работал над ролью.

За 23 года работы в руставелевском театре Махарадзе сыграл около сотни ролей, здесь были и успех, и проходные роли. Его творческий диапазон постоянно расширялся, он работал в разных стилях и жанрах. Запомнился зрителям комдив Киквидзе, которого называли «грузинский Чапаев» («Песня о соколе»), Креонт в «Царе Эдипе», рыцарственный Лазерт в «Гамлете», сказочно-таинственный Оберон в первой постановке М.Туманишвили «Сна в летнюю ночь». Наиболее ярко актерская индивидуальность Махарадзе проявилась в роли Андареза в постановке Додо Алексидзе «Бахтриони». В 1967 году К.Махарадзе получил звание народного артиста республики.

НОВАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭРА

С 1970-го для него началась новая эра – театр им. К.Марджанишвили. Большой успех принесли Махарадзе роли в постановках его учителя Додо Алексидзе: Нароков в «Талантах и поклонниках», итальянец Терачини в «Памяти сердца». А в «Дон Карлосе» маркиз Де Поза в его исполнении становился по сути главным героем, это был символ идеальной дружбы. Особенно запомнился его Квачи в созданной самим Махарадзе инсценировке романа М.Джавахишвили «Квачи Квачантирадзе». Вместо привычного отвратительного Квачи на сцене – пройдохи-ловкача, перед зрителем был обаятельный, «катастрофически неотразимый», а значит, и более опасный авантюрист. Как говорил сам Котэ, этакий грузинский Остап Бендер.

Мне, например, очень запомнился его Мурман из «Провинциальной истории» в постановке Медеи Кучухидзе. Элегантный, вальяжный, чуть снисходительный столичный премьер – это вначале. А после разоблачения он вдруг тускнел на глазах, сникал, почти съеживался, будто внутри него погасили светившийся фонарь. Но одной из лучших его ролей я считаю Каренина, он его осовременил и очеловечил. Махарадзе говорил, что подспудно шел к этой роли от пластики: он «видел» Каренина страшно медлительным, без единого жеста – неподвижные руки всегда строго внизу. И вот в эту ходячую мумию артист умудрился вдохнуть жизнь. За этой ледяной недвижимой оболочкой был виден человек со своим достоинством, со своей болью и страданиями. Когда Каренин плакал – это было как гром среди ясного неба, это все равно, что плачущая статуя Командора.

Но знаковым во всех смыслах была для Махарадзе роль Уриэля Акосты в возобновленной Верико Анджапаридзе постановке легендарного спектакля Марджанишвили, где когда-то блистали сама Верико и Ушанги Чхеидзе. Именно там впервые партнершей Котэ была Софики Чиаурели в роли Юдифи. В спектакле, не для них поставленном, им было очень трудно. Котэ говорил, что вначале никак не мог репетировать. Его выру-

чила тогда музыка, она несла в себе стилистику образов, мизансцен, и он почувствовал нечто неуловимое, чего не мог найти раньше. Кроме точно схваченного внешнего рисунка роли, он еще умудрился патетику смягчить печалью, человеческой горечью.

Эта совместная работа с Софико стала поворотным моментом в их жизни. Хотя они были знакомы давно и часто пересекались в театрах, но, оказавшись партнерами, ближе узнали друг друга. Когда они поженились, друзья Котэ привезли в подарок якорь – настоящий, чугунный. Чтобы друг в семейной жизни, наконец, бросил якорь. Этот якорь всегда стоял в их доме. Софико говорила о нем: «С Котэ мне очень легко. Он не навязывает своего, он тонкий, любящий, внимательный. Недаром он прослыл донжуаном. Меня это не волнует, ведь это было до моей эры».

Так Софико и Котэ объединили два семейных клана. Софико обожала дочь Котэ, балерину Маку Махарадзе, а Мака была в восторге от мачехи. Наверное, такое редко где встретишь.

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Так же, как щедра была к Махарадзе природа, так и он всю жизнь оставался невероятно расточительным в трате себя. Замечательно сказал о нем Католикос-Патриарх всея Грузии Илья II: «Махарадзе – это необыкновенный феномен. Он мне напоминает неугомонную реку Терек, течение которой невозможно остановить».

В 80-х годах, во времена подъема национального сознания, он окунулся в историю и публицистику. Будучи интереснейшим рассказчиком, он подспудно мечтал о театре одного актёра, и осуществил эту идею. В Грузии появился новый театр. Начиналось все с его моноспектаклей. В них история Грузии представляла в театрально-философском аспекте. Эпохи, царствования, события, нравы, выдающиеся личности показывались с доскональностью историка и подавались с пафосом гражданина. И каждый раз это был новый взгляд, открытие неизвестного.

Котэ Махарадзе остро чувствовал пульс времени. И не случайно его первый моноспектакль был посвящен великому Илье Чавчавадзе по книге Акакия Бакрадзе. В спектакле Котэ раскрывал и уникальную личность литератора и публициста, и в то же время делал акцент на актуальных темах наследия Чавчавадзе – его патриотизме, совсем не означавшем самоизоляции. Актёр предлагал зрителям несколько версий гибели Ильи, давая толчок к размышлениям над сутью и последствиями этой трагедии.

Спектакль имел громкий резонанс, билеты было невозможно достать. А сам театр стал своеобразной общественной трибуной, с которой звучала четкая гражданская позиция. В 1989 году представления проходили в заброшенном, холодном помещении, никак не приспособленном для театра – некогда это была летняя резиденция царицы Дареджан.

Махарадзе был автором серии моноспектаклей по истории Грузии и царской династии Багратиони. Они появились в те годы, когда жития царей и их деяния были для общества закрытой страницей. В каждом новом спектакле сквозь факты и великие деяния выдающихся людей всегда проглядывал человек, со своими привычками и слабостями. Например, в моноспектакле об Акакии Церетели самым большим открытием для публики стало известие, что этот поэт с таким музыкальным стихом, был абсолютно лишен музыкального слуха. И при этом почти каждое второе его стихотворение, начиная с «Сулико», стало песней.

В 1990 году это пристанище у театра отобрали. На какое-то время театр приютит театральный институт, там Махарадзе поставил «Багратиони», который получил Гран-при на международном фестивале в Киеве.

Позже Софико и Котэ решили открыть театр одного актёра в доме-музее Верико Анджапаридзе, то есть в своем же доме. Театр назвали «Верико». Друзья Котэ шутили, что Махарадзе войдет в историю как единственный артист, который назвал созданный им театр именем своей тещи. Софико всегда подчеркивала, что идея создания театра принадлежит Котэ, и это его страсть и призвание. Она же всегда мечтала, чтобы гостиная родителей ожила вновь, и это осуществилось. Зрителей помещалось немного, человек 80, но зато легко устанавливалось общение актёра и публики. Софико называла его «театр крупным планом».

И самый шумевший моноспектакль Котэ Махарадзе – «Сталин» смотрели уже в этой знаменитой гостиной. Он вызвал буквально бурю, не оставив равнодушными ни поклонников вождя народов, упрекавших артиста в недостатке пиетета, ни антисталинистов, усмотревших в спектакле апологетику кровавого диктатора. Готовя сценарий, актер перевернул горы литературы, работал в архивах Москвы, Гори. В спектакле в захватывающем калейдоскопе сплелись факты и мифы, политика и религия, пафос и ирония. Яркий, захватывающий рассказ – ни стремления к реинкарнации, ни показного актерства. Три с половиной часа самой насыщенной информации.

Софико и Котэ тогда удалось сохранить «дом открытых дверей», как было при ее родителях. Этот дом

Остановись, мгновение!

– живая история грузинского театра и кино, сами стены пропитаны духом прошлого, здесь своя аура. И зрители сюда приходили не развлечься, а прикоснуться к своей истории. Этот дом был оазисом жизни. В нем можно было увидеть Ванессу Редгрейв, Сергея Юрского, Евгения Евтушенко, Елену Образцову, Зураба Соткилава...

В одной из наших бесед с Котэ Махарадзе он сказал замечательные слова, которые можно считать его завещанием: «Искусство, наука, спорт – это вне национальностей и над политической. И не важно, откуда мы родом – мы все с планеты Земля. И каждому из нас когда-то предстоит произнести: «Остановите Землю, я сойду».

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ
СТАРОГО РАЙОНА

Что только не пригрезится в вечернем, морозном воздухе, когда со всех сторон ворожат рождественско-новогодние огни! Вот и сололакские поникшие особнячки-старожилы распрямляются, как в стародавние времена. Исчезают со стен морщины трещин, обретает былое величие литье решеток и перил, преобразуются подъезды, которые некогда были воистину парадными. Того и гляди, подъедут к ним экипажи на дутых шинах, и важный швейцар торжественно распахнет массивную дверь... Вот, скажем, прямо у этого дома на углу улиц Леонидзе и Мачабели. В прошлом веке мы сказали бы: на углу Сололакской и Сергиевской. Именно в самом начале того века, а точнее, в 1900 году, так оно и происходило. Фамилия семейства, выгружавшего вещи, чтобы поселиться в доме (тогда он назывался просто: «дом инженера Мирзоева в Сололаках»), никому не была известна в Тифлисе. Разве что, только чиновникам местного отделения «Северного страхового общества», куда из Питера перевелся глава семьи. И была эта фамилия – Гумилевы. А самому младшему ее носителю Тифлис наворожил удивительные преобразования.

Что же заставило Степана Яковлевича, корабельного врача в отставке, служившего на военных судах, в том числе и на ставшем потом легендарным «Варяге», покинуть столичные места, чтобы столь резко изменить жизнь и оказаться в Грузии? Да, то, что извечно руководит поступками всех родителей, включая и нас с вами – забота о детях. У старшего сына, Димы, появились симптомы туберкулеза, и врачи посоветовали южный климат. Но оказалось, что еще больше Тифлис помог младшенькому – Коле, подарив этому «гадкому утенку» поистине волшебное преобразование. В ночь, когда он родился, свирепствует буря, и старая кронштадтская нянька предсказывает: «У Колечки будет бурная жизнь». Сегодня мы знаем, что так оно и случилось, но в детстве поэт ничто на это не указывало. Совсем наоборот. Мало того, что слабый, худенький ребенок мучается головными болями, доктора диагностируют еще и повышенную деятельность мозга, заявляют, что

ему пока рано заниматься в подготовительном классе. Мальчик быстро утомляется, любые внешние явления, в том числе и городской шум, ослабляют организм, доводя до глубокого сна. Колю забирают из гимназии, нанимают ему домашнего педагога. И впервые в его жизнь входит слово «Тифлис» - занимавшийся с ним студент физмата Багратий Газалов был из этого города. Правда, он не сумел привить мальчику любви к математике, но очень подружился с ним. И именно он увлек будущего путешественника зоологией, а, в особенности, географией.

Повзрослев, Гумилев напишет в стихотворении «Память» о том, каким был в те годы:

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака –
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, память, ты не съешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

Действительно, сегодня миру трудно представить столь слабым и болезненным участника смертельно опасных путешествий по Африке, дважды кавалера высшей боевой награды – Георгиевского креста, человека, в разгар чекистских репрессий, открыто заявлявшего: «Я – монархист». А, ведь, именно Тифлис открыл ему путь к этому – в доме на углу двух сололакских улиц исчезают и головные боли, и сонливость, и вата в ушах, а горные городские окрестности становятся местами, столь необходимыми юношеской романтике. Даже с учебной дела идут на лад. Почему «даже»? А

потому, что и по состоянию здоровья, и в силу своего характера, до переезда особых успехов за партой Николай не достиг. В петербургской гимназии Я.Гуревича его больше увлекали сражения оловянных солдатиков. Заглянем, хотя бы в воспоминания преподавателя немецкого языка Ф.Фидлера: «...Все учителя считали его лентяем. У меня он всегда получал одни только двойки и принадлежал к числу наименее симпатичных моих учеников». Всего же, в 4-м классе Коля нахватал двоек еще и по греческому, латинскому, французскому. Так что, педагогический совет постановляет оставить его на второй год. Но вновь в 4-й класс он идет уже в Тифлисе – во 2-ю мужскую гимназию. И не стоит удивляться, что при этом ему уже четырнадцать лет – гимназистом-то он стал в десять. В то время это было обычным делом, в гимназиях учились восемь лет, и отправлять за парту пятилетних малышей, как ныне, было попросту немислимо.

Кстати, именно в этом абзаце гумилевской странички нам придется сделать еще одну сноску – чтобы внести свою первую, чисто тбилисскую, лепту в исследование жизни поэта. А конкретно – вежливо поправить уважаемых профессионалов, ведущих эти исследования. Многие из них ссылаются на известного московского литературоведа и

издателя Евгения Степанова, сообщающего, что 2-я мужская гимназия находилась на Воронцовской набережной. Однако эта набережная перестала существовать за год до приезда Гумилевых, в 1899-м, превратившись в Великокняжескую улицу, где и учился наш герой. В красивом здании, через десятилетия вошедшем в историю города как Нахимовское училище, а сегодня принявшем Министерство образования. Но это – так, к слову, истины ради.

Конечно, та гимназия была хороша, ведь попечителем ее был сам Михаил Арамянц, успешный промышленник и великий меценат, именем которого тбилисцы и по сей день называют крупный больничный комплекс. И, все-таки, через полгода, отец переводит Колю в одно из лучших учебных заведений Российской империи – знаменитую Тифлисскую 1-ю мужскую гимназию на Головинском проспекте. Там, кстати, уже учился его брат. И что же? У Николая – ни одной двойки! Правда, натуру не изменишь – по всем языкам и прилежанию – тройки. Но зато по истории, географии и поведению – «отлично». Что ж, именно по последним трем из этих предметов его годами экзаменовала уже сама жизнь. И с теми же оценками!

Тем не менее, среди нарушителей гимназической дисциплины он однажды оказался – уже в 6-м классе. Запись в «Общем кондуите» от 9 мая 1903 года свидетельствует об ужасной провинности: «Был в театре без разрешения и в блузе». В графе «наказание»: «Оставлен на 2 часа в воскресенье». Вот, такие преступления и наказания... Что же касается столь не дававшегося Коле греческого языка, то переэкзаменовка по нему все же будет в 5-м классе. И, чтобы сдать ее, надо пройти через еще одно преображение – в самостоя-

тельного путешественника. Он впервые в жизни, в одиночку, совершит большую поездку – из имения Березки, купленного семейством в Рязанской губернии, в Грузию. Вообще же, именно после того, как Николай избавляется от этого «хвоста», фактически и начинается его самостоятельная жизнь. До приезда родителей он живет у гимназического друга Борцова. А друзья по юношеской учебе, да еще в таком городе, как Тифлис – предмет особого разговора. Они появляются у Гумилева в первые же полгода пребывания в лучшей гимназии Грузии. О некоторых из них история сохранила для нас лишь фамилии. О Борцове, например, известно только то, что он был одним из самых близких и в 1912 году приезжал к Гумилеву и Анне Ахматовой в гости, в петербургские меблированные комнаты «Белград». О Глубоковском – лишь то, что он впоследствии стал художником. А вот приглядеться к двум парам братьев – Кереселидзе и Легран – мы сможем.

Итак, Иванэ и Давид, сыновья штабс-генерала Георгия Кереселидзе, кстати, выпускника той же самой славной гимназии. Старшему из них дали имя в честь знаменитого деда – одного из основателей грузинского театра, публициста, издателя первого журнала «Цицхари». А еще позавидуем списку дедовских друзей: великий француз Александр Дюма, выдающийся грузинский поэт Александр Чавчавадзе и его дочь Нина – вдова Грибоедова, известный русский художник Григорий Гагарин, писавший и восстанавливавший фрески в церквях Грузии и оставивший интереснейшие ее зарисовки... Увы, сразу после столь блистательной семейной странички – совершенно иная, в черной окантовке. Иванэ Кереселидзе-младший – среди юнкеров, пытающихся остановить 11-ю Красную армию, вступившую в Грузию. И его расстреливают в Гори вместе с соратниками. Эхо этого расстрела отдается под Питером, где в тот же самый год перед палачами стал друг его юности Николай Гумилев. Младший брат Давид, тоже юнкер, чудом спасся, был арестован в 1937-м, выпущен и погиб в автомобильной катастрофе.

А вот заводила из второй пары братьев, дружившей в Тифлисе с Гумилевым, оказался в лагере тех, кто расстреливал. Биография Бориса Леграна обычна для «разрушителей старого мира». Еще в гимназии – увлечение политикой и вступление в РСДРП, офицерский чин, участие в октябрьском перевороте. Дальше – больше: комиссар Петроградского окружного суда и Судебной палаты, заместитель наркома военноморских дел РСФСР, один из организаторов обороны Царицына вместе со Сталиным, председатель Реввоен трибунала РСФСР, первый полпред РСФСР в Грузии, Армении и Азербайджане после их советизации... А свой бурный жизненный путь этот многогранный революционер заканчивает заместителем... директора Всесоюзной академии художеств, поработав до этого еще и директором Эрмитажа! И хотя жизнь раскидала его с Гумилевым по разным дорогам, судьба, все-таки, пусть и косвенно, сводит двух бывших гимназистов с Головинского проспекта. Будучи российским полпредом в Тифлисе, друг гумилевской юности Легран поддерживает оказавшегося здесь друга зрелого Гумилева – Осипа Мандельштама, подобрав ему непыльную работу – делать вырезки из газет. И в сентябре 1921-го именно Легран сообщил Осипу Эмильевичу, что Николай Степанович расстрелян.

Но, давайте отлистаем назад эти страшные страницы и вернемся в то время, где все это – еще впереди. А Давид, Иванэ, Борис и иже с ними – просто гимназисты, «пылкие, дикие», как называл их Николай, которому нравились в друзьях именно эти качества. Ну, а

Николай Гумилев

его самого Тифлис в очередной раз преобразует – во «второго» героя стихотворения «Память», которое мы уже начинали читать:

И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир.

Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Родители Николая Гумилева

Так, что же это за мир на «коврике под ногами» его, 15-17-летнего? Мир уже довольно самостоятельного человека, в чем-то уже определившегося, а в чем-то – продолжающего поиски со всей пылкостью юности. Хоть и немного, но, все-таки, серьезней относиться к учебе, он готовится с репетитором к экзаменам за 6-й класс, берет и уроки рисования, увлекается астрономией. Не может не сказаться и влияние «пылкого, дикого» вольнодумца Бори Леграна, который пытается приобщить друга к политике – Николай даже начинает изучать Карла Маркса, но очень быстро оказывается, что на «коврике под его ногами» нет места политике. Зато для поэзии – это уже огромный, расшитый всеми цветами ковер. Первые попытки рифмовать Коля сделал еще в 6 лет, сразу же, как научился читать и писать. Ахматова предлагает нам такой отрывок из «творчества» 6-летнего Гумилева: «Живала Ниагара/ Близ озера Дели,/ Любовью к Ниагаре/ Вожди все летели». Ясно, что здесь и речи не может быть о какой-либо художественной ценности, но поражает, что уже тогда Гумилева влекла экзотика заморских стран. Потом появились басни, а с 12-ти лет – тетрадка стихов, которая пополняется и в Тифлисе. Конечно же, в этом пополнении, да и не только в нем, много подражательного – сказывается влияние модного тогда Семена Надсона. Заглянем, хотя бы, в альбом одной из окружавших его девушек: «Когда же сердце устанет биться,/ Грудь наболевшая замрет?/ Когда ж покоем мне насладиться/ В сырой могиле придет черед?»

Согласимся, что строки эти далеки от тех, к которым мы привыкли у Гумилева. Но, ведь, это – возраст, самое начало пути. Да и написано для девичьих альбомов, которых, кстати, становилось все больше. Николай начинает посещать вечеринки, правда, танцами пренебрегает, но зато очаровывает изысканными манерами и необычной внешностью. Он ходит по улицам Тифлиса в той же войлочной шляпе и с тем же ружьем,

что и во время походов по городским окрестностям. Застенчивость же пытается скрыть надменностью. Так что, нам самое время заглянуть за «вывеску поэта». Там – очередное перерождение Николая. В печатающемся поэте. В дом на углу Сололакской и Сергиевской он приходит 8 сентября 1902 года, держа одну из самых читаемых газет – «Тифлисский листок». В ней – первое в его жизни опубликованное стихотворение «Я в лес бежал из городов...». Это, опять-таки, дань весьма востребованному тогда декадансу, трудно поверить, что 16-летний парень искренне пишет о себе:

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь,

Я страшный грешник, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал свой идеал...

И, все равно, это – первый шаг на печатные страницы, это – не только предмет юношеской гордости, но и окончательное определение жизненного пути. Хотя, наверное, он и сам еще не осознает, что повзрослел – перед его фамилией в газете стоит инициал не Н. (Нико-

С братом Дмитрием

лай), а К. (Коля). Отец вообще не одобряет эту публикацию, но окружающие девушки в восторге: перед ними – поэт. А Гумилев влюбляется в них напропалую, причем, отнюдь не в одну. А на то, чтобы очаровать тифлисских барышень, лишнее время не тратит – его мать вспоминает, что одно и то же стихотворение он писал в альбомы сразу двух девушек, имена которых, увы, неизвестны, время донесло до нас лишь фамилии – Воробьева и Л.Мартене. Впрочем, «прекрасные дамы» на это не обижались – с Воробьевой Гумилев переписывался и после отъезда в Царское Село и даже посылал ей стихи. Скорее всего, посвященные уже только ей. А потом в его жизни снова появляется фамилия Маркс.

Но это уже не бородатый автор «Капитала», а очаровательная гимназистка Машенька – безответная

Мария Маркс

любовь Николая. Если бы эта девушка ответила взаимностью, Гумилев вполне мог бы войти в театральный мир Грузии – вместе с теми, кому в Тбилисском государственном музее театра, музыки, кино и хореографии много лет была посвящена экспозиция, так и называвшаяся: «Уголок семьи Маркс». Дед Марии руководил русскими театральными труппами Тифлиса еще в середине XIX века. Отец, профессиональный актер, создал вместе со знаменитым промышленником и меценатом Исаем Питоевым Артистическое общество, в здании которого ныне Руставелевский театр, а потом стал финдиректором питоевской компании. При этом он был еще фармацевтом и владел одной из первых аптек в Тифлисе. А его сестра, Машиня тетя, вообще вышла замуж за Питоева, и среди добрых дел этой пары – дебют Федора Шаляпина на оперной сцене. Впрочем, из нашего сегодня, зная, какой успех имел у женщин уже женатый Гумилев, можно предположить, что у него вряд ли сложилось бы семейное счастье с Машей. И вряд ли клан Марксов-Питоевых простил бы ему измены...

Но, как известно, история не знает сослагательно-го наклонения. Мария Маркс вышла в Москве замуж, была и врачом на Первой мировой, и санитаркой, и актрисой, в память о своем тифлисском детстве назвала сына Ираклием. И осталась в поэзии не стихами (как говорят, хорошими), а тем, что была первой большой любовью Поэта. Большой настолько, что, уезжая навсегда из Грузии, Николай именно ей, 14-летней гимназистке, оставил свой рукописный сборник «Горы и ущелья». Даже литературоведы, считающие стихотворения этого альбома «подражательными и ходячими романтическими штампами», признают их «биографическую ценность». А мы заглянем на последнюю страницу сборника, там – посвящение М.М.М.:

Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
Затем, что меня ты не любишь,
Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебя я прошу
За то, что меня ты погубишь.

Что ж, М.М.М. – Мария Михайловна Маркс – никогда не забывала влюбленного в нее юного поэта и до конца жизни хранила этот альбом. Сейчас он – в Рукописном отделе Пушкинского дома. Кстати, в связи с «Горами и ущельями», интересно послушать мне-

ние известного исследователя творчества Гумилева Алексея Павловского. Он считает: этот сборник мог бы показать, что Гумилев-гимназист был не чужд и ноты гражданственности, так как именно в Тифлисе он прошел весь краткий период увлечения общественными интересами. И добавляет: «Возможно, вспышка интереса к социальности..., все же оставившая какой-то след в душе, была связана и с англо-бурской войной, развернувшейся именно тогда, когда гимназист тифлисской гимназии писал стихи в свой альбом». А мы с вами, дорогие читатели, полностью согласившись с этим, тем не менее, позволим себе и возразить уважаемому литературоведу.

Вот, что он утверждает: «Гумилев не мог не помнить проводов на англо-бурскую войну, виденных им в Тифлисе, когда ликующие толпы провожали князя Николая Багратиона-Мухранского, решившегося отправиться на поле сражения... Какой страстной и неизбывной завистью страдали тогда все гимназисты тифлисских гимназий, а в их числе и он тоже!.. Гумилев на всю жизнь запомнил и сцену проводов, и свое пылкое желание оказаться рядом с Багратионом-Мухранским». При всем почтении к памяти Алексея Павловского, нельзя не сказать, что... ничего этого не было, и быть не могло. Потому что светлейший князь Багратион-Мухранский, он же – легендарный Нико Бур, попал в плен 5 апреля 1900 года, в неравном сражении с англичанами у Бошофа. А мать Гумилева с сыновьями выехала в Тифлис лишь 11 августа того же года. Да и никаких ликующих толп не было. В Африку, причем, не в южную, а в восточную князь выехал из Франции, просто на сафари. А о начале англо-бурской войны узнал по дороге, в Александрии. И тут же отправился сражаться на стороне буров: «Мне показалось, что их страна очень похожа на мою родину, и я почувствовал, что должен защищать их». Вот такая вторая, чисто тбилисская, лепта из исследования гумилевоведов.

Ну, а сам Гумилев, независимо от того, что потом о нем будут писать, в 1903-м навсегда покинул зеленый Сололаки, став «третьим» в своей автобиографической «Памяти»:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

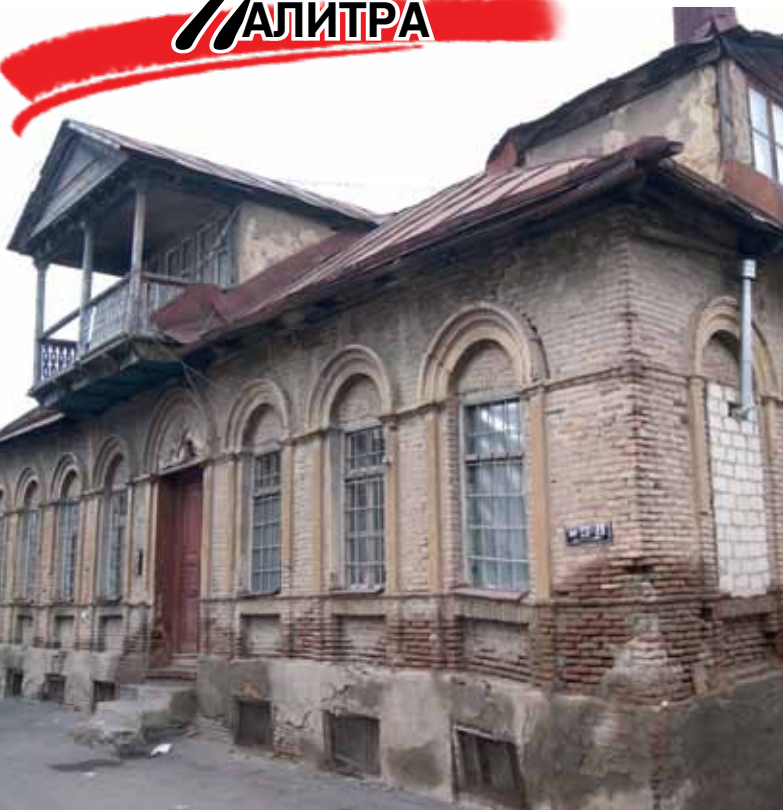
.....
Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Вот так, приняв болезненного мальчика, Тифлис проводил в большую жизнь мужчину. Все еще у него впереди – и Африка, и создание акмеизма, и строки, которые уже ни с кем не спутаешь. Но нота «пылкости и дикарства» из гимназических годов прозвучит еще не раз:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не отголосок ли это тифлисской зурны?

Владимир ГОЛОВИН

Дом Кондахсазовых

НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ТЕТРАДИ

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Не помню, как и когда родилась потребность заглянуть в прошлое, вспомнить людей, близких и не очень близких, но оставивших след в моей жизни. Я думал не о биографическом тексте. То, что ложилось на перо, это скорее яркие вспышки прошлого, воспоминаний о тех событиях, которые известны только мне. Тексты стали появляться один за другим, писались урывками, вразброс, и это в какой-то мере служит оправданием того, что они никак не скомпонованы. Я пишу о времени, в котором жил, о городе, частью которого я ощущал себя до последнего времени и который безвозвратно канул в прошлое. Нет, я вовсе не хочу сказать, что сегодняшний Тбилиси мне менее дорог. Просто он другой. Я же воскрешу страницы прошлого, давнего и недавнего, страницы, которые известны мне непонаслышке и глубоко запечатлены в моем сердце. Люди моего поколения всегда будут ощущать аромат того времени, когда город, как любвеобильный и радушный человек, раскрывал свои объятия всем своим гостям. То время ушло, я понимаю, что не следует жить с оглядкой в прошлое, надо получать радость не только от того, что нас окружает, но и от нашего отношения к окружающему.

Почему я начал писать? Может быть потому, что в последнее время все чаще думаю о том, что не далек день, когда отойду в мир иной, хотя, как говорил, кажется, Диоген, «пока мы живы смерти нет, а когда она приходит, нас уже нет». Так что будем жить столько, сколько нам отмерено. Но в первую очередь я стал писать потому, что не теряю надежду, что нашим внукам и правнукам будет интересно узнать, как жили

их предки, каковы были нравы и устои того времени, каков был уклад жизни. Но я обязан извиниться перед моими ближайшими друзьями, о которых я не смог написать. Почему их образы не «легли на перо»? Мы были так близки, так понимали друг друга, что известие о их смерти (я имею в виду прежде всего Шамира Тер-Минасяна, Мориса Тетродзе, Алика Сарчимелидзе) я ощущал как собственную смерть. А еще я хочу попросить прощения у моего дома, родового гнезда, возраст которого не менее двухсот лет. Его построили мои предки и, несмотря на самые трудные годы, на все политические и социальные катаклизмы сумели сохранить даже статус дома – частный особняк, и поддерживать его физическое состояние и первозданную красоту, восхищающую многих и многих гостей, для которых двери дома всегда были распахнуты. Не перечислить

Роберт Кондахсазов

всех, кто бывал в нашем доме, именитые гости или просто иногородние друзья нашей дочери. Частыми гостями были русские поэты, сотрудничавшие с журналом «Литературная Грузия» - Лев Озеров, Татьяна Бек, Ян Гольцман, Евгений Рейн, Михаил Синельников (он был не только гостем, он стал моим другом), Сергей Гандлевский, Владимир Леонович, Нина Габриэлян (с которой я и сегодня веду долгие беседы о литературе и живописи; кстати, Нина не только замечательный поэт, но и не менее замечательный художник), Лариса Фоменко (с которой можно говорить на любые темы, настолько глубоки ее познания во всем), Семен Заславский и многие, многие другие...

Но чтоб дом не старел и не ветшал, его надо было поддерживать. Отцу моему это удавалось, мне, к сожалению, - нет, по разным причинам и прежде всего в силу своего характера, что вовсе не оправдывает меня. А потом пришлось и вовсе расстаться с ним. Прости меня, мой старый, мой любимый дом, прости меня и мои предки – я уже не смогу посетить ваши могилы...

ВСЕ ЭТО БЫЛО...

Отец рассказывал мне, как был поражен дед, когда впервые услышал патефон. А ведь он был далеко не отсталым человеком, ездил по торговым делам за границу. В Варшаве он впервые попробовал кофе с молоком, ему понравилось, и он решил внедрить это

новшество у нас в семье. В те годы кофе был не столь популярен, как сегодня, пили, в основном, чай, как правило, с вареньем.

Итак, патефон, радио, телефон, магнитофон, телевидение, авиация, космонавтика, компьютер, интернет... Все это появилось в жизни одного поколения. А ведь были еще и социальные катаклизмы...

Родился я в печально известном тридцать седьмом году. Репрессии, аресты, облавы, выселения людей, война, которая коснулась каждого. А потом наступил 1953 год, умер Сталин. И даже мы, дети не представляли, как все будет жить, как будет жить страна без вождя. Мы так привыкли к таким именам как Ленин, Сталин, они казались нам небожителями. А далее оказалось, что вождь может быть невежественным негодяем, диктатором и преступником. Стало быть,

необычного, это обычная жизнь обыкновенных людей, занятых своими повседневными делами. Это – рождение, изгнание, предательство, успение, пасха, вербное воскресенье и т. д. Персонажи в одинаковой одежде – нечто похожее на хитоны, они безлики, тем самым они лишены индивидуальности, они скорее знаки, они похожи на марионеток, и потому все происходящее напоминает средневековые мистерии, вертеп. Работа над этой серией в конце восьмидесятых годов прекратилась так же внезапно, как и началась. С середины девяностых годов стали появляться черно-белые картины. Изначально они не были задуманы как черно-белые. Я начинал писать цветом, а когда работа завершалась, картина оказывалась черно-белой, в процессе работы цвет постепенно из нее изгонялся. Значит, он мне мешал следовать своей задаче. Я не пытался про-

Р.Кондахазов. Из библейского цикла

и вся система может быть преступной и лживой. Из фундамента системы был изъят краеугольный камень. Дальше, как говорят шахматисты, все покатилось форсированным вариантом. Перестройка, развал страны, победа «демократии» с помощью танков, стреляющих по собственному парламенту, победа ценой унижений и потери чувства собственного достоинства перед мировым сообществом и, наконец, осознание того, насколько низко мы пали. Я пишу об этом как рядовой гражданин, не мое дело давать оценки историческим процессам. Я просто перечислил те фундаментальные проблемы научно-технического и социально-политического характера, которые произошли в течение жизни только одного моего поколения. Все это не прошло бесследно.

БИБЛЕЙСКИЙ ЦИКЛ

В восьмидесятых годах я написал серию небольших картин на библейские сюжеты. Работа шла стихийно, спонтанно, неосознанно.

Шла легко и быстро, потому что я не был обременен сомнениями, которые стали появляться позже. Когда недавно пересмотрел эти работы с позиции моих теперешних представлений, то оказалось, что концептуально они устраивают меня. Действие происходит в старом районе дорогого мне города, правда, в не-много отчужденной, но привычной и узнаваемой обстановке, там не происходит ничего неестественного и

тивиться этому, к тому времени был уже твердо уверен, что надо следовать за кистью, а не за здравым смыслом, потому что только кисть способна вывести художника на дорогу к земле обетованной. Я, конечно, не противился своему подсознанию, но все же время от времени задумывался над тем, что происходит.

Первое, о чем я подумал, это то, что существуют ведь художники, которые жаждут поделиться со зрителем своими впечатлениями, своими чувствами. Мне это совершенно не было нужно, я всегда считал, что художник должен постигать этот мир, а не делиться впечатлениями о нем, причем, что самое важное, он должен постигать видимый мир, трактуя его пластическими средствами, тем самым изначально отвергая все литературные домыслы.

А цвет – категория эмоциональная, и в большей степени, чем форма, может увести живопись в дебри подражания и тем самым лишить ее метафизической сущности. Но была еще одна проблема. Когда я написал картины на сюжеты Ветхого и Нового заветов, меня стала интересовать та эстетика, на смену которой пришла эстетика христианства. Существовала античность с культом тела и земных радостей, с битвами богов и людей, с битвами полубогов и полулюдей. Родилась эстетика такой силы и значимости, которая не могла допустить проявления внутри себя даже минимальной индивидуальности творца. Сложился канон не менее значительный и жесткий, чем канон в искусстве Египта.

Только канон позволяет создавать исключительно шедевры. Шедевры, лишённые любых признаков индивидуальности их авторов. Сотни ваятелей работают в Акрополе, создают скульптуры для фронтонов храмов, работают над созданием Пергамского алтаря. Нигде ни одну фигуру невозможно отличить от другой по признакам хоть незначительно отличающих одну от другой и по качеству, и по своеобразной манере ваятеля.

Индивидуальность автора появляется только в эпоху Возрождения. Отказ от индивидуальности персонажей мне надо было довести до конца. Но этому мешал цвет, он придавал некую минимальную, но все же индивидуальность и персонажам, и деталям архитектуры.

Я представил себе свои прежние картины почти черно-белыми и большого формата; чтобы лишить их станковости, я увидел их как фрагменты фресок, как (простите за высокопарность) фрагменты бытия. У меня перехватило дыхание – ведь это работа на всю оставшуюся жизнь, наконец-то можно написать картины, которыми можно будет гордиться. Я испугался, что не успею их написать – я чувствовал тогда себя довольно скверно. Но не мог допустить, чтобы такая идея, не буду скромным – такое откровение, просто пропало. Я позвонил своему близкому другу в Москву и подробно рассказал о том, что собираюсь сделать. Он слушал меня рассеянно, я чувствовал, что он думает не о том, что я рассказываю, а о том, что со мной происходит. Я понял, что это истерика. Этого вообще не следовало делать. Мой друг, замечательный художник, но обладатель совершенно иных представлений и о живописи, и об искусстве вообще. Но он умный и тонкий человек. Наверное, я просто испугался того, что муза повернулась ко мне лицом, и я хотел убежать от нее.

Тем не менее, я написал несколько картин. На большее у меня не хватило сил. Наверное потому, что еще в момент озарения было выброшено огромное количество энергии, оставшейся хватило только на несколько картин. Нравятся ли мне они, я не знаю, я уже давно сужу о своих картинах не по тому, как они выглядят, а по тому, как, глядя на них, я себя чувствую. Некоторые картины отпускают художника. Эти картины пока меня не отпустили.

ПИРОСМАНИ

Гете считал, что вначале мы пишем просто и плохо, потом мы пишем сложно и плохо, затем – сложно и хорошо и только под конец мы пишем просто и хорошо. Мудро и точно! Точно по отношению ко всем художникам. И только один художник не укладывается

в эту схему – это Нико Пиросманашвили. Как человек он появился на свет в кахетинской деревне, у него есть биография. А как художник он возник ниоткуда. Его первая картина и последняя ничем не отличаются. В его творчестве нет никакого развития, нет никаких изменений – он изначально гениален! Он пишет просто и хорошо всегда. У его картин нет хронологии, ее можно установить только по фактам биографии. Но она скудна и может быть не точна, романтизирована и даже мифологизирована. Известно, что он много пил. Но он пил не много, он просто пил, потому что зачастую платили ему за картину тарелкой супа и бутылкой вина. Может быть это и правда, но это не интересно. Это интересно и завораживает тех, кто думает, что с помощью вина, не написав ни одной картины, они могут быть зачислены в богему и оказаться в компании гениев, потому что пили и Пиросмани, и Галактион Табидзе, и Модильяни... Но ведь они создавали шедевры, и вся правда о них не в байках, а в том наследии, которое они нам оставили. Что больше всего поражает в картинах Пиросмани, так это полностью сложившийся стиль, вернее, полное отсутствие стиля. Его картины настолько просты и мудры, что слово «стиль» совсем не к месту, оно становится вычурным по отношению к картинам Пиросмани. Некоторые искусствоведы утверждают, что он что-то хотел выразить в той или иной картине. Ничего выразить он не хотел, он просто рисовал, рисовал то, что хотел, чаще то, о чем его просили, а если он и хотел что-то выразить, то выражал он самого себя, потому что картина – просто по определению – это автопортрет художника, что бы на ней ни было изображено. Он мог нарисовать все, потому что для него не существовало проблемы, как нарисовать, потому что это «как рисовать» родилось вместе с ним – это была данность, дарованная Богом, и Бог же водил его рукой. Наверное потому его картины, изображающие кутеж, так похожи на тайную вечерю. Достаточно взглянуть на разложенную на столе еду. Какое напряжение и сдержанность в позах персонажей, какое в них достоинство! Это чувство достоинства самого Нико Пиросманашвили. Он его никогда не терял, даже когда писал картину за тарелку супа и бутылку вина.

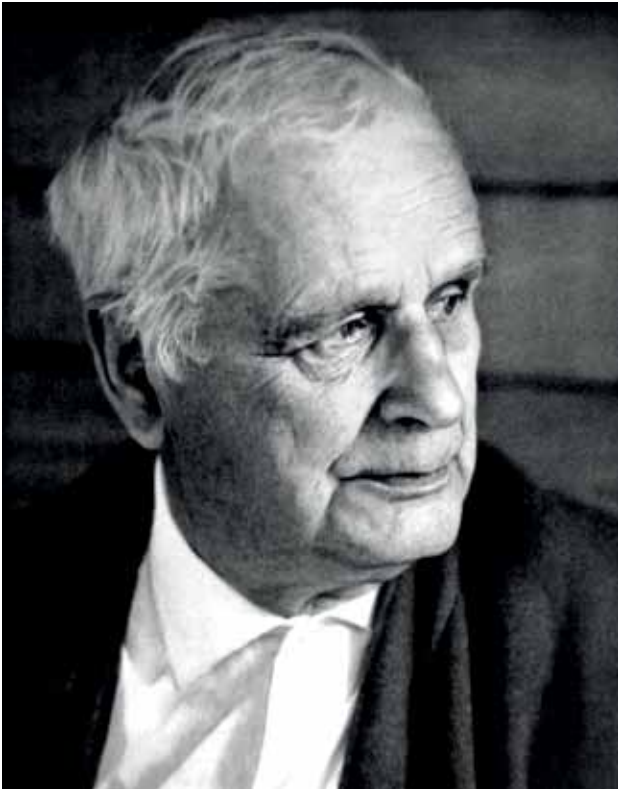
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУХАЕВ

В воспоминаниях о годах, проведенных в Тбилисской академии художеств, я намеренно не называл имена своих педагогов (их было много), дабы не забыть кого-либо и невольно не обидеть их. Многих нет уже в живых, светлая им память. Но одно имя я не вправе не вспомнить, потому что в то время он был как бы человеком из другого мира, и общение с ним для меня и моего друга Шамира было выходом в совсем другое измерение. Я говорю о Василии Ивановиче Шухаеве.

Несколько слов о его внешности. Высокий, уже несколько сутулый (возраст), седые волосы аккуратно зачесаны на пробор, красивое породистое лицо, всегда безупречно одет, без галстука его в академии никто не видел, пиджак красивого золотистого цвета безупречного покроя (явно не отечественного производства и даже не стран социалистического содружества). Он носил черный берет и белые лайковые перчатки, ходил с тростью. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть в этом человеке художника. Наше с Шамиром более тесное общение с ним было обусловлено до некоторой степени тем, что у нас было русское образование, общение с нами для него не составляло никакого труда.

Надо отметить, что педагогический состав академии в те годы прекрасно владел русским языком, чего нельзя было сказать о студентах. Какая-то симпатия к нам возникла у него, вероятно, и потому, что он чувствовал наше в высшей степени уважительное отношение к нему и к каждому слову, которое он произ-

Василий Шухаев

носил. Он преподавал в академии только рисунок, но, зная кое-что из его жизни и биографии, мы приставали к нему с вопросами о живописи и вообще по всем вопросам теоретического характера, которые нас интересовали. Помню, когда я учился на первом курсе, мне подарили книгу о Куинджи. Среди русских художников он считался хорошим колористом. В книге был описан такой случай. Куинджи пришел в гости в мастерскую Крамского, который писал портрет мужчины в военной форме. Портрет был готов, но Крамской был недоволен тем, как написаны эполеты. Они выглядели тускло и скучно. И вот к картине подошел Куинджи, взял кисть, нашел дополнительный цвет, и все в картине изменилось. Блеск эполет придал картине живость и привлекательность. Я был удивлен, более того, даже потрясен тем, что, оказывается, в живописи существует некий дополнительный цвет, который является просто волшебным средством, а я о нем ничего не знаю. Наутро я чуть ли не первым прибежал в академию, стал приставать ко всем педагогам подряд, но никто не смог удовлетворить мое любопытство, они просто не знали, что это такое. Знал это Василий Иванович Шухаев.

Как известно, Шухаев прожил в Париже пятнадцать лет. Это начало XX века, самый интересный период в жизни французских художников и вообще в истории искусства, это было время, когда зарождались самые интересные течения и направления в искусстве, время зарождения модернизма и всего самого радикального, революционного и передового в искусстве. В это же время в Париже жили или часто наезжали туда самые выдающиеся представители русской культуры и русской эмиграции. Это время популярности знаменитого кафе «Ротонда», где собирались самые известные и неординарные личности парижской богемы и русской эмиграции. Василий Иванович был близко знаком со многими, начиная с Пикассо и кончая Модильяни, особые близкие отношения у него были с Шаляпиным, Нейгаузом, Маяковским, Эренбургом...

И вот после этой интересной и захватывающей атмосферы он оказывается в ссылке в Магадане на це-

рых двадцать пять лет. Он полностью отбыл свой срок в ссылке, после освобождения ему не разрешалось жить в таких городах как Москва и Ленинград, и он оказался в Тбилиси. Я не спрашивал его о причинах столь резкого изменения судьбы, это было бы крайне бестактно, да он и сам не хотел говорить на эту тему, но однажды, разговорившись, он назвал виновника своих бед, но я не буду его называть. Человек он был очень известный, его уже нет в живых, да и очень нам полюбилось в последнее время поливать знаменитостей грязью. Я не думаю, что это делает честь нашей стране. Пусть Бог будет ему судьей. А пока я хочу со слов Василия Ивановича рассказать историю, которая произошла с ним в самые первые дни пребывания в Париже. «Я в Париже. Мне не терпится скорее выйти на улицу, чтобы сделать этюд какого-нибудь уголка этого удивительного города. Я взял все необходимое, этюдник, мольберт и вышел на улицу. Как только я вышел, меня заметил полицейский и пошел за мной. Он явно преследовал меня, потому что я петлял по улицам в поисках подходящего мотива и по несколько раз оказывался на одном и том же месте, я никак не мог от него избавиться. Мне эта игра надоела, я про себя подумал, что ничего плохого не делаю и не собираюсь делать, мотив для этюда я уже выбрал, разложил свои инструменты и приступил к работе. Оглянувшись, я заметил, что полицейский остановился в шагах десяти–пятнадцати от меня и молча стоит. Я увлекся работой, а когда оглянулся, увидел такую картину: мой полицейский сдерживал слишком активных зевак и не подпускал их близко ко мне, чтобы они не мешали мне. Все время пока я работал, он стоял за мной, охраняя меня. Когда я закончил работу, он незаметно исчез. Вот такой культ художника в те годы был в Париже. А может быть мой полицейский просто очень любил живопись и мечтал когда-нибудь стать художником. Этот случай глубоко тронул меня, я запомнил его на всю жизнь, наверное, потому, что я зримо ощутил, что нахожусь в Париже».

Не трудно представить себе, какой интерес вызывал Василий Иванович у нас, студентов. Ведь он был живым свидетелем и участником событий, которые можно без преувеличения назвать историческими. Сколько интересного он рассказывал! Как я сегодня сожалею, что не записывал рассказы Василия Ивановича! Все надо делать в свое время. Но вместе с тем, по прошествии времени легче делать обобщения и трезво оценить происшедшее. Например, мне вспоминается, что, рассказывая о своих встречах с представителями парижской богемы, он мало рассказывал о художниках, а больше о представителях артистического мира, о поэтах, певцах, музыкантах. Я только сегодня догадываюсь, чем это можно объяснить. По своему творческому кредо, по манере письма он резко отличался от эстетики авангардизма. Тут я считаю возможным вспомнить статью И. Грабаря 1924 года «Искусство русской эмиграции», где он писал о том, что наиболее сильное ядро парижской группы составляют художники «Мира искусства» Яковлев, Шухаев, Григорьев и Сорин. Причем И. Грабарь считал, что по своему «художническому складу» Шухаев очень близок к Яковлеву духом жесткого сурового рисунка. Возвращаясь к Василию Ивановичу, отмечу, что он был ярко выраженным академистом, прошедшим прекрасную школу обучения в Петербурге. Надо сказать, что академическим рисунком он владел в совершенстве.

Припоминаю такой случай. Ничего дурного не подозревая, я спросил его, как он относится к Маяковскому. Он почему-то смешался, что-то буркнул про себя и быстро удалился. Я, конечно, ничего не понял, с чего он вдруг обиделся? Прошло два дня. Дома я, не помню уже почему, раскрыл один из томов Маяковского, и напоролся на его статью о большой выставке художников в Париже. Сразу бросилась в глаза фамилия Шухаева.

Не помню фразу дословно, но эти слова запомнились: «А это кто? Ну, конечно, Шухаев – академическая баба». Мне все стало понятно, и в дальнейших наших беседах я уже и не упоминал Маяковского.

Я все не могу понять, что нас так притягивало к этому человеку. Ведь его эстетические взгляды и пристрастия никак нас не устраивали. Помню, однажды я поинтересовался у него, как он относится к Эль Греко. Он сказал мне буквально следующее, я привожу его слова дословно: «Эль Греко очень плохо рисует и очень плохо живописует». На мой естественный вопрос, кто же ему нравится, он ответил, что малые голландцы. Возразить здесь нечего. Характер у Василия Ивановича был непредсказуемый и парадоксальный. Он мог быть резким и саркастичным и одновременно добрым и демократичным. Временами он был высокомерен, мог, к примеру, обращаясь к студентам, сказать: «Если вы слышали, был такой великий русский писатель граф Лев Николаевич Толстой», или мимоходом бросить вслед не очень хорошему, но очень самоуверенному педагогу, который считал, что мы, студенты, должны рисовать так, как рисовал в молодости он сам: «Все

В.Шухаев. Французский пейзаж

равно рисовать вы так и не научились». Но был и такой случай. В перерыве между сеансами натурщица встала, чтобы размяться. Я воспользовался тем, что ложе освободилось (я был очень уставшим), прилег на тахту и незаметно для себя задремал. Проснулся оттого, что почувствовал, что кто-то присел рядом. Подумав, что вернулась натурщица, я открыл глаза и увидел сидящего рядом Шухаева. Я попытался вскочить, но Шухаев, легонько толкнув меня в грудь, сказал: «Отдыхайте, отдыхайте» и завел со мной беседу о годах, проведенных в Париже. Я взмолился: «Василий Иванович, позвольте мне встать, мне неловко и ничего не лезет в голову». Он рассмеялся, встал и ушел. Так я и не дослушал его рассказ, о чем сегодня очень сожалею.

Несколько слов о том, как Василий Иванович преподавал рисование. Подойдя к работе студента, он не давал ей оценку и не делал замечаний, он садился за рисунок и показывал, как это надо сделать. При этом он обязательно отворачивал рукав своего роскошного пиджака, чтобы не запачкать его о рисунок. Рисую, он приговаривал, что это тень, а это свет, это блик, а это

падающая тень. После его вмешательства рисунок выглядел прекрасно и очень просто. Каждый раз нам казалось, что и мы так можем. Но мы не умели рисовать просто, мы упорно пытались дотянуться правой рукой до левого уха.

Шло время, а меня все мучил вопрос, почему мне так нравились картины Василия Ивановича, ведь они не укладывались в тогдашние мои представления о хорошей живописи. И только с годами я понял, что важно, чтоб работа была хорошо сделана. А коли это так, то и академизм может быть талантливым. Потом я побывал на двух больших персональных выставках Шухаева – в Тбилиси и в Москве на Кузнецком мосту. На одной из них был представлен написанный совместно двойной автопортрет Яковлева и Шухаева в костюмах Пьеро и Арлекина. Было полное ощущение того, что это предел мастерства, и что эти два художника решили потягаться с великими мастерами прошлого. Это было дерзко и смело и свидетельствовало о том, что художническая отвага присуща не только авангардистам. В те годы, когда мы учились, была очень популярна идея о том, что академия губит таланты. Я поинтересовался у Шухаева, что он думает по этому поводу. Вот его дословный ответ: «Грош цена таланту, который может погубить какая-то академия». Вот так! Возразить что-либо трудно. И все же одну, на мой взгляд, важную черту его творчества, которая объясняет мое и не только мое двойственное отношение к его наследию, я отгадал. Произшло это относительно недавно.

В Москве в одном из залов Музея частных коллекций я увидел две работы Шухаева, кажется, из коллекции Святослава Рихтера. Я долго и внимательно рассматривал их. Одна работа – шедевр, другая посредственная. На первой был изображен французский пейзаж – темно-коричневая гора выростала с совершенно ровной равнины и занимала почти все пространство холста, а на самой вершине горы на ровном плато были расположены маленькие домики. Картина, ее композиция, ее суровая простота производили сильное впечатление. Рядом висела вторая картина – поколенный портрет седовласой женщины с короткой стрижкой. Портрет был написан тщательно и добротнo, предельно реалистично, не была упущена ни одна бородавка (мне помнится, Василий Иванович очень ценил картину Гирландайо, изображающую дедушку с внуком; дедушка был изображен с большим бугристым носом). Одним словом, реализм без желания хоть что-то изменить в картине во имя эстетики. Я вспомнил большинство картин Шухаева, и мне все стало ясно. Он был крайне объективным художником, писал только то, что видели его глаза. Так вот, если мотив или портрет, или же натюрморт были интересными и выразительными в натуре, тогда получался шедевр. В противном случае все выглядело заурядно.

Скончался он тихо, хоронили его скромно. Говорили, что вдова предлагала его картины друзьям и знакомым, их было много, и она не могла смотреть за ними, но никто особенно не рвался стать обладателем картины Шухаева. В те годы, о которых я рассказываю, чтоб обругать или оскорбить художника, нужно было приравнять его к Шишкину или Айвазовскому. Но времена меняются, и сегодня работы Шишкина или Айвазовского на аукционах Сотбис или Кристи стоят дороже, чем русская икона XV века. Но что мне особенно приятно, что и работы Шухаева сегодня на этих аукционах продаются за достаточно высокую цену. Я безмерно рад за моего любимого наставника.

А может там, на небесах, он уже знает, что сегодня его помнят и чтят, что его картины висят в Третьяковской галерее.

Роберт КОНДАХСАЗОВ

Сцена из спектакля «Последние»

ОДЕССКИЕ КАНИКУЛЫ АРКАДИЯ ПАЛЫЧА

Кадр из фильма «Остров погибших кораблей»

Впервые я встретил Аркадия Шалолошвили в 1980 году, в Грузии. В тот раз толком не успели с ним сблизиться: мы (почти буквально) разминулись с ним. Я приехал (вернулся) в один из своих любимых городов, в Тбилиси, где я прожил до этого несколько счастливых лет, в театр, где работали мои друзья и однокурсники, в котором и я когда-то, до института, работал бутафором и рабочим сцены... Аркадий к тому времени собирался уходить из театра. Тбилисская русская драма (во всяком случае, та ее часть, с которой – старыми дружбами – был связан я) была в печали: для театра это была ощутимая потеря. Аркадий был яркой – без преувеличения – крупной (под метр девяносто) и обаятельной бородатой личностью; я не слышал ни тогда, ни потом, когда его уже не было в театре, чтобы кто-то о нем плохо отзывался, его любили все. Он был организатором и душой всех импровизированных ночных – послеспектакльных – посиделок с непременноми соответствующими напитками и с длинными тостами (тут надо отметить, что, несмотря на фамилию, грузином он был относительным: происходил он из очень небедной одесской еврейской семьи, и грузинского языка не знал, тем не менее, к длинным тостам и прочим местным застольным традициям относился с предельным уважением, и даже – трепетно). С женщинами он был галантен, с коллегами своими, актерами, он был мягок, добр, и, даже с близкими друзьями, с такими, как актеры Волик Грузец, Валера Харютченко, нежен. И не дай, было, бог, если кто-то со стороны – на улице ли, в ресторане – скажет что-то неласковое кому-либо из его друзей, или не так посмотрит на женщину, находящуюся в их компании: он тут же устраивал... не драку, нет... скорее, это можно было назвать побоищем, избиением. Вот тут-то и была аркашина собака зарыта... Добрый и sentimentalный с друзьями, он мгновенно преобразался, приходил в ярость и готов был разорвать (и разрывал) в клочья любого «чужого», обидевшего (как представлялось ему) кого-то из «своих».

Этой чертой чрезмерно темпераментного характе-

ра и объяснялась – в значительной мере – его «тифлисская ссылка».

Знаменитый ЛГИТМиК (Ленинградский институт театра музыки и кино, нынешняя Академия театрального искусства) Аркадий окончил чудом. Нет, то, что это был человек одаренный, талантливый – сомнений ни у кого не вызывало, и с его колоритнейшей фактурой он украсил бы любую питерскую или московскую труппу. Проблема была не в этом. Аркадий был драчуном. Несколько раз его выгоняли за драки из института, но потом принимали обратно, в результате, диплом он, все-таки, получил. Многие из его друзей объясняли – и объясняют – его вспыльчивость тем, что он, мол, не терпел хамства. Это было действительно так, только, если быть беспристрастным (а в случае с Аркадием, пожалуй, невозможно), то можно было бы и признать, что часто до хамства, как такового, дело и не доходило: достаточно было одного «косого», не приветливого взгляда, неправильно истолкованного слова, жеста и т.д., и все – дальше уже ни у объекта праведного аркашиного гнева, ни у окружающих, не было времени на то, чтобы сообразить – а было ли оно, это самое хамство, или что-либо другое в этом роде... Была мгновенная, вулканобразная реакция Аркадия, сломанные носы, челюсти, милиция, и – как ни обаятелен и популярен был Аркадий, как он ни был любим своими педагогами (а среди них были люди с очень громкими именами) – далеко не всегда удавалось отделываться выговорами и штрафами, дело доходило до суда... Позже об этом периоде его жизни мне много рассказывала моя добрая

После премьеры

знакомая по Москве и Парижу Нина Забродина, учившаяся вместе с Аркадием в ЛГИТМиКе и прожившая с ним несколько лет в гражданском браке (красавица Нина вообще много чего интересного могла бы рассказать об обеих столицах той поры, точнее – о юных годах наших кумиров, как, например, о своем коротком, но ярком романе с еще никому неизвестным, бродящим с гитарой по общагам и «квартирникам» Москвы, Высоцким, которого она позже встретила уже в Театре на Таганке, куда ее после института пригласил Любимов, но это – уже другая история...). Нина признавала с печалью, что нахамить-то, как раз, тот и сам был мастер, когда ему был нужен повод для драки. То есть он часто искал ссоры на пустом месте. А если уж хамство в действительности имело место, то тут реакция Аркадия была, как говорят юристы, неадекватной, с избиением и унижением нахамившего.

Так, за драку, он и получил свой первый срок – три года. Но, благодаря (официально) «примерному поведению», а не очень официально – стараниям друзей и хлопотам питерской театральной общественности (да и не только питерской: за него просили и Ролан Быков, и Михаил Ульянов) во главе с Кириллом Лавровым, Аркадий отсидел только половину срока...

Но жизнь его в Питере не складывалась. Женщины рядом с ним были красивые (одной из его жен была известная телеведущая Валентина Печерникова), но долго этого никто выносить не мог. С пропиской после отсидки были проблемы, а без нее устроиться на работу в каком-либо из столичных театров было невозможно. Выручили опять старые товарищи, лгитмиковцы... Сандро Товстоногов, сын знаменитого руководителя БДТ, в недавнем прошлом соратник и спутник Аркадия по «прожиганию жизни» в лгитмиковской юности (Сандро, сыгравшего «Князя» в «Республике ШКИД», тогда узнавали во всех ресторанах Питера), пытаясь вырваться из-под отцовского «недреманного ока», поставил несколько удачных спектаклей («Прощание в июне» и «Три мушкетера») в Москве, и, в поисках еще большей независимости, приехал в Грузию, в русский драматический театр им. Грибоедова. Он-то и позвал к себе, в Тбилиси, безрезультатно стучавшегося в двери столичных театров Аркадия. И все, казалось, шло – у обоих, у режиссера и у актера – замечательно. Сандро уже поставил несколько покоривших тбилисцев спектаклей и готовил к выпуску новый – яркий, праздничный шекспировский «Сон в летнюю ночь», в актерский ансамбль которого прекрасно вписался Аркадий – царь эльфов, Оберон, но тут... Но тут Сандро,

получивший всяческие грузинские звания и окрыленный своими удачными премьерами, решил вернуться в Москву. Без него очень быстро затосковал в Тифлисе и Аркадий... Работы себе по плечу с новым главрежем, грузином, он не видел и принялся за «привычное дело свое» (по правде, он это дело свое никогда и не прерывал, просто, пока был Сандро, он старался «держаться в рамках», соблюдая заключенный между ними джентльменский договор) – количество застолий значительно перевешивало количество премьерных спектаклей, а уж «не так посмотревших» на твою девушку в тбилисских ресторанах долго искать не приходилось... Случались, однако, и конфузы. Так, выйдя однажды из театра, где актеры, отмечая в гримерке чей-то день рождения, засиделись допоздна, они наткнулись на группу крепких молодых людей, неодобрительно, как показалось Аркадию, взглянувших на не очень трезвых, громко разговаривающих и смеющихся на ночной площади актрис. «Спортсмены?» – деловито спросил Аркадий молодых людей. Получив утвердительный от-

Кадр из фильма «Каникулы Петрова и Васечкина»

вет, он объявил им: «Сейчас я вас буду бить». Но не успел он сделать движение в их сторону, как оказался на асфальте. Это были и в самом деле спортсмены – члены сборной Грузии по вольной борьбе. Но, во-первых, повторяю, такие казусы были, крайне редки, а во-вторых, они только раззадоривали Аркадия, еще яростнее начинавшего искать повод для новой драки, чтобы как можно скорее «взять реванш».

Он вернулся в Питер. На этот раз ему протянул руку другой товарищ по ЛГИТМиКу – Ефим Падве, в то время возглавлявший Малый драматический театр. Аркадий репетирует главную роль в новой работе театра «Закон вечности», начинает активно сниматься в кино. И опять приходится и Ефиму Падве, и Лаврову, и другим покровителям Аркадия постоянно «вытаскивать» его из очередных криминально-хулиганских историй: то в ресторане «Балтийский», где он отдыхает в обществе М.Боярского, Н.Михалкова и Н.Фатеевой, он вступает в драку с телохранителями питерского авторитета, которому захотелось вдруг, чтобы Боярский немедленно спел ему про «зеленоглазое такси», то, находясь на съемках в Одессе, он избивает нескольких здоровяков, невежливо обратившихся к его старому товарищу по тому же ЛГИТМиКу Леше Шейнину...

Но, когда, на одной из репетиций в театре, он сломал помощнику режиссера (тот, как потом рассказывали свидетели, грубо отозвался о В.Высоцком) челюсть, от суда «отвертеться» не удалось. И какие Лавров с Ульяновым не писали бумаги в различные инстанции, как Падве не объяснял ленинградским властям, что без Аркадия – Бачаны Рамишвили, коммуниста, главного героя «Закона вечности» Н.Думбадзе (только что за этот роман получившего Ленинскую премию), готовящаяся к очередному партсъезду премьера невозможна, все было бесполезно. Аркадий получил новый срок. И опять вышел досрочно. С работой в театре не ладится, спасает кино. Надо сказать, что из 18 его киноролей, главных-то, по сути, и не было: все это были роли второго (если не третьего) плана. И тем не менее, его яркая колоритная фигура запоминалась. Узнавать на улице его стали после выхода фильма «Каникулы Петрова и Васечкина». Чабан, роль которого он сыграл в этом фильме, обаял всех – и детей, и взрослых. Он, как бы прощупывал почву в кино, примеривался к своему фильму (можно было бы сказать, пользуясь клише профессиональных кинокритиков: «он, как бы, готовился к своей главной роли, которая – чувствовалось – уже не за горами», если бы не знать, что свою главную роль он сыграл. Но – не в кино. И, к сожалению, не в театре...). Замечательно сыграл он в фильме Бортко «Единойды солгав» (1987). Без его немногословного врача-психиатра Городкова фильм был бы другим. В этом же году он снимается и в «Острове погибших кораблей». Вообще, 87-й год был у него, как позже выяснится, насыщенный...

Именно тем летом наши дороги и пересеклись вновь, на этот раз – в Одессе.

Я сидел целыми днями в номере гостиницы для творческих работников на улице 1905 года (все называли ее по-старому – Тираспольской) и дописывал последние номера для мюзикла «Мафиози», премьерой которого через два месяца должен был открываться сезон в Одесской музкомедии... Дописав что-то или внеся поправки в уже написанное, я бежал в театр: все было уже, в принципе, готово, уже были расписаны партии для оркестра и вокалистов, но... но – надо было знать Юлия Гриншпуна, худрука театра: ему все время чего-то не хватало... какого-нибудь очередного «главного» номера... Там, в театре, в кабинете у Юлия Изакиныча – у Юлика, как его называли друзья, – я и обнаружил Аркадия.

Был июль, формально труппа была в отпуске, а на сцене хозяйничали «гости» - Московский театр Станиславского, возглавляемый моим педагогом по тбилисскому театральному институту А.Товстоноговым. Судьба свела старых друзей-лгитмиковцев Юлика и Сандрика (у обоих, ко всему, и отцы – известные питерские театральные режиссеры и педагоги). На встречу с ними и пришел в театр еще один товарищ их веселой студенческой юности – приехавший из Питера домой, к родителям, Аркадий. Эта первая одесская наша встреча с ним была недолгой: мы коротко вспомнили Тбилиси, наш с ним «разъезд» (практически, я «принял» у него его гримерный столик). Потом мы еще раз встретились, уже без «художественного руководства» - только актеры: я, Аркадий и Волик Грузец, близкий друг Аркадия по Тбилиси, незадолго до этого приглашенный А.Товстоноговым в его московский театр. Вдруг выяснилось, что мы оба, я и Аркадий, одесситы и он, признав во мне земляка (мне, с моим комплексом «неполноценного одессита» - я родился в Одессе, но вырос на Колыме – было приятно признание моего одесситства таким легендарным человеком, каким был уже к тому времени Аркадий), стал даже терпимее воспринимать мое отрицательное отношение к алкоголю. Он потащил меня искать точное место, где я родился; он знал лучше меня, что ни женской пере-

сильной тюрьмы, ни тюремной больницы, в которой я родился, давно уже нет, тем не менее, мы обошли все закоулки в районе железнодорожного вокзала и нашли-таки бабу, которая показала нам, где находилась тюрьма и где именно была больница. От Аркадия я узнал, что когда-то – еще до революции - площадь перед вокзалом называлась «ТЮРЕМНАЯ»...

Узнав из афиши, что сезон открывается премьерой спектакля с названием «МАФИОЗИ», он вдруг заинтересовался моей работой. Я рассказал ему историю (действие происходило в провинциальном итальянском городке: в местный театр приходили члены одной из банды тамошних мафиози, вынимали из скрипичных футляров автоматическое оружие и заставляли режиссера ставить «Кармен»... в общем, мафиозные разборки на театральном фоне), он стал заходить ко мне в номер, просил почитать ему что-нибудь оттуда, я читал какие-то, еще «не остывшие», номера... Гриншпун затребовал срочно «выходной» номер для хора бандитов-мафиози, он настаивал на том, что при первом же своем появлении они должны спеть эту самую свою песню-визитку. Я написал песню за ночь, но первый, кому я ее «сдавал», был не Гриншпун, а Аркадий, которому я, волнуясь, читал:

Мы понапрасну никогда не хмурим брови.
И просто так мы не прольем ни капли крови:
Гораздо больше денег даст клиент живой –
Предпочитаем мы работать головой.

Мы все воспитанные, скромные ребята.
Ох, как не любим мы стрелять из автомата, -
Но человек не понимает иногда,
Какая пропасть разделяет «нет» и «да»!..

Мафиози – дипломат!
Увидит кровь – как в воду он опущен:
Ведь если пущен
в ход автомат –
То, значит, брак в работе был допущен!

Мафиози – дипломат;
Но если очень ты уж несговорчив –
Он жмет на курок, а в горле – комок, -
И плачет вдова, и дети плачут...
А ты ведь – и жить еще не начал...

«Ты неправильно читаешь, плохо. Я тебе не верю», - прервал вдруг меня Аркадий. Не то, чтобы я обиделся, но его замечание меня задело. Я считал, что читаю точно и убедительно. Да и вообще... каждый норовит автору рассказать, как он должен читать!.. «Не веришь – прочти лучше», - ответил я. Аркадий, не раздумывая, взял листок.

...Да, ситуаций острых избежать не просто,
И к сердцу каждому путь ищет «Коза Ностра» –
Ведь человек, когда ты добр и ласков с ним,
То как ребенок он доверчив и раним...

Аркадий поднял на меня свой «ласковый и добрый» взгляд. Мне стало не по себе. Я вдруг увидел, насколько я бездарно читал этот текст.

...Ведь мы не звери, мы учитываем нужды,
И человеческое нам ничто не чуждо,
И если с нами подружиться ты не прочь –
Материально очень можем мы помочь!

Мафиози – дипломат!..
Увидит кровь – как в воду он опущен:
Ведь если пущен
в ход автомат –

То, значит, брак в работе был допущен!

Мафиози – дипломат.

Но если очень ты уж несговорчив –

Значит, сам ты виноват:

Он жмет на курок, а в горле – комок, –

Бесполезно тут кричать:

Тебя, среди дня, оплачет родня –

А мог ведь внучат еще качать!..

«...Слушай, Аркаша, а что тебе делать в твоём Питере? В театре ты сейчас не работаешь, а кино – и здесь, в Одессе есть... Пойдем к Гриншпуну, он тебе будет рад, у него нет актера на главного мафиози, дона Касталламаре, – собирается кого-то, кстати, из того же Питера приглашать... Это же твоя роль!.. Как только ты произнесешь первые две фразы – весь зал понесет тебе свои портмоне и бриллианты!»

«Да, роль моя. В кино бы я ее сыграл. Но в театре – нет. Не здесь. Давай поставим твой мюзикл в Питере. В Малом. Хочешь, я поговорю с Ефимом? Он обещает меня взять снова. А нет, так у Агамирзяна...»

«Почему – нет? Только это когда будет, а тут – премьеры через два месяца... Давай!.. На одну роль!..»

Мне очень нравилась эта идея. Я прекрасно понимал, что никто больше так не проречитативит этот мой текст... Но Аркадия уговаривать было бесполезно. У него были какие-то срочные незаконченные дела в Питере, какой-то, как я понял, свой бизнес.

Перед отъездом он еще раз пришел ко мне в гостиницу. «Ты не дашь мне эту песню про мафиози? Хочу показать в Питере ребятам. Приедешь, а там ее уже поют!» Я напечатал ему на своем портативном «Unis'e» текст, протянул Аркадию. Он его внимательно еще раз прочитал. «Подпиши – на память, мол...» Я написал в углу:

Эх, Аркаша!.. – в рифме ль, в прозе –
Классным был ты б Мафиози!..

«Моя роль!..» - повторил с грустью Аркадий...

Больше мы с ним не виделись. Как я уже сказал, год этот у него был насыщенный: «Остров погибших кораблей», «Единожды солгав», потом был еще наш «Граф Монте-Кристо» (только сейчас впервые подумал о трагическом финале обоих наших Эдмонов Дантесов – Авилова и Жени Дворжецкого), еще что-то... А потом – не удивившее уже никого известие о новом сроке... В том, что это была какая-нибудь очередная драка в ресторане, у меня не было и сомнений, а узнавать подробности уже не было времени: я уезжал из страны. Слышал, что опять за него ходатайствовали Боярский, Костя Райкин, Лавров... В Европе имя Аркадия постоянно всплывало в моих разговорах со встреченными соотечественниками: круг наших общих с Аркадием знакомых оказался широк. Потом, где-то в середине 90-х, в Париже, Нина, его первая жена, мне сказала, что его больше нет. Он умер на зоне. Подробностей она не знала.

Пару лет назад, разыскивая в Сети для своей пьесы какую-то милицейскую хронику, я наткнулся на серию статей о «криминальной России» 80-х лет и, в частности, о «бандитском Петербурге», и там я вдруг увидел мелькнувшее несколько раз имя Аркадия. Одни только названия рубрик и статей говорили уже сами за себя: «Бандитская Россия», «Криминальный мир», «Организованные преступные группировки г. Санкт-Петербурга», «Криминальные авторитеты. Воры в законе», «Человек, знавший легендарного «Антибиотика»», «Банда Седюков», «Криминальные постановки», «Бандитский сценарист»...

Вот краткий дайджест этих публикаций:

15 июля 1993 года в шесть утра, в одной из Ураль-

ских ИТУ скончался Аркадий Шалолошвили, актер, сыгравший к моменту ареста роли в таких фильмах, как «Ольга и Константин», «Единожды солгав», сериале «Берега» и многих других. Таким его знали в культурных кругах города на Неве. В уголовных кругах Питера он был не менее популярен...

...Волна «рэкетиров первого призыва» накрыла Ленинград в середине 80-х годов одновременно с началом перестройки и кооперативного движения. В городе стало много богатых (по советским меркам) людей, и, как следствие, появились и те, кто хотел заставить их делиться. В тогдашний рэкет шли люди с трудной судьбой – спортсмены с невостребованным потенциалом, нравственно искалеченные войной афганцы – люди, которые считали, что то, что им «недодало» государство, нужно брать самим, не стесняясь в методах и средствах. Они работали просто и «по-домашнему», совершая элементарные вымогательства при помощи бытовых электронагревательных приборов – утюгов, паяльников и кипятильников. Их жертвами становились кооператоры и проститутки, спекулянты и валютчики, работники сферы обслуживания и просто заводские несуну. «Новая волна» не брезговала и квартирными разбоями, и грабежами на авторынках.

Вот в такой обстановке и заняла к 1987 году лидирующее положение в Ленинграде группа Николая Седюка (он же «Коля-Каратэ») и его брата Александра по кличке «Макенна». Ядро группы составили сами братья, актер Малого драматического театра Аркадий Шалолошвили по кличке «Шалик», Гога Геворкян (он же Макси Шварценеггер), Виктор Казанцев (он же Витя-Свердловский). База группы – спортклуб «Ринг». При необходимости Седюки могли задействовать до ста бойцов одновременно. Профессионалы считают, что в Петербурге никогда не было такого волевого, умного и решительного бандитского лидера, как Николай Седюк. Команда Седюков взяла под свой контроль «ломщиков», работавших вокруг чековой «Березки» на набережной адмирала Макарова. Все, кто там «трудился», должны были отчислять банде треть от своих доходов, а Седюки брались прикрывать мошенников и кидал от милиции.

Поначалу они, как и все другие их предшественники, наезжали на бизнесменов достаточно небрежно. Но очень скоро бригада подняла свой преступный промысел на очень высокий интеллектуальный уровень. Они стали практиковать интересные оригинальные «разводки», при которых некоторые члены команды использовались втемную. Иногда, например, они посылали к бизнесмену одну бригаду, которая избивала его. Тут же подъезжала вторая бригада, «спасавшая» коммерсанта из рук негодяев. Естественно, что человек платил второй бригаде, более лояльной. Подобные постановки нашли широкое применение в бандитских кругах Санкт-Петербурга, да и весь преступный мир России активно стал пользоваться этими сценариями. Однако авторство на них принадлежит одному человеку – Аркадию Шалолошвили, актеру Малого драматического театра, снявшемуся к моменту последнего ареста в 18 кинофильмах, блестяще (надо отдать ему должное) применившему свои актерские и режиссерские способности на уголовном поприще. По слухам, однажды Шалолошвили устроил на кладбище целое представление для «терпилы безответного» - с разрытыми могилами, с изготавившимися «убийцами» - короче, нагнал жути на жертву, которая была в конце концов просто счастлива отдать свои кровные наворованные денежки.

Бандиты очень уважали Шалолошвили и называли его не иначе как Аркадием Пальчем... Его способности признавал и легендарный Япончик, с которым Аркадий Пальч был лично знаком.

Группу курировал вор в законе Антибиотик (по не-

которым данным, Антибиотик был не вором, а «авторитетом»). К слову, многие журналисты, освещающие криминальную жизнь Питера, поместили материалы, утверждающие, что Антибиотик и Аркадий Шалолашвили – один и тот же человек.

Группа Седюков была ликвидирована в 1987 году, когда их авторитет в Ленинграде не мог оспорить никто – им платили даже знаменитые братья Васильевы, занимавшиеся кидками на авторынке. Эта группа была первой в Питере, попытавшейся поставить насилие как способ добывания денег на «промышленно-поточную» основу. Поговаривали, что за этой группой есть и человеческие жертвы...

В 1987 году правоохранные органы уже плотно сидели у группировки на «хвосте». Несколько коммерсантов согласились дать показания против лидеров этой бригады. Некоторых пришлось уговаривать, так как люди были сломлены не только физически, но и психологически. Криминальные постановки бандитского сценариста не прошли для них даром. В 1988 году Аркадия Шалолашвили вместе с активными участниками группировки арестовали. В этом же году вместе с братьями его судили. Не помогло даже заступничество таких известных людей, как Михаил Боярский, Ролан Быков, Вахтанг Кикабидзе, Константин Райкин и других. Аркадия Шалолашвили приговорили к длительному сроку заключения. По оперативной информации, у бригады Коли-Картэ были очень серьезные и весьма многочисленные связи в правоохранных органах, однако, они практически никого из ментов-оборотней не сдали.

Любопытная подробность – сразу после ареста Николая Седюка в 1987 году Антибиотик внезапно умер от сердечной болезни. При этом многие информированные эксперты выражали сомнения по поводу естественных причин его смерти... Впрочем, в этой истории немало загадок, связанных со смертями многих известных людей...

В 1992 году Верховный суд России снизил сроки всем осужденным по делу «банды Седюка». Но для Аркадия это уже ничего не меняло. Незадолго до выхода на свободу он скончался. Михаил Боярский, навещавший вечером друга, сказал, что Аркадий выглядел здоровым. Медэксперты, проводившие вскрытие, написали в заключении: «...сломана подъязычная кость, на теле имеются многочисленные кровоподтеки». По официальной, озвученной в прессе, версии он умер от цирроза печени.

И вот тут начались странные вещи. В день похорон Аркадия Палыча тремя выстрелами в спину во время своей ежедневной утренней пробежки по проспекту Энтузиастов был убит Николай Седюк (он должен был выйти на свободу в 1993 году; официально находясь на поселении, он уже летом 1993 года жил в Петербурге). Вскоре после этого в Москве расстреляли брата Отари Квантришвили, а потом ликвидировали и самого Отарика. Учитывая тесные связи Седюков с Квантришвили, многие информированные источники считали, что между этими смертями есть прямая связь.

Ликвидация группы Седюков произвела шоковое впечатление на тех представителей питерского бандитизма, которые остались на свободе – слишком неуязвимой считалась бригада Коли-Картэ. Ходили даже слухи, что для ареста членов группы из Москвы специально выписывали группу «крутых комитетчиков»...

С уходом с театра бандитских действий Седюков «братва» Питера понесла серьезную утрату – жизнь то продолжалась, возникали новые «темы», в городе все больше и больше появлялось коммерсантов, а советская государственная система слабела буквально с каждым днем...

Вокруг смерти Аркадия остается очень много непонятного. Хоронили его в закрытом гробу... Это, плюс

*В.Харютченко и А.Шалолашвили.
«Райские яблочки». Тбилиси, 1977*

страсть самого Аркадия Палыча к инсценировкам, и то обстоятельство, что семья его – мама, Софья Эммануиловна и сестра – сразу после похорон уехали на жительство в Америку, - все это подкармливает звучащие время от времени фантастические предположения о том, что Аркадий Палыч не настолько мертв, как хочет, чтобы об этом думали. И в самом деле, что, казалось бы, стоит автору столь талантливо задуманных и эффективно реализованных криминальных сценариев инсценировать свой уход из жизни, уехать за границу и спокойно там жить?!

Вряд ли мы в ближайшее время узнаем ответ на этот вопрос. Несомненно одно: Аркадий Шалолашвили был незаурядной личностью, этаким Мамонтом Дальским конца 20-го века, трагически сочетавшим в себе совершенно разные качества. Кем он был на самом деле – талантливым артистом, благородным авантюристом или же просто артистично работающим уголовником?..

Яркая, оставшаяся в памяти, личность, полная неожиданных поворотов судьба, странная, загадочная смерть...

Неоднократно писатели и журналисты объявляли о своих намерениях писать о нем книги, сценарии, но на деле так ничего до сих пор о нем и не написано.

Аркадий был несколько раз женат, были у него и дети...

Похоронен он на погосте поселка Комарово Ленинградской области, в так называемом «Комаровском некрополе». Там он гармонично и уютно покоится среди своих коллег – актеров и режиссеров, поэтов и драматургов... Могила его всегда ухожена, значит, за ней следят. Кладбищенский сторож рассказывает, что каждый год, в день рождения Аркадия, кто-то приносит цветы на его могилу.

Юрий ЮРЧЕНКО

ТОЛЬКО МУЗЫКА ВЕЧНА

В рамках 19-го международного музыкального фестиваля «Осенний Тбилиси» в музыкально-культурном центре им. Джансуга Кахидзе состоялся концерт артиста оркестра Большого театра Александра Парсаданова, прошедший с большим успехом. Приводим беседу с артистом.

– Как произошло, Александр, твое знакомство с контрабасом? Что побудило тебя из такого многообразия музыкальных инструментов выбрать именно его?

– Свою первую встречу с ним вспоминаю и вспоминаю не без смеха. Мне было шесть лет. В Тбилиси гастролировал Большой театр и мама повела меня на «Евгения Онегина». В антракте мы подошли к оркестровой яме, она стала знакомить меня с инструментами и спросила, на чем мне хотелось бы играть? Почему-то меня больше всего привлекли валторна и фагот, я не мог оторвать от них глаз; потом вдруг ткнул пальцем в сторону контрабаса и заявил: «На этом играть не хочу!» Прошло время, мне было уже четырнадцать и я два года занимался по классу виолончели, но на тот момент остался без педагога (он покинул музыкальную школу). Домашние ломали голову. Что делать дальше? Помог случай: мама встретила своего однокурсника по консерватории контрабасиста Эдуарда Датебашвили. Узнав, что я не у дел, он так горячо начал расхваливать свой инструмент, что они уговорили меня сходить к Эдуарду Григорьевичу. Когда мы встретились, он рассказал мне много интересного, сыграл небольшую пьесу. Мне все так понравилось, что я решил попробовать. Что и сделал. Датебашвили, который сразу же начал со мной заниматься и ровно через полгода я поступил на первый курс 2-го музыкального училища и получил на экзамене высший балл. Эдуард Григорьевич был человек бесконечно преданный своей профессии, своему инструменту. И эти качества он прививал своим ученикам. Он переписывался с ведущими контрабасистами мира (особенно с Лайошем Монтагом) и благодаря этому владел огромной информацией. Мой учитель собрал коллекцию уникальных нот, которых не было больше ни у кого. К сожалению, в музыкальном мире мало концертов, написанных специально для контрабаса (концерт Гайдна, увы, утерян). В связи с этим, контрабасисты разных стран обратились к Л. Бернштейну с просьбой восполнить этот пробел. Маэстро обещал, но к сожалению, при жизни не успел осуществить свой замысел. Датебашвили воспитал многих хороших музыкантов, сегодня они работают по всему миру. Георгий

На концерте в Тбилиси

Махошвили – солист известного ансамбля «Bassione amorosa» и профессор высшей школы музыки (Германия), Андрей Шахназаров – концертмейстер симфонического оркестра г. Хоф (Германия), Георгий Лондаридзе – концертмейстер Гонконгского симфонического оркестра, Дмитрий Гагулидзе и Илья Датукишвили – ведущие музыканты в тбилисских оркестрах.

– И что было дальше?

– В 1990 году я закончил музыкальное училище им. З. Палиашвили и поступил в Тбилисскую консерваторию в класс В.Гогоберидзе (кстати, Э. Датебашвили был его учеником) – прекрасного педагога, на редкость музыкального. Кроме того, мне хотелось бы отметить и его замечательные человеческие качества – кристальную порядочность, доброту, принципиальность. Тут же не могу не сказать добрых благодарных слов прекрасному концертмейстеру Лейле Сараловой. Владимир очень развил меня музыкально, ставя во главу угла качество звука, правильное построение фразы. К слову, Махошвили и Лондаридзе, окончив училище, стали студентами Владимира Левановича, а его выпускник Зураб Цицашвили, необычайно разносторонний, виртуозный музыкант, работает в Анкаре. Помимо исполнительства, у него большие достижения в педагогике.

– В 1993 году ты поступил в Московскую консерваторию им. П.И. Чайковского и был принят на третий курс. Что послужило причиной переезда в Москву?

– Поступив в училище, я довольно скоро открыл для себя красоту и глубину классической музыки, стал частым посетителем консерватории. Старался не пропускать интересных концертов, особенно выступлений московских гастролеров (моими любимыми стали Н. Гутман и ансамбль «Виртуозы Москвы» В. Спивакова), слушал записи виртуозов-контрабасистов (особенно Л. Андреева). И в какой-то момент этому способствовали и контакты мамы с московскими музыковедами, и ее участие в научных международных конференциях, рассказы о которых так волновали мое воображение, что однажды я заявил, что готов отправиться в Москву хоть пешком. Однако, меня тревожило, как отнесется к этому мой пе-

даго? Но к моей радости он сказал мне не раздумывая: «Поезжай туда, где тебе будет хорошо». Тем более, что положение в Тбилиси в те годы было очень трудным (не было света, газа, на улицах стреляли, было проблемно с продуктами). Помню, как однажды ночью, отстояв огромную очередь, мне удалось купить хлеб и принести его домой. Тогда я впервые почувствовал себя добытчиком, едва ли не героем.

– *Что тебе дала Московская консерватория, какими знаниями обогатила? Вспомни наиболее яркий эпизод за период учебы.*

– Первым и самым большим плюсом стало, конечно то, что я поступил в класс профессора Евгения Колосова. О нем можно говорить бесконечно. Это – мировая величина, один из лучших педагогов. Помните А.М.Горький говорил, что всему хорошему, что в нем есть, он обязан книгам. Так вот, могу сказать, что почти всем, чем я сегодня, как профессионал владею, я обязан Колосову. За годы учебы я познакомился с лучшими контрабасистами нашего времени Л.Раковым, Л.Андреевым, Р.Габдулиным, Р.Ибрагимовым (все они преподавали в консерватории), общение с которыми было отличной школой. Что касается яркого эпизода, то это, безусловно, встреча с профессором С. Раппопортом.

Александр Парсаданов и Павел Изюмский

Уже будучи артистом Большого, я решил поступить в аспирантуру. В тот год почему-то на контрабас выделили одно место, на которое претендовал выпускник заведующего кафедрой контрабаса профессора Ракова, очень сильный музыкант, концертмейстер московский филармонии. Решающим для меня был экзамен по философии у Раппопорта, известного своим строгим нравом и практически невозможностью получить у него высокий балл. Я думал, как подступиться к этому человеку, как начать ответ? И выработал определенную стратегию. Вошел в класс, взял билет и, прежде чем начать отвечать, сказал, что, в отличие от абитуриентов, которые моложе меня, я застал время, когда изучали марксизм-ленинизм и получить настоящие знания по философии было невозможно, так как это было ограничено догмами. Теперь, получив

четыре консультации по предмету, я понял, какая это безгранично интересная наука. Судя по улыбке профессора, я понял, что выступление сработало и приступил к ответу, который маэстро счел убедительным и достойным для пятерки. К чести экзаменационной комиссии, во главе с заведующей кафедрой М. Чайковской, она оценила ситуацию и приняла решение: выделить еще одно место для контрабаса.

– *Еще будучи студентом Тбилисской консерватории ты начал работать. Где и с кем?*

– Моим первым местом работы был камерный оркестр Вадима Шубладзе, затем – очень любимый мной театр киноактера (ныне им. М. Туманишвили). Позднее принимал участие в фильме «Леонардо». Это что касается Тбилиси. В Москве короткое время работал в камерном оркестре Л.Амбарцумяна «Арко». А в 1995-м меня пригласил на временную (до конкурса) работу в оркестр Большого театра Р. Ибрагимов – концертмейстер контрабасов этого оркестра. 3 октября 1997 года прошел по конкурсу и был принят в штат (октябрь 97-го стал для меня вдвойне памятной датой, 1 октября у меня родился сын Сергей). В разные годы работал и работаю концертмейстером Пекинского национального симфонического оркестра, оркестра театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, камерного оркестра Московской консерватории, вхожу в состав секстета Большого театра.

– *В Большом театре ты уже 16 лет. Чем он стал для тебя?*

– Излишне говорить, что быть членом коллектива лучшего театра страны и носить звание «Национальное Достояние» уже огромное счастье. Это еще и огромная школа. Мне очень повезло, я застал многих великих: солистов оперы, балета, оркестра, выдающихся режиссеров, дирижеров, художников. А.Эйзен, Б.Покровский, И.Архипова, Т.Синявская, Ю.Мазурок, Е.Образцова, А.Жюрайтис, М.Ростропович, Ф.Ригин, Д.Миллен. Знакомство с творчеством этих уникальных мастеров необычайно обогащает, служит толчком к дальнейшему музыкальному развитию. В нашем оркестре работают два контрабасиста мирового класса – Л.Андреев и Р.Ибрагимов. Каждый спектакль с их участием – для меня своеобразный урок. О Леопольде Андрееве мне хочется сказать особо. Несмотря на большую разницу в возрасте, меня с этим мастером связывает большая дружба. Это человек интересной судьбы; я бы назвал его героем по призванию. Окончание им музыкального училища (по классу виолончели) совпало с началом Великой Отечественной войны, в 18 лет он ушел на фронт. За его плечами путь от Москвы до Берлина, Курская дуга и сопротивление японской квантунской армии. Несмотря на контузию и отмороженный палец правой руки, после демобилизации он нашел в себе силы продолжить занятия, но уже на контрабасе, и со временем выдвинулся в ряд выдающихся контрабасистов мира. Творчество Андреева определяет невероятный по красоте звук, совершенно бешенная техника и понимание фразы на уровне все *santo*. До сих пор он мой наставник и я перед каждым ответственным выступлением получаю его консультацию.

– *Параллельно с Большим театром ты начал работать как концертмейстер в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Чем тебя привлек этот театр?*

– Во-первых, это театр высокого класса, один из лучших в стране, и очень важным (пожалуй, основным) моментом является то, что главным дирижером театра мой одноклассник и большой друг Феликс Павлович Коробов, несколько лет назад пригласил меня сыграть в нескольких спектаклях и концертах. После выступлений с оркестром маэстро Коробова я почувствовал, что работа с ним становится для меня необходимостью. Его неуемная энергия, талант захватывать тебя целиком, делают его единомышленником, вселяют новые силы и часто к концу выступления, несмотря на усталость и огромное эмоциональное напряжение, порождают ощущение, что ты спо-

собен сыграть все с самого начала еще раз. В настоящее время я являюсь совместителем в этом коллективе.

– Удастся ли, играя в оркестре Большого театра, выступать и в качестве солиста?

– Несмотря на большой объем работы в оркестре, я всегда старался изыскивать возможность для сольных и камерных выступлений. И в этом мне тоже очень помог Феликс Павлович. Он дает мне возможность проявлять себя в качестве солиста и всячески поощряет мои сольные выступления.

– Какие из них тебе особенно дороги?

– Из наиболее запомнившихся выступлений могу назвать концерт в Малом зале Московской консерватории, который был моим аспирантским дипломом (я играл сонату Арпеджионе Шуберта и Двойной концерт для контрабаса и скрипки Боттезини), первое исполнение в Москве (в Бетховенском зале Большого театра) «Кармен-фантазии» Франка Протоэ для контрабаса с оркестром и Концерт для четырех солирующих инструментов Андрея Эшпая в Большом Светлановском зале Дома музыки.

– Оба театра много гастролируют. В каких странах ты побывал? Что запомнилось особенно?

С мамой Марией Киракосовой

– Мне проще сказать, где я еще не был. Это – Африка и Австралия. Из всех стран, в которых побывал, хотел бы выделить Китай, особенно Гонконг. Мне нравится его менталитет (на который оказала огромное влияние многовековая культура), то, что во главу угла там ставится честь и достоинство человека, что там высокий уровень развития экономики, которая базируется на трудолюбии и чувстве ответственности граждан этой страны.

– За годы работы в двух лучших театрах ты переслушал и пересмотрел множество спектаклей; назови наиболее яркие, какие ты любишь особенно как исполнитель и зритель?

– Как музыкант-исполнитель больше всего люблю «Пиковую даму» П. Чайковского, балет А. Хачатуряна «Спартак». Как зритель – балеты «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева (в постановке М. Лавровского, это один из самых ярких спектаклей Большого театра) и «Казанову» Моцарта (постановка М. Лавровского), оперу М. Мусоргского «Хованщину» (очень люблю этот спектакль, блестяще поставленный Б. Покровским, очень зрелищный, многозначный) и, конечно, балеты, оформленные гением своего дела художником С. Вирсаладзе. Из постановок театра Станиславского и Немировича-Данченко в первую очередь выделю «Кармен», «Богему», «Каменный цветок» и «Гамлета».

– Людей искусства Грузии и России всегда связывала большая творческая и человеческая дружба. По-моему не было сезона, чтобы на сцене Большого не выступали грузинские певцы, артисты балета, дирижер – Давид Гамрекли, Давид и Нодар Андгуладзе, Давид Бадридзе, Одиссей Димитриади, Петре и Медея Амираншвили и др. (некоторые из них «задерживались» там на годы). В

1978 году с большим успехом шла опера Отара Тактакишвили «Похищение луны». А как сейчас?

– Несмотря на малопривлекательную политическую ситуацию, творческие люди продолжают общаться и дружить (хотя связи, конечно, по известным причинам, стали несколько слабее, а общение – реже, но главное – они не прервались). Начав работать в Большом театре, я застал в расцвете творческих сил Маквалу Касрашвили, Зураба Соткилава, Нино Ананишвили. Сегодня на прославленной сцене блистают Николай Цискаридзе и Бадри Майсурадзе, а ушедших грузинских кумиров не предают забвению. В первую очередь хочу назвать Зураба Анджапаридзе, Вахтанга Чабукиани, Соломона Вирсаладзе, Александра Ломоури, Елену Чикваидзе. Эти достойнейшие люди своим уникальным талантом украшали Большой театр, укрепляли и увеличивали его славу, завоевывали сердца благодарных слушателей и зрителей, которым дарили минуты истинного наслаждения и потому их до сих пор вспоминают с большой любовью.

– Кто из композиторов тебе наиболее близок и почему?

– Нелегко ответить на такой вопрос. Когда я играю «Пиковую даму», мне кажется, что лучше музыки нет. Очень люблю сочинения Гии Канчели. Самое сильное впечатление детства – 3-й концерт для фортепиано Бетховена. Но все же любимым композитором я назвал бы Франца Шуберта, его музыка проникает в сокровенные уголки души.

– Нынешний концерт – твое первое сольное выступление в родном городе. Чем ты руководствовался выбирая его программу?

– Выступление в Тбилиси было для меня столь впечатляющим, что я не в состоянии был что-то решить сам. Слава богу за меня это сделал Вахтанг Кахидзе. Концерт Кусевичского очень сложное произведение, прежде всего акустически, оркестр все время «наступает» в регистре солирующего инструмента и решение этой задачи в концертном зале культурного центра им. Дж. Кахидзе мне казалось проблематичным. Однако В. Кахидзе сказал, что не сомневается в моих возможностях, что и определило его выбор.

– Каковы твои творческие планы на ближайшее будущее?

– Контрабас прежде всего оркестровый инструмент и основные планы связаны с открытием исторической сцены Большого, но тем не менее маленькая отдушина в виде сольной деятельности всегда приятна и полезна. Я получил предложение от одного из московских оркестров исполнить с ним *Passione Amorosa* Боттезини для двух контрабасов. А также некоторые коллективы, с которыми я сотрудничал раньше, изъявили желание продолжить наше сотрудничество.

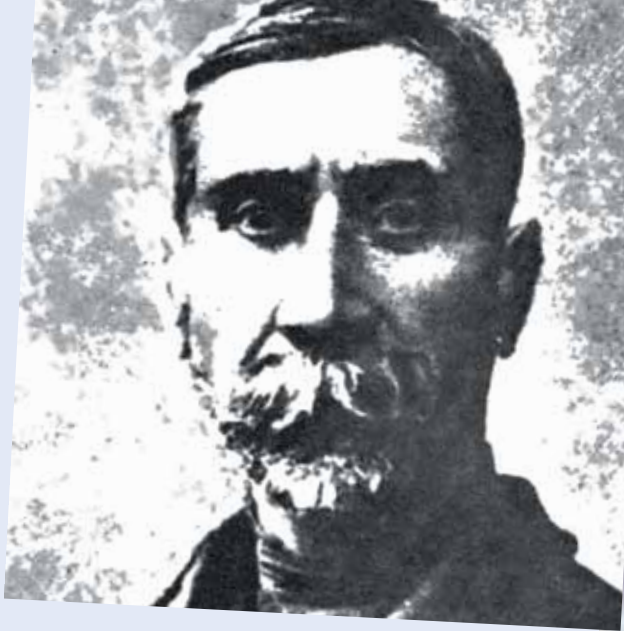
– В шесть лет ты заявил: «не хочу играть на контрабасе», в четырнадцать – поступил в класс контрабаса (но это был скорее выбор взрослых, нежели твое осознанное решение), не пожалел ли об этом впоследствии? Как считаешь, ты выбрал правильный путь в жизни? Контрабас «твой» инструмент?

– Я доволен тем, как сложилась моя жизнь и не желал бы ничего менять. Что касается инструмента, я уже не представляю себя с другим инструментом и мое главное место в музыке в оркестре, за контрабасом и совсем не обязательно за первым пультом.

– И последний вопрос: что для тебя музыка? Один мудрый человек сказал: «Все проходяще, только музыка вечна!» К этому трудно что-нибудь добавить, разве что...

– Музыка, наряду с живописью, поэзией является одним из видов искусства, задача которого создать художественный образ. И я не готов согласиться с тем, что кисть Рембрандта или перо Пушкина, Бараташвили, Шекспира чем-то уступают музыке Чайковского.

Донара КАНДЕЛАКИ

ПИРОСМАНИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

«Пиросман стал для меня живописной и свободной в своем выражении энциклопедией Грузии, ее людей, ее истории и природы. ...Он приобщил меня к этой стране, где одновременно с радостью ощущаешь легкую и непонятную грусть. Так блестят весельем и сдержанной грустью глаза грузинских красавиц».

Константин Паустовский

Пиросмани всегда присутствовал в моей жизни, начиная со школьной скамьи, когда я впервые, еще не зная Грузии, прочитала о нем у Паустовского.

В 70-х в далеком Ленинграде я читала вышедшие тогда книги о его творчестве и разглядывала иллюстрации поразительных картин – животные с человеческими глазами, удивительные жанровые сценки, застолья, Шота Руставели и царица Тамар... Все это отзывалось в душе, помогало понять и полюбить свою страну, которую тогда я знала только по рассказам.

В картинах Пиросмани – загадочных в их молчаливой, напряженной жизни – было волшебство, создававшее ощущение национального.

В свое время художник Давид Какабадзе сказал: «Ни у кого из художников я не знал подобного ощущения Грузии, как у Нико. Мне кажется, что с появлением его картин моя жизнь стала богаче, счастливее. Когда я люблю картины Пиросмани, я чувствую, как могучие силы и соки земли, заключенные в клеенки Нико, обновляют меня».

В мае 1916 года, когда Пиросмани был приглашен на заседание Грузинского художественного общества, он кое-как перебивался на свой нищенский доход. Конечно же, он был взволнован приглашением, но старался это скрыть, и с детской гордостью сказал тогда в ответ: «Меня знают даже во Франции».

Да, во Франции знают грузинского художника Нико Пиросманавили.

В следующем, 2012 году с участием ЮНЕСКО будет торжественно отмечаться 150-летие со дня его рождения. Решение об этом было принято в Париже 17 октября 2011 года на 36-й сессии ЮНЕСКО.

В родном селе художника – Мирзаани Дедоплискарройского района прошел традиционный народный праздник «Пиросманоба», посвященный великому грузинскому художнику. Душой Нико стремился к родным

местам и потому любимыми темами его картин были сельские пейзажи. «...Пиросмани свойственно чувство широкого размаха пейзажей

Грузии, и в его картинах выявлены негата и лиризм Кахетии, что роднит его искусство с искусством итальянских мастеров начала 15 века», – писал художник Георгий Якулов.

И вот Кахетия. Живописное село Мирзаани с видом на Алазанскую долину. «Пиросманоба» проводится ежегодно в третье воскресенье октября. Это выставки, спектакли, концерт с участием фольклорных коллективов из разных регионов Грузии, выступления современных музыкальных групп и исполнителей. А также – выставка-продажа предметов рукоделия, церемония традиционного кахетинского угощения...

С самого утра в Мирзаани съезжались многочисленные гости, которых встречали дети, одетые в национальные костюмы. Праздник начался в полдень с посещения дома-музея Нико Пиросмани.

Смотритель дома-музея Нино Багашвили рассказывает о жизни гениального художника-самоучки.

Пиросмани провел в Мирзаани немного времени. Отсюда ребенком его увезли в Тифлис, но он всегда с радостью возвращался в родные места. «Если на земле есть рай, то это Кахетия», – говорил он. Несмотря на то, что Нико не получил формального образования, тяга к прекрасному осталась в его детской душе. Как он говорил, «моя кисть пишет сама» – желание творить было для Пиросмани естественным.

«Дом, в котором родился Нико Пиросмани, не сохранился. Дом-музей, в котором мы с вами находимся, – пояснила смотритель, – художник построил для своей сестры в 1898 году. И часто приезжал сюда в гости». Она поведала посетителям, что, несмотря на свою бедность, Пиросмани удалось скопить некоторую сумму денег в Тифлисе, работая кондуктором на железной

дороге, а также торговлей молочными продуктами. К этой сумме художник добавил деньги, вырученные за рисование вывесок, и построил в Мирзаани этот дом и даже покрыл его кровельным железом, привезенным из Тифлиса. Это был первый в селе каменный дом. Нико был горд, что смог помочь своей сестре.

В доме-музее сохранился интерьер 19 века: встроенный шкаф – «ганджина», застеленная тахта с подушками – «мутаками», люлька – «аквани», глиняная посуда, чайник на керосинке, лампа, котелок на треножнике. У окна на деревянном столике были выставлены мольберт, палитра и ящик с красками, разумеется, символически. Хотя у художника часто не было денег ни на холсты, ни на краски, и он сам делал их, соскабливая сажу с закопченных стекол...

Среди предметов быта в доме-музее есть и подлинные вещи, принадлежавшие семье Пиросмани. Среди них – сундук, привезенный Нико из Тифлиса, швейная машинка «Зингер», которую художник купил для сестры. Это было хорошим подспорьем семье

– на ней сестра шила одежду для своих десятирých детей. Безворсовый ковер «пардаги», вытканый руками матери Пиросмани, висел, как и в те времена, на передней стене комнаты, застилая часть тахты...

Вряд ли Пиросмани мог предположить, что в этом доме будет когда-нибудь его музей.

По словам Нино Багашвили, дом-музей художника был учрежден в 1982 году, и с тех пор село Мирзаани посещают поклонники творчества Пиросмани.

Тем временем, празднество перемещается к музею Пиросмани, где хранятся картины художника. На импровизированной сцене перед музеем фольклорные коллективы исполняют национальные песни и танцы, а зрители тепло приветствуют участников детских ансамблей, приехавших в Мирзаани со всех уголков Грузии.

По окончании концерта распахиваются двери музея Пиросмани, куда вместе с гостями праздника устремляюсь и я. Несколько залов, увешанных картинами, где главный смотритель фонда музея Пиросмани искусствовед Ламара Узунашвили провела блестящую экскурсию.

«Нико Пиросмани – художник-самоучка, известнейший грузинский художник конца 19 - начала 20 века, один из мастеров мирового «наивного искусства», – рассказала она. – Он рано лишился родителей, был пастухом, перебивался случайными заработками. Значительную часть его живописного наследия составляют расписные вывески и картины-панно, украшавшие стены духанов. Сюжеты своих произведений он брал из окружающей его жизни (сцены застолий, сбора винограда).

Холстом ему служила клеенка – но не обычная клеенка с духанного стола, как пишут многие. Художник

использовал темную матовую клеенку на парусиновой основе, из которой шили верх для фазтонов. Чтобы написать яркую картину, ему хватало трех-четырех красок. Когда денег на было на холсты, он переходил на картон.

Быстрота, с которой Пиросманашвили работал, вызвала восхищение. Он сразу же брался за дело. «Не беспокойся, дорогой, только рубль дай на краски». Несколько часов уходило у художника на обычные картины и два-три дня на большие работы. Ладо Гудиашвили вспоминал, что когда летом 1917 года он посетил художника в Дидубе, где тот снимал крохотную каморку под лестницей, обратил внимание на какие-то предметы в углу. «Это краски, брат мой, – сказал ему Пиросмани. – Хочешь – покажу, как надо работать. Вы, художники с Головинского проспекта, ходите в костюмах и в галстуках и боитесь перейти на этот берег Куры. Нет, так нельзя. Надо надеть старый фартук, зажечь лампу, наскрести сажи, растоптать известки, развести белила, потом за кисть и за работу, пиши с пола до потолка. Вот так нужно работать...»

В Мирзаани, сообщила нам смотритель, хранятся 14 оригиналов картин Пиросмани, среди которых – портреты Шота Руставели и царицы Тамар.

«Уважение к прошлому – неотъемлемая часть традиционной грузинской этики. «Разве царица Тамар – не мать Грузии, а Руставели – не величие Грузии? – говорил он. – Я их не отделяю друг от друга...» Пиросмани написал шесть вариантов портретов царицы Тамар и семь – Шота Руставели. К счастью, все они сохранились».

«Когда строительство дома для сестры было завершено, – продолжала она рассказ, – прямо во дворе было устроено угощение. Тут же, не отходя от застолья, Пиросманашвили написал четыре картины, среди которых были – «Гости за столом», «Гости слушают тамаду», «Возвращение домой» и оставил их сестре. Из этих картин сохранилась только одна – «Сона Горашвили играет на гармонии». Сона была соседкой Пиросмани – веселая женщина, любившая играть на гармонии».

Экскурсовод подвела нас к еще одной картине и сказала: «И все-таки жаль, что мы не знаем, кто эта «Лежащая женщина», написанная в 1904 году, которая так трогательно жалуется нам на свою судьбу: «Посмотрите, в каком я состоянии, и все же здравствуйте, добрые люди» – эти слова написаны на листке бумаги, который она держит перед собою».

Из вывесок Пиросмани в музее можно увидеть «Царапи» (название одного из сортов кахетинского вина). Известно, что Пиросманашвили имел успех и среди русских авангардистов, и Михаил Ларионов в письме к Илье Зданевичу просил прислать «чудесного и необыкновенного Нико Пиросмани побольше (мы так его полюбили), а также его замечательные вывески...»

В музее выставлено 11 из 14 картин, принадлежащих музею. Одна картина находится на реставрации в Государственном музее искусств Грузии, а два оригинала еще в 2007 году были временно выставлены в галерее города Сигнахи, и до сих пор не вернулись в Мирзаани. Ламара Узунашвили выразила озабоченность этим обстоятельством и выразила надежду, что бесценные картины их земляка все же вернуться на место.

В центре зала посетители увидели круглый деревянный стол с самоваром и чайными принадлежностями.

«Этот экспонат мы назвали «мечта Пиросмани», – сказала экскурсовод. – Это не его стол. Но всю жизнь Пиросмани мечтал иметь круглый стол и самовар. Обращаясь как-то к художникам, он сказал однажды: «Вот что нам нужно, братья. Посередине города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться; купим

большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве...» Хотя Пиросмани был замкнутым по натуре, но художников он считал своими братьями по искусству».

В одном из залов выставлена новая экспозиция – личное дело Нико Пиросманашвили за 1890-1894 годы, когда он работал на Закавказской железной дороге. Это формулярный список, различные рапорты, донесения, форменные бланки, подписки с обязательствами.

«Мы знаем о Пиросмани очень мало, – отметила смотритель музея, – и эти документы дают нам информацию о трех лет службы художника на железной дороге. Архив сохранил в полном порядке его личное дело, по которому можно проследить официальную сторону его существования, хотя нам мало, что известно о его личной жизни».

Так, 18 апреля 1890 года началась его служба тормозного кондуктора товарных вагонов – сначала на станции Михайлово (ныне Хашури), а с 14 октября – на станции Елисаветполь (ныне Ганджа).

«Служба была ему не в радость. Работа тяжелая, на площадке надо было находиться неотлучно. Летом некуда было деться от солнца, зимой – от холода, осенью – от дождя, весной – от ветра. В формулярном списке Пиросмани – частые записи о штрафах: «За опоздание на дежурство – 50 копеек», «За проезд безбилетного пассажира – 3 рубля», «За неявку к поезду – 2 рубля», «За неисполнение приказаний дежурного – 3 рубля», «Заслушивание главного кондуктора – 3 рубля». А ведь он получал всего 15 рублей в месяц!..»

Ссылаясь на хронический насморк и «грудную болезнь», полученную на службе на товарных поездах, Пиросмани просил уволить его и уплатить пособие за ущерб здоровью.

После долгой волокиты художник уволился с железной дороги, а на выходное пособие – всего 45 рублей – открыл молочную лавку, для которой нарисовал две вывески «Белая корова» и «Черная корова». Но сам особенного интереса к торговле не проявлял – натура художника брала свое.

Примерно в 1900 году Нико окончательно порвал с лавкой и стал бродячим живописцем. За свой труд художник получал до чрезвычайности мало – чаще с ним расплачивались вином и хлебом. Часть заработка он брал деньгами, чтобы покупать краски и платить за ночлег. Он прожил трагическую жизнь и умер нищим и безвестным.

Нико Пиросмани скончался в Тифлисе 5 мая 1918 года от голода и болезни. Могила его неизвестна».

Пиросмани предположительно написал около 2000 картин за свою жизнь, из которых уцелело не более

300. Работы художника находятся в Государственном музее искусств Грузии, в музее искусства народов Востока и в Третьяковской галерее в Москве и в частных собраниях.

«Мы приехали из Тбилиси автобусом специально на этот праздник, вместе с детьми, внуками, родственниками, друзьями, – сказал мне пожилой мужчина. – Потому что ценим гения нашего народа, и приезжаем на его родину, чтобы прикоснуться к его жизни и творчеству».

«Я потрясена новой экспозиция музея, – взволнованно поделилась впечатлением одна из посетительниц. – Как жаль, что одаренный художник вынужден был бродяжничать, и получать за свои картины гроши, тогда как сейчас этим полотнам нет цены!»

Среди участников праздника в Мирзаани находились и гости из скандинавских стран.

«До сегодняшнего дня я вообще ничего не знал о Пиросмани, его жизни и творчестве, – сказал гость из Норвегии. – Я благодарен моим грузинским друзьям, они привезли меня на этот праздник, в это чудесное место Грузии – в Кахетию, откуда можно любоваться великолепной природой Большого Кавказа... Я вижу, что у вас в Грузии чтят свои корни. К сожалению, в нашей стране это не так. Мне очень понравилось, как участники праздника пели народные песни. Это просто замечательно!..»

Ученый из Швеции, приехавший в Грузию впервые, сказал, что ему очень понравилось коллективное отношение к этому празднику: «На этом представлении все рады. Особенно мне понравилась молодежь. Это фантастика! Такие маленькие дети так великолепно танцуют и как они хранят культуру!..»

Великолепное зрелище народного праздника колыхалось в глазах разноцветьем. Это был настоящий праздник – из тех, что любил рисовать Пиросмани. Я представила, что он сейчас находится здесь, в родном Мирзаани.

Лицо с бородкой правильного овала с большими черными глазами, излучающими доброту и кротость – черты традиционного «крестьянского аристократизма». Пиросмани, улыбаясь, стоит в стороне и, прищурившись, пишет на холсте праздник. Традиционное кахетинское застолье – на скатертях, расстеленных на траве. Люди, пейзаж, животные... Там непременно будет прозрачный виноград, тыквы, оранжевая хурма, натюрморты из разных трав, баклажанов, шашлыков, сыра и жареной рыбы.

«Возвращение домой».

И солнце. Как сегодня. Почти 150 лет спустя.

Клара БАРАТАШВИЛИ

«ГРАММАТИКА ЛЮБВИ»

Так озаглавлена рукопись на грузинском языке, хранящаяся в Национальном центре рукописей Грузии под номером Q-600. Удивительное заглавие, не правда ли? Но еще удивительнее, что рукопись названа переводом сочинения Мольера! Перевод сделан не с французского, а с русского издания, которое указано на титульном листе рукописи. Известно, что Мольер, знаменитый французский драматург XVII века, писал только комедии. Но интересующая нас рукопись не является драматическим произведением. Работал ли Мольер и в других жанрах литературы?

Для разрешения подобных сомнений необходимо было пересмотреть наиболее полные издания сочинений Мольера на французском языке и в русских переводах. Подобного произведения в них не имеется; однако в собрании сочинений Мольера на русском языке, изданном в Петербурге в 1913 году, помещена статья Н.Н. Бахтина о Мольере в русской литературе. В конце этой статьи в специальном разделе указаны переводы, приписываемые Мольеру. Среди них значится «Грамматика любви», изданная в 1831 году, то есть та самая книга, которая названа в грузинской рукописи.

Это указание не оставляет сомнений, что грузинская рукопись не является переводом из Мольера. Но после этого надо было, во-первых, найти это русское издание, а во-вторых, собрать о нем сведения, чтобы выяснить, кто же его подлинный автор и чем объясняется, что русский переводчик приписал чужое произведение перу знаменитого драматурга.

В книгохранилищах Тбилиси этой книги не оказалось. Хотя книга была издана в Москве, но в библиотечных фондах она там не сохранилась. Единственный

экземпляр этого издания хранится в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. При этом оказалось, что авторство произведения было уточнено сотрудниками библиотеки еще в XIX веке: на обороте титульного листа русского издания книги сделана приписка, что ее подлинным автором является Жюль Демольер, писавший под псевдонимом Молери. Соответственно этому в каталоге библиотеки книга значится под фамилией Демольера.

Сведения, полученные из петербургской библиотеки, достойны полнейшего доверия; необходимо было, однако, собрать данные о французском авторе, а также сопоставить французский оригинал с русским переводом. Получить сведения о самом писателе оказалось делом нетрудным, ибо его имя вошло во французские энциклопедии и литературные справочники.

Ипполит-Жюль Демольер – французский литератор XIX века, человек широко образованный, который занимался сначала правом, потом медициной. После революции 1848 года он был одним из секретарей временного правительства. Литературные способности Демольер проявил уже в раннем возрасте, а с 1827 года он систематически публиковал свои произведения, которые, как сказано в словаре П. Ларусса, принесли ему довольно большую известность. Из более удачных вещей здесь названы некоторые его пьесы и романы.

Интересующее нас произведение Демольера относится к первым годам его систематической литературной работы и было издано в Париже в 1829 году под заглавием «Code de l'amour». Оно действительно является источником русского перевода. Но французская

книга значительно более объемистая, вместе с оглавлением она состоит из 285 страниц; русский вариант дает ее сокращенный перевод и многие части французского оригинала вовсе не отражены в русском тексте.

Книга Демольера очень скоро стала известна в России, ибо уже через два года появился ее русский перевод. Обращает на себя внимание, что книжка издана тщательно и с большим изяществом. Очень миниатюрная по формату, с четко расположенным текстом, она украшена тонкими орнаментами в начале и конце каждой главы и на оставшихся свободных местах отдельных страниц. На красиво оформленном заглавном листе книги написано следующее: «Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимым. Сочинение Г. Мольера. Перевел с французского С.Ш. Москва. В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1831». Фамилия переводчика нигде не указывается. Вся книжка состоит из 81 страницы. Из них первые 55 страниц представляют собой сборник наставлений, которые делятся на три части: 1) об искусстве нравиться, 2) о любви, 3) о супружестве. Эти части в свою очередь разбиты на крошечные главы. Так например, первая часть, то есть искусство нравиться, имеет разделы: о красоте, о наряде, о сердце, об уме, об обращении.

Следует подчеркнуть, что в книге нет никакого оттенка фривольности. По своему характеру она, несомненно, связана с традициями предшествующего столетия. Подчеркнутое внимание к сфере чувства, к оттенкам сердечных переживаний роднит ее с традициями сентиментализма. Не случайно в главе о супружестве приводится цитата из воспитательного романа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль». Наряду с такими высоко наставительными рассуждениями об идеальном супружестве

в книге можно встретить и забавные скептические высказывания на ту же тему, например: «Вступать в супружество значит брать лотерейный билет, который редко бывает с выигрышем».

Тонкий юмор местами оживляет произведение и спасает его от лишней сентиментальности. Здесь мы встречаем утверждение, что «клятвенное обещание дается любовнику на три месяца, а мужу – на три дня», а, например, в главе о переписке автор дает забавную характеристику, каким должно быть настоящее любовное послание: «Чтобы любовное письмо было таким, каким должно быть, для

этого надобно его начать, не зная, что будет в нем сказано, и окончить, не зная, что в нем было говорено».

После основной части книжки идут дополнения: афоризмы и указания о значении цветов. Помещенный здесь длинный список цветов можно и сейчас составить по какому-либо ботаническому справочнику. Но едва ли современный читатель знает, какие чувства они обозначают. Приведем несколько примеров из того, что сообщает нам автор: акация – любовь платоническая; белая роза – молчание; желтая роза – неверность; колокольчик – болтливость; нарцисс – эгоизм; розовая гвоздика – пламенная и чистая любовь; фиалка – скромность и т.д.

В последнем разделе работы, озаглавленном «Мысли и правила», приводятся высказывания из книг и записок различных авторов, но исключительно женщин. Демольер помещает выдержки из мемуаров известных в свое время светских дам; встречаются здесь и имена, вошедшие в историю французской литературы, как Маделена де Скюдери – автор популярных в XVII веке прециозных романов, мадам де Севинье, письма которой к дочери считаются образцом эпистолярного искусства, мадам де Сталь – широко известная писательница начала XIX века, мадам де Жанлис – автор ряда работ по воспитанию и других. В приведенных цитатах наблюдения над движением человеческих чувств сочетаются со здоровыми замечаниями о вреде тщеславия и пустого кокетства. В разных вариантах подчеркивается мысль о том, что красота женщины хороша лишь в сочетании с умом и сердцем и что, как сказано у мадам де Сталь, «возвышенные мысли так же необходимы для любви, как и добродетель».

Перейдем теперь к вопросу о грузинском переводе этого произведения.

Рукопись состоит из 16 листов, исписанных с обеих сторон довольно неряшливым почерком. Написание текста мхедрули, но знаки церковного шрифта (асомтаврული) использованы в нем для заглавий и в начале многих абзацев. Перевод обрывается на третьей части этого сочинения. Переводчик точно следовал за русским текстом, не делая пропусков и стараясь точно все передать на грузинском языке. В некоторых местах грузинского текста встречаются небольшие дополнительные примечания самого переводчика. Так, на 14-м листе он делает сноску, в которой объясняет термин – платоническая любовь. Иногда автор вставляет такие объяснения в самый текст, помещая их в скобки. Например, слово «Музы» объясняется при переводе следующих строк: «Сочиняйте стихи для своей любезной, если умеете, но не воспевайте ее в длинных поэмах; она подумает, что вы занимаетесь более Музами. Не жели ею самую».

В отношении времени составления грузинского перевода нельзя сказать ничего определенного. Рукопись не доведена до конца и в ней нет ни указания автора, ни даты, как это часто бывает в конце законченных переводов. Судя по языку и характеру письма, перевод относится к первой половине века; очень возможно, что он сделан вскоре после появления русской книги. Известно, что с Лазаревским институтом восточных языков, где была напечатана «Грамматика любви», были связаны многие находившиеся в России грузины.

Однако это – область предположений. Авторство же самого произведения не вызывает никакого сомнения. Поэтому в список европейских авторов, которые переводились на грузинский язык в XIX столетии, следует включить имя французского литератора И.-Ж. Демольера, писавшего под псевдонимом Молери.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ИЗ ТБИЛИСИ

Дорогие мои, с Новым годом!

Поздравляю моих давнишних друзей, коллектив редакции журнала «Русский клуб» и благодарных читателей!

Я читатель журнала с момента выхода его первого номера, который бережно храню. Всегда с нетерпением жду очередной журнал. Это оазис духовности и профессионализма. Восхищает великолепное оформление и разнообразная тематика публикаций. Это по-настоящему VIP-журнал, который оправдывает свое назначение – развитие сотрудничества.

Всем здоровья и счастья!
Многие лета!

Игорь НАГОРНЫЙ

Заслуженный деятель искусств Грузии,
кинооператор

Недавно я заболела – потеряла сознание, «скорая» доставила меня в Республиканскую больницу, где пролежала три дня в реанимации. Уже выписавшись из больницы, я то лежала дома, то ходила по квартире. Как ни странно, не было желания обратиться к книгам. Но неожиданно я обратила внимание на несколько номеров журнала «Русский клуб». И я ожила! Чудесные статьи о сыне и отце Петре и Сергее Капица, поэтессе Веронике Долиной, прекрасном грузинском поэте Эмзаре Квитаишвили, кинорежиссере Отаре Иоселиани и других достойных личностях. Я вернулась к жизни, читая эти статьи.

Спасибо талантливому коллективу редакции и всем авторам, а также руководителю МКПС «Русский клуб» Николаю Свентицкому. Своим трудом и энергией эти благородные люди делают чудеса. Ваш журнал оживает!

Тамара МИНДИАШВИЛИ

Заслуженный работник культуры Грузии

ИЗ МОСКВЫ

Для меня журнал «Русский клуб» - мостик между моей любимой родиной Грузией и Москвой, где я сейчас учусь. Я и мои однокурсники с нетерпением ждем каждый номер журнала. Я рада, что студенты из разных стран, которые учатся вместе со мною в МАДИ, мои новые друзья благодаря вашему журналу полюби-

ли Грузию. Хорошо, что теперь можно читать журнал в интернете.

Мы поздравляем редакцию «Русского клуба» с Новым годом и желаем творческих успехов, мира и чтобы этот мостик был всегда открыт с обеих сторон. Передаю мои поздравления и наилучшие пожелания грибоедовцам, студии «Золотое крыльцо», где я когда-то занималась.

Марина ДЖАПАРИДЗЕ

Уже много лет читаю ваш журнал и не перестаю восхищаться, как умно, талантливо, красиво и грамотно вы делаете очень нужное в наше непростое время дело. Вы знакомите нас с Грузией, которую невозможно не полюбить, потому что этой любовью наполнена каждая статья в «Русском клубе».

Сердечно поздравляю редакцию журнала с Новым годом! Спасибо вам, и очень надеюсь на долгую счастливую творческую жизнь журнала. Мира и благополучия вам, вашим близким и всей Грузии!

Вероника ЗУЕВА

Наша семья с нетерпением ждет каждый номер журнала «Русский клуб», который с озабоченностью периодически поступает к нам. Журналы доносят до нас новости о культурной жизни Грузии, интерес к которой в Москве не иссякает.

Особое впечатление на нас произвела статья «Триптих о Грузии» Евгения Гришковца. Наша ностальгия настолько велика, что каждый абзац вызывал слезы и охватывал волной грустных воспоминаний.

Действительно, наш любимый Тбилиси – памятник культур и традиций разных веков. А как точно и красочно описаны уникальнейшие грузинские застолья и знаменитое многоголосие. Начатые В. Головиным «прогулки по Сололаки» вызывают неповторимые ощущения сиюминутного физического присутствия в городе.

С самыми добрыми чувствами наша семья поздравляет вас с Новым 2012 годом!

Свято храните верность своему делу!

Наталья КАХЕТЕЛИДЗЕ

ИЗ ДОНЕЦКА

Уважаемый господин редактор! Пишу вам из Донецка (Украина). Я тележурналист, начинаю снимать фильм о Давиде Гурамишвили и Лесе Украинке. Его планируется закончить в конце следующего года.

Была бы признательна за разрешение использовать при написании сценария фильма материал Владимира Чередниченко о Давиде Гурамишвили. Кроме того, весной я собираюсь приехать со съемочной группой в Грузию. Если будут вопросы – отвечу. Заранее благодарна за ответ.

Александра КРУГЛЕНКО

ИЗ ДУБАЯ

Мы, эмигранты из Грузии, уже длительное время получаем журнал «Русский клуб».

Я мать двоих детей. Старшая дочь Машенька серьезно увлекается живописью. Большое впечатление на нас произвела статья о результатах конкурса детского рисунка «Путь к звездам», объявленного МКПС «Русский клуб», и, конечно, обложка с изображением Вселенной, рожденная детской фантазией. Этот номер журнала стал в нашей семье настольной книгой. Убедительно просим впредь приглашать нашу Машеньку на конкурсы детского рисунка. С большим удовольствием, ответственностью и гордостью примем в нем участие.

Поздравляем с Новым 2012 годом!

Лиана ГНОЛИДЗЕ

ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Я родилась и жила в Тбилиси. Окончила институт иностранных языков, работала в школе педагогом английского языка. Несколько лет назад переехала на постоянное местожительство в Америку, в Лос-Анджелес. Моя дочка работает гидом в турагентстве. Туристы из Грузии подарили ей несколько номеров журнала «Русский клуб». Мы были поражены и удивлены, что в Тбилиси выпускают такой журнал. Он знакомит нас с замечательными людьми, совершавшими и совершающими прекрасные дела. Каждый раз, когда приезжают туристы, дочка просит привезти журнал «Русский клуб». Полученные номера читаем в общине, где собираются граждане из Грузии, России, Армении, Украины, а потом забираем домой и перечитываем в кругу семьи.

В этом году получили все номера журнала, даже 11-й. Поздравляем с днем рождения руководителя проекта Николая Николаевича Свентицкого, желаем долгой жизни, энергии, сил, терпения. Желаем, чтобы журнал набирал обороты, умнел, мудрел, приобретает все больше читателей. Журналом заинтересовались и американцы. Моя дочка переводит им на английский язык.

Мы вступаем в новый 2012 год. Пусть он будет годом новых творческих свершений, очередным годом ответственности перед многотысячной армией читателей, с нетерпением ждущих каждый номер «Русского клуба».

Элисо ДОЛИДЗЕ

ИЗ ПАРИЖА

Моя родина – Грузия. Я истинный грузин, но по семейным обстоятельствам большую часть жизни нахожусь в Париже. Поэтому в Тбилиси мои друзья называют меня русскоязычным французом.

Совсем недавно, сидя в скромном парижском кафе, я увидел мужчину, с чашечкой кофе в одной руке и развернутым журналом – в другой. Это был яркий, красочный журнал «Русский клуб». У нас завязался интересный разговор, разговор воспоминаний. Мы подружились, и я получил возможность перечитывать ваш журнал за весь 2011 год. По несколько раз перечитываю статьи, особенно журналистов, знакомых с молодости.

Евгений ТАНИАНИ

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Лаличка! Спасибо за бесценный подарок – номера журнала «Русский клуб», сборник «Сны о Грузии», набор открыток «На берегах Куры Россию вспоминая», поэтический сборник «Обелиск».

Я испытываю ностальгию по Грузии, бескорыстной, образованной, излучающей добро и любовь. Я человек русской культуры по образованию и грузинской по воспитанию. Я в восторге от публикаций журнала «Русский клуб», талантливых, высокого эстетического уровня, от поэтического сборника «Обелиск» с автографом, в котором навеки запечатлен подвиг грузинского народа. Достойной оценки заслуживает оформление журналов: талант художников, дизайнеров, фотографов. Изумительные портреты!

Я потрясена успехами моего любимого театра имени А.С. Грибоедова. Завидую современным зрителям. Хотелось бы увидеть спектакль «Гетто». Можно ли мечтать о гастрольях театра в США?

Не знаю, как оценить бесценный подвиг Николая Свентицкого, создавшего Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» в сложный период грузино-русских отношений!

Спасибо за то, что ты дала мне возможность общаться с энциклопедически образованными интеллигентами и умными собеседниками.

Мина ЖУКОВСКАЯ

ДАЛЕКАЯ, НО ТАКАЯ БЛИЗКАЯ

В выставочном зале Национальной библиотеки Парламента Грузии прошла необычная выставка. Были представлены живописные и графические работы грузинских художников на польскую тему.

Выставка возникла не случайно. Более десяти лет я работаю над темой. В результате были изданы альбом «Польские художники в Грузии», монография «Генрик Гриневский» и ряд статей.

Это были художники, не по своей воле попавшие на Кавказ, сосланные или же потомки высланных участников народно-освободительных движений, охвативших страну в 1831-1832 и 1863 годах. Для этих художников Грузия стала второй родиной, а грузинская тема близкой и основной. Польские художники внесли большой вклад в развитие грузинской культуры. Очевидным был большой интерес общественности к публикациям и выставкам поляков. Необходимо отметить, что интерес был обоюдный. Польша также радушно принимала грузинских эмигрантов в 20-е годы прошлого века. Грузины рядом с поляками сражались во время Второй мировой войны, грузинские фамилии обнаружены в списках погибших в Катыни.

Когда в начале года я предложила грузинским художникам принять участие в выставке и создать работы на польскую тему, все охотно согласилось. Среди участников выставки были как молодые, недавно закончившие Тбилисскую академию художеств, так и художники среднего и старшего поколений. Все принялись за работу с большим воодушевлением и даже с энтузиазмом. Кое-кто из художников бывал в Польше, имел зарисовки, кто-то был участником пленэра, проводившегося там. Многие читали произведения классиков – Адама Мицкевича, Генрика Сенкевича, Яна

Работы грузинских художников на польскую тему

Потоцкого, Ярослава Ивашкевича и других, создали картины на темы их произведений.

28 художников приняли участие в выставке. Здесь можно было увидеть произведения разного направления, разного стиля и с разной манерой письма. Выставка отличалась разнообразием тематики и оригинальностью ее решения. Несколько работ представляло виды и архитектурные памятники, но больше было сюжетных композиций. Ряд авторов избрал тему Второй мировой войны – горящий город, сожженная Варшава, дети в концлагере, первый день войны – сентябрь 1939-го, беженцы, Катынь ... Были на выставке полотна, изображавшие Николая Коперника, Марию Склодовскую-Кюри. Музыка Шопена вдохновила авторов на создание художественных образов.

Все художники искренне и с воодушевлением создавали произведения, в которых отразили свой взгляд на Польшу, далекую, но такую близкую.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

Фото Александра Сватикова

Новогодний праздник в Тбилиси

